

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3

Том 1. Филология

Санкт-Петербург
2011

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 3 (Том 1)'2011
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Н. Л. Шадрин, доктор филологических наук, профессор;
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2011

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

Т. Г. Дубинина

Рассказ «Гамлет Щигровского уезда» и проблема «онегинской» традиции
в раннем творчестве И. С. Тургенева.....7

К. А. Нагина

«Сад-свидание» и «сад-воспоминание» в «Семейном счастье» Л. Толстого..... 15

А. Ф. Цирулев

«Поэтическая идея» в трилогии Л. Н. Толстого «Детство»,
«Отрочество», «Юность» 27

Н. Б. Черепанова

«Остров русалок» В. В. Гофмана как лирический цикл 33

Н. Г. Шарапенкова

Мифолого-символический аспект имени собственного
в романе Андрея Белого «Москва» 41

М. П. Качалова

«Дневники» М. М. Пришвина: понятие родственного внимания 53

А. В. Григоровская

Феномен цикличности истории в российской антиутопии 2000-х годов 63

О. Ю. Осьмухина, С. А. Байкова

Игровое повествование как форма воплощения речевого сознания автора
и героя в новеллистике Евг. Попова 71

ЛИНГВИСТИКА

А. И. Байрамукова

Корреляция писательской и лексикографической деятельности В. И. Даля
в контексте лексикографической работы писателей XVIII-XIX веков 81

Н. В. Бубнова

Смоленские ономастические единицы
в Большом лингвострановедческом словаре «Россия».....92

Н. В. Козловская

Особенности русской философской терминологии
конца XIX – начала XX веков 102

В. Н. Парфёнова

Референция имён собственных в немецком языке 111

Т. С. Графкова

Словообразовательное калькирование заимствованных слов
с конфиксом как источник синонимии в немецком языке.....121

С. А. Кабанова

К вопросу о главном члене односоставного глагольного предложения
в славянских языках.....129

Е. А. Петрова

Анализ модификационной семантики сложных предложений 139

О. Н. Иванищева

Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств
и положение саамского языка на Кольском полуострове.....145

<i>Е. А. Барляева</i> Символ как элемент сравнительной конструкции	153
---	-----

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

<i>Н. Н. Кудашова</i> Основы текстового антропоцентризма в лингвокогнитивном освещении (на материале романа Б. Шлинка «Чтец»)	160
<i>А. А. Лепёнышева</i> К вопросу о методах изучения концептов	168
<i>И. С. Кузьмина</i> Динамика концептосферы детского художественного текста как отражение возрастной картины мира (на материале английского языка)	175

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

<i>О. Н. Морозова</i> Некоторые особенности стилистики современного политического интернета ..	183
<i>Н. Г. Нестерова</i> Структурно-смысловая организация дискурса аналитической радиопрограммы ..	190
<i>Е. В. Филиппова</i> Роль обращения в реализации принципа вежливости в современном англоязычном публичном дискурсе	200
<i>Л. В. Бородина</i> Явление креолизации в письменном тексте анекдота (на материале русского и французского языков)	206

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>М. О. Таирова</i> Об особенностях отражения категории одушевленности/неодушевленности и разумности/неразумности в падежных формах дагестанских языков	214
<i>Д. М. Эмирова</i> Относительное время и перфект	220

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ

<i>Н. Г. Пирогова</i> Непроизвольное усвоение лексики как способ развития иноязычного тезауруса студентов	228
---	-----

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Т. В. Соколова</i> Языковая картина мира в английских эпиграммах, посвященных семейным отношениям	235
<i>К. В. Паргина</i> Неология современной медиаречи	241
Сведения об авторах	246

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

T. Dubinina

The Story of «Hamlet Schigrovskogo uezda» and the Problem of «Onegin`s»
Tradition of the Early Works I. S. Turgenev 7

K. Nagina

The «Garden-rendezvous» and the «Garden-memory»
in «The Family Happiness» of L. Tolstoy 15

A. Tsirulev

«Poetic Idea» in the Trilogy «Childhood», «Adolescence»,
«Youth» of L.N. Tolstoy 27

N. Cherepanova

«Mermaids Island» of V. V. Hofman as the Lyrical Series..... 33

N. Sharapenkova

Mythology-Symbolic Aspect of Proper Nouns
in Andrey Bely's Novel «Moscow» 41

M. Kachalova

M. M. Prishvin's Dairies: Concept of the Related Attention..... 53

A. Grigorovskaya

Phenomenon of Recurrence of History in Modern Russian Antiutopia
of 2000th years 63

O. Osmukhina, S. Baikova

The Literary Game Narration as the Form of an Embodiment of the Author
and the Hero's Speech Consciousness in Evg. Popov's Short Story..... 71

LINGUISTICS

A. Bajramukova

Correlation of Literary and Lexicographic V. I. Dal's Activity in a Context
of Lexicographic Work of Writers XVIII-XIX centuries..... 81

N. Bubnova

Smolensk Onomastic Units in the Big
Culture-Oriented Linguistics Dictionary «Russia» 92

N. Kozlovskaya

Peculiarities of the Russian Philosophical Terminology
of Late XIX – early XX centuries 102

V. Parfyonova

Reference of Proper Names (on the Basic German Language) 111

T. Grafkova

Word-Formating Calques of Borrowed Words with Konfix as the Source
of Synonymy in German Language..... 121

S. Kabanova

Main Member of One-membered Sentence in Slavic Languages..... 129

E. Petrova

The Analysis of the Modification Semantics of the Complex Sentences..... 139

O. Ivanishcheva

The European Charter on Regional and Minority and the Sami Language
in the Russian Federation 145

<i>E. Barliaeva</i> Symbol as Element of the Simile	153
--	-----

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION

<i>N. Kudashova</i> Synopsis Basics of Textual Anthropocentrism in Linguocultural Coverage (on the Material of B. Schlink's Novel «The Reader»)	160
<i>A. Lepenysheva</i> On the Problem of the Method in Concept Studies	168
<i>I. Kuzmina</i> The Dynamics of the Conceptual Sphere of the Children Literary Text as a Reflection of the Age Map of the World (on the Materials of the English Language)	175

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

<i>O. Morozova</i> Some Features of Stylistics of Modern Political Internet	183
<i>N. Nesterova</i> Structural and Semantic Organization of the Discourse of Analytical Radioprogram	190
<i>E. Filippova</i> The Role of Address Forms in the Realization of the Politeness Principle in Modern English Publik Discourse	200
<i>L. Borodina</i> Phenomenon of Creolization in Written Texts of Anecdotes (the Analyses Based on Texts in Russian and French)	206

COMPARATIVE STUDIES

<i>M. Tairova</i> Reflection of Animation / Inanimation and Rrationality / Irrationality Categories in the Case Forms of Dagestan Languages	214
<i>D. Emirova</i> Relative Tense and Perfect	220

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

<i>N. Pirogova</i> Incidental Vocabulary Acquisition as a Mode of Second Language Thesaurus Development by Students	228
---	-----

REVIEWS AND ESSAYS

<i>T. Sokolova</i> Language World Picture of English Epigrams Devoted to Family Relations	235
<i>K. Pargina</i> Neology of Modern Media Text	241
About authors	246

УДК 821.161.1.09 "18"

Т. Г. Дубинина

Рассказ «Гамлет Щигровского уезда» и проблема «онегинской» традиции в раннем творчестве И. С. Тургенева

В статье на примере рассказа «Гамлет Щигровского уезда» рассматривается вопрос об отношении Тургенева-прозаика в 1840-е годы к роману Пушкина «Евгений Онегин». Исследуется попытка творческой полемики писателя с его великим предшественником, которая станет важным этапом для продолжения пушкинской «онегинской» традиции в романах Тургенева в дальнейшем.

In the article on the story «Hamlet Schigrovskogo uezda» deals with the problem of Turgenev's attitude in his early prose to Pushkin's «Evgenie Onegin». The author investigates an attempt of Turgenev's creative polemics with the great predecessor and regards it as an important step to his developing of Pushkin's novel tradition in 1840th.

Ключевые слова: Тургенев, рассказ, «Гамлет Щигровского уезда», «Евгений Онегин», традиция.

Key words: Turgenev, story, «Hamlet Schigrovskogo uezda», «Evgenie Onegin», tradition.

Художественное наследие А. С. Пушкина оказало огромное влияние на все творчество И. С. Тургенева. Ряд видных исследователей – А. Цейтлин [9], А. И. Батюто [1], Г. Б. Курляндская [4], В. Д. Сквозников [7], И. А. Беляева [3], А. А. Бельская [2] – рассматривают вопрос о значении пушкинского наследия для Тургенева-художника, отмечая постоянную обращенность последнего к текстам великого предшественника. Несомненно, важнейшим из них, если не самым важным, оказался знаменитый роман в стихах «Евгений Онегин». Тургенев стремился запечатлеть уже в своих произведениях современных ему «Онегиных», «Татьян», «Ленских», однако в 1840-е годы эти поиски окажутся безуспешными. «Примеряя» на героев своих рассказов («Бретер», «Андрей Колосов», «Три портрета») и стихотворных новелл («Параша», «Андрей») «онегинскую» ситуацию, художник убедительно доказывает незащитность человеческой личности перед пошлостью будней.

Рассказом «Гамлет Щигровского уезда» из цикла «Записки охотника» Тургенев продолжает «онегинскую» линию в своем творчестве. Писателя все также волнует проблема существования личностей, сомасштабных пушкинским центральным героям – Онегину и Татьяне. Однако путь решения этого вопроса здесь немного изменился по сравнению со стихотворными повестями, например. Теперь писатель не просто изображает

современных Ленских, Онегина, он контаминирует сущностные черты каждого типа в одном герое.

Известно, что метафора «лишний человек», ставшая впоследствии значимым концептом эпохи, является художественным открытием Тургенева. Она фигурирует в названии одной из его повестей, по времени написания очень близкой к «Гамлету Щигровского уезда» и разрабатывающей во многом схожий художественный тип. Центральный персонаж «Гамлета Щигровского уезда», как и герой-рассказчик повести «Дневник лишнего человека», хотя и генетически связан с пушкинским Онегиным, все же имеет принципиальное отличие от своего литературного предшественника. Онегин мыслился своим создателем как лучший представитель своего времени, не случайно в нем сильно героическое начало, Тургенев же подчеркнет в своем персонаже разъедающую рефлексивность, которая умалывает внутренние силы человека. Тургенев не видел в современном ему мире героев, сомасштабных Онегину. В своих произведениях он нередко трагедизирует пушкинского героя. Судьба Ленского, если бы он остался жив и его бы ждал «обыкновенный удел», представлялась Тургеневу более жизненной. И он старался осмысливать судьбу современных Онегиных с учетом судьбы Ленских.

Интересно, что знакомство с главным героем рассказа предваряется появлением двух помещиков – Лупихина и его приятеля Кирилы Селифановича. Лупихин представляет собой резкотрагедизированный, если не пародийный вариант Онегина. Черты его лица дышали «умом и злостью» [8, IV, с. 273], он слыл местным остряком, а между тем сам себе в откровенном разговоре с рассказчиком дал такую характеристику: «Я просто озлобленный человек, и ругаюсь вслух: оттого я так и развязен. <...> Злому, по крайней мере, ума не нужно» [8, IV, с. 274]. Таким образом, герой сам признается в своей пустоте и никчемности, хотя окружающие оценивают его совсем иначе: как наблюдательного и умного человека. С другой стороны, Лупихин в состоянии объективно посмотреть на себя и честно перед собой и собеседником признаться в своих недостатках. Такое действительно глупому человеку вряд ли под силу. Более того, он не стыдится признаться, что его жена убежала с землемером, герой как будто даже бравирует своей откровенностью. Возможно, это отголосок онегинского тщеславия, которое заставляло его в равной степени признаваться «с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках» [6, V, с. 7]. Отношение Лупихина к женщинам напоминает онегинское, каким оно было в самом начале романа. «Одна беда, барынь нету <...>, а то вот где нашему брату пожива» [8, IV, с. 275], – говорит Петр Петрович.

Друг Лупихина, Кирила Селифанович, являет собой его противоположность и пародийный вариант Ленского. Рассказчик представляет его следующим образом: «широкий, мягкий, сладкий – настоящий Сахар-Медович» [8, IV, с. 273]. Он заранее смеется всем остротам своего приятеля

ля. Ленский, как мы помним, был очень добрым, мягким и мечтательным человеком, не способным противостоять цинизму и холодности Онегина, и где-то даже зависимым от его мнения. Кирила Селифаныч, по описанию Лупихина, «сыт, здоров, детей нет, мужики не заложены <...> жена с придурью» [8, IV, с. 274]. Возможно, это вариант того самого «обыкновенного удела», который ожидал бы Ленского и который казался Тургеневу вполне жизненным. Думается, это описание двух закадычных друзей, предваряющих появления Гамлета Щигровского уезда, в тургеневской повести отнюдь не случайно. Тургеневу важно было показать современных ему Онегина и Ленского и тем самым исподволь настроить читателя на восприятие главного героя, в котором черты этих двух, казалось бы столь разных характеров, переплетутся. Это своего рода увертюра, предшествующая появлению нового типа, который, по мысли писателя, наиболее полно воплощал собой современность. Также возможно, что необходимо было показать Гамлета Щигровского уезда на столь ироничном фоне, чтобы яснее выступила драма этого неглупого и непустого человека.

Итак, в Гамлете Щигровского уезда контаминируются черты пушкинских персонажей. Какие же? На первый взгляд, герой тургеневского рассказа имеет больше черт Ленского. Он обучался в Германии, ценит прекрасное. Однако если у цельного, яркого Ленского все это способствовало развитию поэтического таланта, то у героя рассказа, талантом не обладавшего, ни к чему не привело. Сам он скажет о себе: «...рано начал твердить стихи наизусть и кинуть под предлогом мечтательной склонности ... к чему бишь? – да, к прекрасному» [8, IV, с. 273]. Любовь к «прекрасному» и бесконечные разговоры и о нем объединяют Ленского и Гамлета Щигровского уезда. У Онегина и Владимира «все рождало споры / И к размышлению влекло: / Племен минувших договоры / Плоды наук, добро и зло, / И предрассудки вековые / И гроба тайны роковые...» [6, V, с. 38].

Тургеневский же персонаж описывает свое времяпровождение так: «<...> и поплетешься к приятелю и давай трубочку курить, пить жидкий чай стаканами да толковать о немецкой философии, любви, вечном солнце духа и прочих отдаленных предметах» [8, IV, с. 275]. Если пушкинских героев живо занимает разговор и его предмет, во время общения происходит некоторая душевная работа, то тургеневский герой ходит к друзьям и рассуждает о «высоком» скорее по привычке, чтоб не отстать от всех и казаться оригинальным. Между тем он сам впоследствии сознает бесплодность такого прожигания времени, но в молодости не сопротивляется ему и даже находил в нем удовольствие.

Если для Ленского общение – необходимость, возможность выплеснуть эмоции и что-то понять, то для Гамлета студенческий кружок, в котором он окажется, будет средоточием «бесплодной болтовни», хотя в молодости герой этого не осознает, с удовольствием вливаясь в ряды

кружковцев. Но разговоры о прекрасном не дали всходов – и разочарованный герой проклинает кружки. Для молодого же поэта такие разговоры окажутся не просто занимательными и интересными, они подталкивают его к духовной работе, возможно, и к творчеству. Для тургеневского же героя они окажутся бесплодными.

Однако будет неправомерным говорить о том, что Гамлет Щигровского уезда сам не увлекался разговорами о любви, поэзии, красоте и философии. Все эти предметы в юности живо волновали его, но если у Ленского мечтательность и поэтический склад души перешли в творчество, то у Гамлета эти качества остались без развития, а потом и оказались предметом его собственной насмешки. В пользу того, что герой рассказа был одарен поэтическим складом натуры, говорит его любовь к природе. Сам он не упоминает этого своего качества, но оно раскроется при описании вечера, в который он сделал предложение своей супруге: «Я глядел тогда на зарю, на деревья, на зеленые мелкие листья, уже потемневшие, но еще отделявшиеся от розового неба...» [8, IV, с. 291]. Несомненно, эта черта сближает его с Ленским. Кстати, предложение Софье Гамлет Щигровского уезда сделает под впечатлением от поэтического вечера, «страстно задумчивой фразы Бетховена» [8, IV, с. 291], наигрываемой на фортепьяно: «А я сидел, сидел, слушал, глядел, сердце у меня расширялось и мне опять казалось, что я любил» [8, IV, с. 291]. Такая впечатлительность, поэтический склад натуры, несомненно, говорят о связи Гамлета Щигровского уезда с образом Ленского.

Следующий момент, сближающий тургеневского персонажа с Ленским, – ситуация любви. В первый раз герой рассказа был влюблен в дочку немецкого профессора по имени Линхен, с кудрями «в завитках» и бледно-голубыми глазами. Этот описание очень напоминает портрет Ольги Лариной: «Глаза как небо голубые; / Улыбка, локоны льняные...» [6, V, с. 41]. Более того, даже описывая времяпровождение влюбленных, Тургенев следует за пушкинским романом: «<...> читал ей вслух разные трогательные сочинения, пожимал ей украдкой руки, а по вечерам мечтал с ней рядом, упорно глядя на луну, а не то просто вверх» [8, IV, с. 286]. В «Евгении Онегине» читаем: «В ее покое / Они сидят в потемках двое...» [6, V, с. 76]; «Он иногда читает Оле / Нравоучительный роман...» [6, V, с. 77]. Однако если Ленский останется влюбленным в Ольгу до конца своих недолгих дней, то герой рассказа «не выдержит такого счастья и убежит». Сам он оговорится, начав описывать этот роман: «Вдруг мне показалось, что я влюбился...» [8, IV, с. 286]. И Ленский, и Гамлет Щигровского уезда выбирают себе в подруги достаточно ординарных особ, однако романский герой действительно любит избранницу, а персонажу рассказа любовь лишь «кажется». Ленский отдается любви весь, без остатка, а у Гамлета Щигровского уезда даже в «мгновенья неизъяснимого блаженства» «отчего-то все под ложечкой сосало и тоскливая, холодная дрожь пробегала по же-

лудку» [8, IV, с. 286]. Отдаться чувству полностью герой просто не способен – в нем нет той цельности, той духовной силы, которая для этого необходима. Более того, ставится под сомнение сама возможность существования любви, какой она представлена в пушкинском романе, – великой силой, преображающей людей, вечной и верной.

Еще одно подтверждение этой мысли – история женитьбы героя рассказа. Ему во второй раз «покажется», что он влюблен – и он сделает предложение Софье. Жена Гамлета Щигровского уезда – «существо благороднейшее, добрейшее, существо любящее и способное на всякие жертвы» [8, IV, с. 289]. Но, несмотря на это, герой говорит, что если б она не умерла, он бы повесился на балке в грунтовом сарае. Отчего так произошло, и почему брак их оказался несчастливый, никто толком объяснить не может. Софья оказывается неспособной к семейной жизни. В нее «въелись все привычки старой девицы – Бетховен, ночные прогулки, резеда, переписка с друзьями, альбомы и прочее, – что ко всякому другому образу жизни, особенно жизни хозяйки дома, она никак привыкнуть не могла» [8, IV, с. 292]. С одной стороны, в образе Софьи могут угадываться черты пушкинской Татьяны – доброта, благородство, любовь в природе и искусству, способность любить. Однако Татьяна пройдет огромный духовный путь, превратившись из наивной девушки, зачитывающейся сентиментальными романами, в «милый Идеал». Образ же Софьи развития иметь не будет. И все-таки параллель Софья-Татьяна возможна. Тургеневская героиня не смогла смириться с прозой жизни, как это сделала мать Татьяны, которая «бывало, писывала кровью <...> в альбомы нежных дев», «звала Полиною Прасковью / И говорила нараспев, / Корсет носила очень узкий, / И русский *H* как *N* французский / Произносить умела в нос; / Но скоро всё перевелось; / Корсет, альбом, княжну Алину, / Стишков чувствительных тетрадь / Она забыла; стала звать / Акулькой прежнюю Селину / И обновила наконец / На вате шлафор и чепец» [6, V, с. 45].

Тургеневская героиня органически не способна была стать обычной хозяйкой дома не потому, что не хотела, а потому, что она существо гораздо более тонко организованное. Не зря же в ее девичьей комнате стоят книги Шиллера и Гёте. Известно, что творчество последнего Тургенев особенно ценил. Более того, в этой же комнате висит рисованный карандашом портрет молодого человека «с необыкновенно энергическим выражением лица и еще более энергическою подписью», который возбудил «несоразмерные ожидания», а кончил, «как все мы – ничем» [8, IV, с. 291]. Возможно, это намек на прошлую и, скорее всего, трагическую любовь Софьи. Нельзя не заметить что «энергические» черты лица и подпись под портретом, а также «несоразмерные ожидания», возбуждаемые этим молодым человеком, отсылают нас к образу самого Онегина, как он представлялся Тургеневу в то время. Жена Гамлета Щигровского уезда не смогла избавиться от романтических привычек. Но не только это послужило при-

чиной семейного несчастья. Гамлет, называя свою супругу «добрейшим, благороднейшим существом», однако, не способен до конца понять и оценить ее. Видимо, путь старушки-Лариной казался Тургеневу более жизненным, недаром Софья умрет от первых родов.

Герой два раза оказывается в ситуации любви, и оба раза она не оказывается для него той спасительной силой, которой станет это чувство в пушкинском романе. Очевидно, Тургеневу в начале 1850-х годов подобные смыслы любви казались слишком идеальными и нежизненными.

Интересно, что «обыкновенный удел», нарисованный в «Евгении Онегине» как вариант развития судьбы Ленского, в конечном итоге становится уделом тургеневского персонажа. Однако и тут есть принципиальное отличие: если, по пушкинской версии, Ленский мог бы быть в такой ситуации счастлив, то Гамлет Щигровского уезда несчастен, ведь он не случайно начинает заглядываться на балку, на которой можно повеситься. Он болен разъедающей рефлексией, отчаянно скучает, потому что участь бедного уездного помещика с тихим семенным счастьем его не устраивает, а между тем ни на какое дело он не способен.

Несомненно, сближает Ленского и тургеневского героя занятие литературой. Однако если Владимир считает поэзию своим призванием и пишет по велению вдохновенья или под впечатлением от своих переживаний, то Гамлет Щигровского уезда «попытался было пуститься в литературу» [8, IV, с. 293] от скуки. Немаловажным представляется и факт, что Ленский – поэт, тогда как тургеневский герой пишет рассказ. Кроме того, у Гамлета Щигровского уезда не окажется таланта, хотя в уме ему «невозможно отказать» [8, IV, с. 294]. Пушкин же никогда не назовет своего Ленского умным человеком, в нем привлекает другое – чистота, цельность, непосредственность. Всех этих качеств персонаж рассказа лишен, и в данной ситуации полностью противопоставлен юному поэту. Гамлет Щигровского уезда, несмотря на свой ум и даже несколько поэтический склад характера, не сможет стать творцом. Он измучен самоанализом, и все непосредственные, живые движения души в нем постепенно сходят на нет. Это проявится и в любовной ситуации, где герой не способен любить по настоящему, и в «испытании искусством». Подчеркнуть приведенные выше качества героя, который стал художественным открытием молодого писателя, видимо, представлялось Тургеневу принципиальным.

Много общего можно найти у Василия Васильевича, который «скромно» просит называть себя Гамлетом Щигровского уезда, и с Онегиным. Во-первых, даже еще не представившись рассказчику, он дает себе (и ему) такую характеристику: «И вы, и я, мы оба порядочные люди, то есть эгоисты <...>» [8, IV, с. 280]. Эгоизм Онегина очевиден, начиная с его размышлений о судьбе умирающего дяди и заканчивая его отношениями с женщинами. Другое дело, что в начале романа Евгений еще не будет столь склонен к непрерывной мучительной рефлексии, как Гамлет Щигровского

уезда, да и впоследствии самоанализ Онегина никогда не расширится до таких масштабов. И все же эгоизм – та черта, которая их изначально объединяет. Более того, Онегин ведь имеет успех и соблюдает все светские приличия – к нему так же применимо словосочетание «порядочный человек». Другое дело, что позднее, когда Татьяна признается в любви, он явит собой пример истинной порядочности и даже больше – благородства, отказав ей. Способен ли Гамлет Щигровского уезда на такую порядочность? Вопрос, видимо остается открытым.

Интересно, что в описании молодости Гамлета Щигровского уезда есть немало пересечений с романом Пушкина. Часто они травестировано перекликаются с историей Онегина. Так, губернатор пушкинского героя был «француз убогий», а тургеневского воспитывал «французский губернатор» немец Филлипович «из нежинских греков» [8, IV, с. 283]. И эта параллель могла показаться лишь типологически свойственной тому времени случайностью, если бы не другая аллюзия. В романе читаем: «Когда же юности мятежной / Пришла Евгению пора, / Пора надежд и грусти нежной, / *Monsieur* прогнали со двора» [6, V, с. 10]. В рассказе: «Вот, как мне стукнуло шестнадцать лет, матушка моя, нимало не медля, взяла да прогнала моего французского губернатора <...>» [8, IV, с. 283].

Невозможно не заметить и еще одну отсылку к «Евгению Онегину». Родители его умерли, не оставив наследства, и положение дел спасает дядя, написавший завещание в его пользу. В рассказе же ситуация ровно наоборот: матушка героя, умирая, оставляет его на попечение дяди – «стряпчего Колтуна-Бобуры», который и «ограбил его дочиста».

Конечно, такие переклички не случайны. Они настраивают читателя на невольное сравнение Онегина и Гамлета Щигровского уезда. Тем важнее кажется утверждение тургеневского Гамлета, следующее сразу за рассказом о юности: «недостаток оригинальности уже и тогда во мне замечался» [8, IV, с. 283]. Онегина, при всех его отрицательных чертах, обыкновенным назвать невозможно. Напротив, он отличается оригинальностью суждений, независимым и острым умом, откровенностью и даже прямоотой. Это и станет залогом развития его души в дальнейшем. Тургеневский же герой, при несомненном уме, прекрасном образовании останется ординарным, не способным на сильные, большие чувства и дела. Все лучшие порывы его души будут обречены на угасание при самом возникновении.

Конечно, Онегин более честен и непосредствен, чем Гамлет Щигровского уезда. Изначально оба они глухи к искусству, но пушкинский герой и не пытается показать себя его любителем: «<...> потом на сцену / В большом рассеянье взглянул, / Отворотился – и зевнул, / И молвил: "Всех пора на смену; / Балеты долго я терпел, / Но и Дидло мне надоел"» [6, V, с. 16]. А Гамлет Щигровского уезда не захочет признать, что не получает никакого удовольствия от произведений искусства, чем еще раз подчеркнет свою «неоригинальность» в противовес Онегину: «А между тем, посмотрите, как легко быть оригинальным. Я, например, ничего не смыслю в

живописи и ваянии... Сказать бы мне это просто вслух... нет, как можно! Бери чичерона, беги смотреть фрески» [8, IV, с. 286-287].

Нельзя не обратить внимания еще на одну черту, общую для обоих героев, – скуку. Онегин начинает скучать в обществе в Петербурге, а потом скучает в деревне. «Разбудит» его от хандры сначала сама встреча с Татьяной, затем ее письмо, а потом, и уже окончательно – убийство Ленского. Гамлет же Щигровского уезда начинает скучать в Москве, и во многом эта скука сходна с онегинской: «мне что-то стыдно стало болтать, болтать без умолку, болтать – вчера на Арбате, сегодня на Трубе, а завтра на Ситцевом-Вражке, и все о том же... Да коли того требуют?» [8, IV, с. 288]. Тургеневскому герою так же, как и Онегину, наскучила бесплодная светская жизнь, но порвать с ней он не в состоянии, и лишь случайно, из-за зародившейся на его счет сплетни, он покидает Москву. Кстати, примечательно, что сначала он имеет в Москве успех подобно тому, как к Онегину относятся в обществе в Петербурге.

Нельзя не отметить и оппозицию Москва – Петербург, невольно намечающуюся в сопоставлении пушкинского романа и тургеневского рассказа. Если Онегин будет блистать в высшем свете, но на долю Гамлета Щигровского уезда придутся гостиные московских тетушек и кузин. В деревне же Гамлет Щигровского уезда начинает скучать «как щенок взаперти» и уже не выходит из этого состояния. Даже женитьба на, казалось бы, любимой женщине не делает его счастливым.

Думается, Тургенев не случайно ведет своего героя как бы вслед за Онегиным. Отмеченные нами переключки подчеркивают не только разницу в масштабах личностей обоих персонажей, но и драму Гамлета Щигровского уезда – драму образованного, неглупого, незлого человека, лучшие качества которого завяли, не найдя выхода ни в полезной деятельности, ни в искусстве, ни в любви. Итак, в герое своего рассказа Тургенев контаминирует черты Онегина и Ленского, переосмысляет их и создает нечто совершенно новое, абсолютно свое – тип лишнего человека.

Список литературы

1. Батюто А. И. Тургенев-романист. – Л., 1972. – С. 315 – 568.
2. Бельская А. А. Пушкинские реминисценции и аллюзии в романе И. С. Тургенева «Отцы дети» // И. С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. – Орёл, 2008. – Вып. 1. – С. 18-28.
3. Беляева И. А. Система жанров в творчестве Тургенева. – М., 2005.
4. Курлянская Г. Б. И. С. Тургенев и русская литература. – М., 1980.
5. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960 - 1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – С. 472 - 762
6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978.
7. Сквозников В. Д. Пушкинская традиция. – М., 2007.
8. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. – М.; Л., 1963.
9. Цейтлин А. «Евгений Онегин» и русская литература // Пушкин – родоначальник новой русской литературы. – М.; Л., 1941. – С. 335 - 364.

**«Сад-свидание» и «сад-воспоминание»
в «Семейном счастье» Л. Толстого¹**

Образ сада в романе Л. Н. Толстого «Семейное счастье» рассматривается на фоне литературной традиции. Сад в произведениях Л. Н. Толстого соотносится с садом в усадебных романах И. С. Тургенева, что позволяет выявить его своеобразие. «Сад-свидание» в «Семейном счастье» органично включается в «сад-космос», «сад-откровение», доминантные в раннем творчестве Толстого. Сад выполняет этические и социальные функции, маркируя выход в «большой» мир.

The image of the garden in L. Tolstoy's novel «The family happiness» is considered on the background of literature tradition. The garden in L. Tolstoy's works is compared with the garden in the country-seat novels of I.S. Turgenev. This comparison reveals to its originality. The «garden-rendezvous» in «The family happiness» inserts in the «garden-space», the «garden-revelation», which predominate in the early creation of L. Tolstoy. The garden in the novel executes the ethical and social functions and marks the exit in the «big» world.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, «сад-свидание», «сад-воспоминание», «Семейное счастье».

Key words: L. Tolstoy, I. Turgenev, «garden-rendezvous», «garden-memory», «The Family Happiness».

Работа над «Семейным счастьем» велась Толстым в 1858 – 1859 годах, когда уже закрепились ассоциативные связи между усадьбой и любовным романом: литературный сад был «полон девушками в белых кисейных платьях и героями, появляющимися, чтобы завоевать их сердца» [4, с. 123]. Тургеневский «Рудин» (1855) дал своеобразную схему усадебного романа, а за представлением об усадьбах И. С. Тургенев навсегда закрепил «картины не просто свиданий в темных аллеях, но еще и истории испорченных, несовершившихся rendez-vous» [4, с. 123]. После Тургенева усадьба стала восприниматься как место, где живут, по выражению А. П. Чехова, «хорошие девушки и женщины» или «души хороших женщин» [15, II, с. 277]. Героиня первого толстовского романа, Маша, укоренена автором именно в усадебном, даже садовом локусе: она «девочка-фьялка», как прозвал ее опекун Сергей Михайлович, чье появление в Машинном имении является традиционной завязкой подобного рода повествования. Все больше похожее на любовь чувство Маши к Сергею Михайловичу окружено литературным ореолом: это во многом любовь во-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта 2.1.3/1207 «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)», поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ.

ображения, связанная с устойчивым мотивом «чтения книг в саду, литературных разговоров, литературных переживаний» [4, с. 126].

Сама усадебная жизнь, ее некоторая вольность, природа, в частности сад, способствуют развитию любовного романа и в усадебных произведениях Тургенева, и в «Семейном счастье» Толстого. Встречи персонажей происходят в саду; беседа или музицируя в гостиной, они смотрят в сад из раскрытых окон и дверей. В романе Тургенева «Рудин» описывается сад Ласунских, в котором «было много липовых аллей, золотисто-темных и душистых, с изумрудными просветами по концам, много беседок из акации и сирени» [11, IV, с. 31]. В «Семейном счастье» роман Марии Александровны с ее опекуном завязывается и протекает непосредственно в саду. В четырех главах из пяти первой части произведения сад является центральным локусом, отражающим переживания героини: создается впечатление, что «Семейное счастье» задумывалось Толстым как квинтэссенция «сада-свидания» [10, с. 306].

Действие второй части происходит за пределами Покровского, в это время Мария Александровна «изживает» романтические представления о любви, отдаляется от мужа и утрачивает былое гармоническое ощущение своего существования; однако в IX, финальной главе, супруги возвращаются в Машино имение. Сад вновь выступает на первый план, не только напоминая о прошедшем, но и подсказывая тот новый путь, по которому суждено пойти героине. Таким образом, возвращение в сад придает «Семейному счастью» парадигматический характер [3, с. 127].

Можно предположить, что ведущая роль сада в произведении была обусловлена самой его сюжетной коллизией и сближением с Тургеневым. И действительно, у обоих писателей пейзаж «служит аккомпанементом и лирической параллелью к душевным настроениям... героя». Однако у Толстого картины природы выполняют «совершенно особую эстетическую функцию»: в его пейзажных зарисовках решается «проблема слияния с миром “другого” и “других” в ее социальном, нравственно-психологическом, философском аспектах» [2].

В романе Тургенева «Рудин» утверждается образ «сада-свидания», «аккомпанирующий» переживаниям персонажей, чувству зарождающейся любви. В сцене взаимных признаний Рудина и Натальи Ласунской сад отражает высшее напряжение душевных сил, переживаемое влюбленной Натальей, и в то же время предчувствие катастрофы: «В половине десятого Рудин уже был в беседке. В далекой и бледной глубине неба только что проступали звездочки; на западе еще алело – там и небосклон казался ясней и чище; полукруг луны блестел золотом сквозь черную сетку плакучей березы. Другие деревья либо стояли угрюмыми великанами, с тысячью просветов, наподобие глаз, либо сливались в сплошные громады. Ни один листок не шевелился; верхние ветки сиреней и акаций как будто прислушивались к чему-то и вытягивались в теплом воздухе. Дом темнел вблизи;

пятнами красноватого света рисовались на нем освещенные длинные окна. Кроток и тих был вечер; но сдержанный, страстный вздох чудился в этой тишине» [11, IV, с. 78].

Кроткий и тихий вечер напоен тайной, в его тишине чудится «страстный вздох», все замерло в ожидании; это ситуация рокового «затишья», которая «всегда предвещает у Тургенева приближение *Неведомого*» [12, с. 83], «той “силы” (по выражению из “Призраков”), которой “нет сопротивления”, которая может принимать у Тургенева самые разные обличья, но по сути своей всегда – “без зрения, без образа, без смысла”» [12, с. 76]. Одну из причин того полного фиаско, которое Рудин терпит в ситуации с Натальей, А.А. Фаустов как раз и усматривает в «тайном притяжении» между Рудиным, как «отвлеченным человеком», и *Неведомым*: «Оно “отметило”, “избрало” Рудина и “из ревности” не позволило ему воплотить себя в жизни» (курсив автора. – К.Н.) [13, с. 67].

Природа смотрит на персонажей Тургенева «взглядом вечной Изиды», взглядом *Неведомого*: «Неизменный, мрачный бор угрюмо молчит или воет глухо – и при виде его еще глубже и неотразимее проникает в сердце людское сознание нашей ничтожности. Трудно человеку, существу единого дня <...> выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды <...> он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли – и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях...» [11, II, с. 304].

Однако для того, чтобы демонстрировать свое равнодушие к человеку и его судьбе, природе у Тургенева совсем не обязательно быть мрачной. Напротив, в каждом ее движении может сквозить гармония, могут играть «молодые силы», и тем отчетливее тургеневский человек будет ощущать конечность собственного существования, чувствовать, что он лишний на празднике жизни. Обратимся к Эпilogу «Дворянского гнезда»: «Лаврецкий вышел в сад, и первое, что бросилось ему в глаза, – была та самая скамейка, на которой он некогда провел с Лизой несколько счастливых, неповторимых мгновений; она почернела, искривилась; но он узнал ее, и душу его охватило то чувство, которому нет равного и в сладости и в горести, – чувство живой грусти об исчезнувшей молодости, о счастье, которым когда-то обладал. Вместе с молодежью прошелся он по аллеям; липы немного постарели и выросли в последние восемь лет, тень их стала гуще; зато все кусты поднялись, малинник вошел в силу, орешник совсем заглож, и отовсюду пахло свежим дромом, лесом, травой, сиренью» [11, IV, с. 272]. Грусть и воспоминание создают здесь особую атмосферу сада. «У нашего брата, старика, – обращается к молодежи Лаврецкий, – есть занятие, которое вы еще не ведаете и которого никакое развлечение заменить не может: воспоминания» [11, IV, с. 272].

«Сад-воспоминание» [10, с. 306] выражает суть «недостигнутого, несбывшегося, побежденного, разрушенного» – «обычных тем торжествен-

ного, неотразимо-прекрасного тургеневского минора, обычного музыкального строя его новеллистики» [6, с. 12]. В. Н. Топоров показывает, как «вспоминательная настроенность» русской литературы напрямую связана с садом. В этой традиции «вспоминание неизменно вызывает образ сада – сад в воспоминании и сад воспоминаний, место, где человека окружают воспоминания, образуют не просто тесно связанную, но и взаимодополнительную и взаимообратимую пару» [10, с. 294]. Как и во всей «вспоминательной» линии русской литературы, сопряженной с садом, «здешний сад» Тургенева «напоминает о нездешнем, о царстве смерти, ставшем для ушедших последним безвестным домом, который упорно стремится представить себе в образе сада иного *мира*» [10, с. 316] (курсив автора. – К.Н.).

Персонаж Тургенева – «одиноким, бездомный странник», непричастный общей жизни, что и демонстрирует его рецепция сада. В Эпilogue романа сад существует словно рядом с персонажем, и он остро ощущает свою ненужность и смиряется с ней. Сад напоминает о скрытом законе природной жизни, который был сформулирован писателем в «Поездке в Полесье»: «Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе – вот самая ее (природы. – К.Н.) основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится. Все, что выходит из-под этого уровня, кверху ли, книзу ли, все равно – выбрасывается ею вон, как негодное» [11, II, с. 318]. Иными словами, «стихийное “разлитие жизни” природы, вполне равнодушной к человеку, представляется Тургеневу источником трагизма и одновременно очарования: человек не может не чувствовать своей незначительности и обреченности перед лицом бессознательного творчества природы и, сам порождение этого творчества, не может не подпасть под ее обаяние» [1, 101].

С толстовским человеком природа «говорит» иначе. Она вселяет в него то чувство, единственно которым он жив: чувство сопричастности единому целому. Как пишет О. В. Сливичкая, «человек Толстого почти всегда находится в состоянии “сопряжения” с миром. Именно сопряжение как резонанс позволяет преодолеть границы между внутренним и внешним и обнаружить тончайший механизм их взаимопроникновения». Отношения между природой и человеком могут выстраиваться по линии движения от внутреннего к внешнему и от внешнего к внутреннему: «в первом случае – это проекция внутреннего состояния, человек *вбирает* в себя то, что этому состоянию соответствует. Во втором случае природа заставляет человека *выйти* за пределы своего состояния, расширяет его или переводит в иное измерение» [7, с. 111 – 112] (курсив автора. – К.Н.).

В «Семейном счастье» коммуникация с природой происходит в обоих направлениях. Толстовский человек отыскивает в природе то, что созвучно ему самому, о чем прямо говорит Маша: «Когда затих уже топот его лошади, я пошла кругом на террасу и опять стала смотреть в сад, и в росистом

тумане, в котором стояли ночные звуки, долго еще видела и слышала ночные звуки, долго еще видела и слышала все то, *что хотела видеть и слышать*» [8, с. 82] (курсив мой. – *К.Н.*). В рецепции героини и сад, и весь окружающий мир преобразуется под влиянием нового чувства – чувства любви к Сергею Михайловичу: «Наш сад, наши рощи, наши поля, которые я так давно знала, вдруг сделались новыми и прекрасными для меня» [8, с. 85]. Но рядом с этим традиционным для русской литературы восприятием природы возникает новое, чисто толстовское: Маша испытывает то самое «самозабвение», которое ведет к умалению собственного «я» и рождает ощущение единства с большим миром. Следом за процитированным пассажем о прекрасном преобразении сада, рощей и полей следует неожиданное открытие, сделанное героиней под влиянием ее избранника и непрерывного контакта с природой: «Недаром он говорил, что в жизни есть только одно несомненное счастье – жить для других». Это пример движения от внешнего к внутреннему, результатом которого становится выход «за пределы своего состояния». От сада – через «жизнь для других» – к Богу: такая цепочка выстраивается в «Семейном счастье», как и в других произведениях Толстого (второе и третье звено могут меняться местами). Правда, героиня «Семейного счастья» обращается к Богу не в саду, а в своей «комнатке», но ее рассказ о молитве следует непосредственно за абзацем, в котором содержится переход от сада к «жизни для других».

В «Семейном счастье» выход в социальный мир маркирован расширением границ садового локуса; сидя на скамейке в саду, взволнованная надвигающейся грозой и предстоящим свиданием с Сергеем Михайловичем, Маша рассматривает дорогу за садом, гумно и «пыльное поле», на котором работают крестьяне: «По видневшейся местами дороге за садом, не прерываясь, медленно тянулись высокие скрипящие воза со снопами, то быстро, навстречу им, постукивали пустые телеги, дрожали ноги и развевались рубахи <...> Подальше, на гумне, слышались те же голоса, тот же скрип колес, те же желтые снопы, медленно продвигавшиеся мимо забора, там летали по воздуху, и на моих глазах росли овальные дома, выделялись их острые крыши, и фигуры мужиков копошились в них <...> Пыль и зной стояли везде, исключая нашего любимого местечка в саду. Со всех сторон в этой пыли в зное, на горячем солнце, говорил, шумел и двигался трудовой народ» [8, с. 87]. «Пейзаж в “Семейном счастье” <...> по своим важнейшим этическим и социальным функциям в романе – вполне *толстовский*, – приходит к выводу А. Г. Гродецкая. – Хотя, безусловно, благодаря лирической стихии, проникающей ранний толстовский роман, пейзажные зарисовки в нем остаются близкими тургеневским» (курсив автора. – *К.Н.*) [2].

Эта близость Тургеневу сказалась на семантике «сада-свидания», той новой составляющей толстовского сада, которая так отчетливо проступила в «Семейном счастье». Однако и здесь Толстой оригинален: прежде чем

между персонажами состоится традиционное для усадебного романа объяснение в садовой аллее или беседке, они окажутся в маленьком вишневом саду, растущем в сарае с сеткой вместо потолка. Функции вишневого сада в романе Толстого связаны с восприятием вишни «как “плода”, имевшего некую особенную сакрально-поэтическую семантику» [5, с. 49]. На эту семантику указывает В. А. Кошелев в статье, посвященной мифологии «сада» в последней комедии А. П. Чехова. Исследователь замечает, что вишня – «сладка ягода» – наряду с «малиной» воспринималась как плод, связанный с «девичьими играми и с соответственными любовными хлопотами». В.А. Кошелев обращается «к приписываемому лицеисту Пушкину» стихотворению «Вишня», действие которого происходит в «вишеннике густом» и благодаря которому плоды вишни стали «гимназическим» эротическим символом. Автор статьи выдвигает гипотезу, что именно от этой традиции отталкивается А. П. Чехов в «Вишневом саду» – в его комедии «“садовый” миф оказывается противопоставлен “вишневому” мифу»: «Мифология “вишенника”» предстает недействительной, и это «разрушение привычной для русской поэзии мифологии придает чеховскому произведению очень своеобразный литературный “подтекст”» [5, с. 51].

На особую «сакрально-поэтическую семантику» вишни ориентирована и сцена в вишневом саду Толстого. Маша с младшей сестрой Соней и гувернанткой Катей в ожидании Сергея Михайловича идут в сад, а Катя велит «принести персиков и вишен», которые «очень любит» гость. Явившийся вскоре Сергей Михайлович пребывает в состоянии «дикого восторга»: «Он был точно школьник, вырвавшийся от ученья; все существо его, от лица и до ног, дышало довольством, счастьем и детскою резвостью» [8, с. 87]. Неожиданно возникший «школьный» мотив подтверждается и самим персонажем: «... мне нынче тринадцать лет, хочется в лошадки играть и по деревьям лазить» [8, с. 87]. «Омоложение» Сергея Михайловича до возраста гимназиста и такой же «школьный» возраст Маши невольно отсылают к приписываемому Пушкину стихотворению, персонажами которого являются «пастушок» и «пастушка младая». Между тем вишни настойчиво выдвигаются Толстым на передний план: Сергей Михайлович, увидев тарелку с вишнями, «как будто украдкой» схватывает ее, а затем ест вишни наперегонки с Соней, и вскоре тарелка оказывается пуста. Маша зовет его идти за вишнями, в сарай.

Вишневый садик заперт в сарае: это, пожалуй, первый сад в толстовских произведениях, доступ в который закрыт. Подобный контекст только усиливает эротическую семантику вишен, которые превращаются в запретный плод. Далее события явно разворачиваются по сценарию «Вишни». Воспользуемся пересказом В. А. Кошелева: «Сюжет стихотворения, приписываемого Пушкину-лицеисту, несложен. Героиня – “пастушка младая” – попадает в “вишенник густой” и, соблазнившись спелыми вишнями, залезает за ними на дерево, но неожиданно срывается с него, по несчастии

задрал юбку. Проходивший мимо “пастушок” “ всю прелесть узрел”, а потом, освободив “пастушку”, прижал ее к страстной груди» [5, с. 50]. Сильно помолодевший Сергей Михайлович влезает на угол сарая и спрыгивает вниз. Подобно «пастушке», Маша упорствует в своем желании рвать вишни и стремится оказаться в запретном локусе: «Я <...> встав на пустую кадку, так что стена мне приходилась ниже груди, перегнулась в сарай. Я окинула глазами внутренность сарая с его старыми изогнутыми деревьями и с зубчатыми широкими листьями, из-за которых тяжело и прямо висели черные сочные ягоды, и, подсунув голову под сетку, из-под корявого сука старой вишни увидела Сергея Михайловича». Увидев свою возлюбленную, он «покраснел, побагровел, как ребенок», но улыбнулся, и «лицо его просияло радостью». «Это был уже не старый дядя, ласкающий и поучающий меня, это был равный мне человек, который любил и боялся меня и которого я боялась и любила» [8, с. 90], – констатирует Маша. Кажется, еще немного – и события примут поворот, описанный в «Вишне». Маша, подобно пастушке, прыгает на землю сарая. Однако Сергей Михайлович – персонаж толстовский, и желания, навеянные «мифологией “вишенника”», приходят в противоречие с жесткими нравственными нормами. В выражении его лица Маша видит упрек: «Он холодно, опять отечески обратился ко мне, как будто мы делали что-нибудь дурное и как будто он опомнился и мне советовал опомниться» [8, с. 90]. «“Вишневый” миф» разоблачен, и ягоды, за которыми отправились в сад влюбленные, утрачивают свою привлекательность.

Рассудок доминирует над чувствами Сергея Михайловича, но его любовь к Маше поэтична. Местом объяснения должен стать не вишенник, мифология сада подсказывает иной локус, более соответствующий такого рода любви: садовая аллея или беседка, увитая цветами. В «Семейном счастье» липовая аллея соответствует возвращению чувств персонажей в привычное русло возвышенной любви, а на террасе, выполняющей функции беседки, произойдет окончательное объяснение. Сцену в липовой аллее предваряет сцена в гостиной; окна комнаты, как всегда у Толстого, распахнуты в сад. Маша играет на рояле «сонату-фантазию Моцарта». Сад и музыка сопрягаются в этой сцене. Музыка не просто соединяет влюбленных, а дарует способность проникать в тайники чувств другого: «Каждый взгляд, каждое движение его, которых я не видала, отзывались в моем сердце <...> Я чувствовала это наслаждение, которое он испытывал, и, не глядя на него, чувствовала взгляд, который сзади был устремлен на меня» [8, с. 92]. И весь этот безмолвный разговор ориентирован на сад.

Ситуация напоминает сцену из «Рудина», когда в гостиной, окно которой открыто в сад, Наталья и Рудин слушают «Лесного царя» Шуберта в исполнении Пандалевского. И Тургенев, и Толстой связывают музыку и сад, заставляя своих персонажей – Рудина и Сергея Михайловича – после окончания музицирования подойти к окну. «Рудин ничего не сказал и по-

дошел к раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой пеленой над садом; дремотной свежестью дышали близкие деревья. Звезды тихо теплились. Летняя ночь и нежилась и нежила. Рудин поглядел в темный сад – и обернулся» [11, IV, с. 42]. У Толстого Сергей Михайлович, очарованный ночью, предлагает полюбоваться ею Маше и Кате: «Мы подошли к нему, и точно, это была такая ночь, какой я уже никогда не видала после. Полный месяц стоял над домом за нами, так что его не видно было, и половина тени крыши <...> лежала на песчаной дорожке в газонном круге. Остальное все было светло и обито серебром росы и месячного света. Широкая цветочная дорожка <...> вся светлая и холодная, блестя неровным щебнем, уходила в тумане и вдаль. Из-за деревьев виднелась светлая крыша оранжереи, и из-под оврага поднимался растущий туман. Уже несколько оголенные кусты сирени все до сучьев были светлы. В аллеях тень и свет сливались так, что аллеи казались не деревьями и дорожками, а прозрачными, колыхающимися и дрожащими домами <...> еще светлее выходила из этого мрака причудливо раскидистая макушка тополя, которая почему-то странно остановилась тут, недалеко от дома, наверху в ярком свете, а не улетела куда-то, туда далеко, в уходящее синеватое небо» [8, с. 93].

У обоих писателей это «сад-космос», связывающий персонажей с большим миром, однако способы видения, а отсюда и изображения этого сада, различны. Взгляд Рудина устремлен вверх: он ощущает «душистую мглу» над садом, видит не стволы деревьев, а их кроны, смотрит на тихо теплящиеся звезды. Художественное пространство сада у Толстого расположено и на вертикальной, и на горизонтальной оси. Толстым маркированы верх и низ – точки вертикали, соединяющие небо и землю. Не менее Толстого волнует и протяженность пространства, его горизонталь: цветочная дорожка уходит в туман и вдаль, виден туманный овраг, просматриваются аллеи. Пространство сада разомкнуто, что принципиально важно для писателя.

Такая разная рецепция сада у Тургенева и Толстого является средством характеристики персонажей. Рудин не состоятелен, когда дело доходит до реальных чувств; взгляд, скользящий над садом, только подтверждает его умозрительность, «отвлеченность». Сад и музыка обращают его не к Наталье, а заставляют пуститься в философские рассуждения. Иначе музыка, сад и близость молодых женщин действует на персонажа Толстого: они способствуют раскрытию его любви к Маше. Подобная рецепция сада связывает сцену в гостиной Толстого со стихотворением Фета «Сияла ночь...», написанным спустя двадцать с лишним лет после «Семейного счастья». Первые две строфы стихотворения как раз соответствуют тем чувствам, которое музыка вкупе с садом пробуждает у толстовских персонажей: «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали / Луны у наших ног в гостиной без огней. / Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали, / Как и сердца у нас за песнею твоей. / Ты пела до зари, в

слезах изнемогая, / Что ты одна – любовь, что нет любви иной, / И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя, / Тебя любить, обнять и плакать над тобой» [14, 146].

Лирическому субъекту Фета хочется *обнять* свою возлюбленную и *плакать* над ней, эти желания возникают от избытка чувств, переполняющих душу. Те же чувства испытывает Маша. Она не может обнять Сергея Михайловича, и потому обнимает Катю: «И я улыбалась, мне даже *смеяться* хотелось без всякой причины. <...> Как только он скрывался в дверь, я *обнимала* Катю, с которой мы стояли у фортепьяно, и начинала *целовать* ее <...> и насилу удерживалась от смеха» [8, с. 93]. Маша реализует все то, что хотелось сделать лирическому субъекту Фета, только у толстовских персонажей избыток чувств чаще реализуется в смехе / веселье, чем в слезах. Этот избыток чувств, присутствующий в Маше, разрешается совсем по-толстовски: любовь к мужчине вызывает в ее душе любовь ко всем окружающим, к миру в целом. Однако выход в «большой» мир для Маши пока невозможен. Перед венчанием она испытывает тайный страх, ее одолевают сомнения. Соответственно ее настроению меняется и сад. Теперь это сад, отчужденный от героини: он освещен солнцем, но в нем нет теплоты; небо ясно, но «холодно и бледно». Все живое в этом саду, прежде говорившее Маше о любви, несет на себе печать тления: «убитые» морозом «покоробившиеся» листья, сморщенные и почерневшие георгины, поломанные лилии, поблекшая зелень. Сад предсказывает Маше перспективу развития ее отношений с будущим мужем: постепенное отдаление, отчуждение, холодность при внешнем соблюдении приличий. Это сад-предчувствие; «яркие кисти рябины» на «ветках с убитыми... листьями» [8, с. 107] напоминают о Машинем желании жить, о возрасте и опыте Сергея Михайловича, о возможной несовместимости их жизненных ценностей.

Во второй части романа Толстого на первый план выходит проблема слияния с миром «другого» и «других». Сад не нужен героям Толстого, когда они замыкаются на собственном «я» и не в состоянии услышать другого. Они должны «изжить» пагубный индивидуализм и вновь оказаться в ситуации нравственного выбора, тогда сад напомнит им о возможности иной жизни, в которой человек является частью огромного целого. Вместо «труда, исполнения долга самопожертвования и жизни для другого», о которых «говорил» сад, в Машинем браке реализуется «себялюбивое чувство любви друг к другу, желание быть любимым и забвение всего на свете» [8, с. 11]. Прежние настроения пробуждаются в Маше с возвращением в Покровское. Отчужденность, предсказанная садом перед долгой разлукой, определяет отношения супругов; «холодно» на душе у Маши. А сад снова расцвел, вызывая в душе героини боль утраты и страстное желание восстановить гармонию между собой и миром. Идеал «счастия жить для другого» не забыт Машей, однако теперь ей «и для себя жить не хочется» [3, 142]. И

здесь Толстой прибегает к приему, уже опробованному им в первой части «Семейного счастья: благотворное воздействие природы на человека он усиливает музыкальной гармонией. Маша, совершенно забросившая фортепиано, под влиянием нахлынувших воспоминаний играет ту самую сонату-фантазию Моцарта, которая предшествовала ее объяснению с Сергеем Михайловичем. Ситуация повторяется. Окно открыто в сад, Сергей Михайлович слушает игру Маши. То же происходит и во второй части стихотворения Фета «Сияла ночь...»: «И много лет прошло, томительных и скучных, / И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь, / И веет, как тогда, во вздохах этих звучных, / Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь. / Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки, / А жизни нет конца, и цели нет иной, / Как только верить в рыдающие звуки, / Тебя любить, обнять и плакать над тобой!» [14, с. 146].

Однако чувства толстовских персонажей теперь далеки от описанных Фетом. Музыка и сад действительно вызывают в душе героини прежний избыток чувств, в чем она признается своему супругу. А вот переживания Сергея Михайловича в корне отличаются от Машиных; прежний «дикий восторг» для него уже невозможен: «...ты завидуешь и мыслям, и траве за то, что их мочит дождик, тебе бы хотелось быть и травой, и листьями, и дождиком. А я только радуюсь на них, как на все на свете, что хорошо, молодо и счастливо» [8, с. 145]. Возвращение Сергея Михайловича в сад походит на возвращение в сад-«утраченный рай» Лаврецкого. У персонажа Тургенева все уже позади; как и Сергей Михайлович, он благословляет «молодые силы». Оба – и Сергей Михайлович, и Лаврецкий – без горечи взирают на молодую, счастливую жизнь, которую олицетворяет сад. Оба считают себя отжившими стариками, которым необходимо уступить дорогу молодым. Разница лишь в том, что Сергей Михайлович вполне счастлив, поскольку впереди у него спокойная семейная жизнь, а Лаврецкого ожидает «одинокая старость».

Таким образом, рецепция сада Сергея Михайловича близка рецепции Лаврецкого, для них это «сад-воспоминание», но не таков он для Маши. «Ясные, спокойные» глаза супруга «не глубоко» глядящие в ее глаза, явно напоминают о том саде, каким он увиделся героине перед свадьбой: ясном, спокойном и отчужденном. Нынешний сад, в котором все так и говорит о прежней любви, вызывает у Маши стремление разрушить стену отчуждения, однако попытка оканчивается неудачей, и «избыток чувств» разрешается слезами. И все-таки Машино восприятие сада тоже существенно меняется: в саду отныне она видит не только красоту и гармонию, но и *спокойствие*. Вообще это слово является ключевым в финальном объяснении героев; *спокойствие* нынешнего сада явно сродни «ясности», «безоблачности» и «холодности» сада-предчувствия, увиденного героиней в день ее свадьбы. В саду все «прекрасно и *спокойно*» [8, с. 145], супруг улыбается «*спокойною*, кроткою... старческою улыбкой», и, наконец, это всеобщее

настроение *спокойствия* передается и Маше: «Я молча встала подле него, и на душе у меня становилось *спокойнее*. <...> А из сада все сильнее и слаще поднималась пахучая свежесть ночи, все торжественней становились звуки и тишина, и на небе чаще зажигались звезды. Я посмотрела на него, и мне вдруг стало легко на душе; как будто отняли у меня тот больной нравственный нерв, который заставлял страдать меня. Я вдруг ясно и *спокойно* поняла, что чувство того времени невозвратно прошло, как и самое время, и что возратить его теперь не только невозможно, но тяжело и стеснительно бы было» [8, с. 149].

Все случившееся с Машей за последние годы ставит ее в ситуацию необходимости изменить отношение к жизни. Оттого сложно разграничить, сад ли заставляет ее «выйти за пределы своего состояния» [7, с. 112] и обрести спокойствие, разлитое в торжественной тишине, или Маша из сада «вбирает» в себя то, что соответствует ее состоянию. В любом случае героиня находится в «сопряжении» с миром, репрезентированным садом, и взаимный «ток» – от внешнего к внутреннему и от внутреннего к внешнему – очевиден. Сад подсказывает Маше правильный путь, состоящий «не в борьбе за свободу своих “естественных” чувств, а, напротив, в постепенном осмыслении своего семейного долга как природного, “естественного” призвания. “Роман” женщины – не в разрушительных для личности и семейных отношений любовных страстях, “роман” женщины – в семье» [2]. Сергей Михайлович снова смотрит в глаза Маши, но уже не отчужденно; «его глаза смеялись, глядя в мои, и мне в первый раз после долгого времени легко и радостно было смотреть в них» [8, с. 150]. Утраченная гармония восстановлена, отныне «жить для других» для Маши – это жить для своих детей и их отца, хотя, возможно, такой итог повествования не устраивал его автора, назвавшего «Семейное счастье» «мерзким сочинением» и «постыдным... пятном» [9, V, с. 196] в своей творческой биографии. После «Семейного счастья» в сочинениях Толстого героем садового локуса всегда будет мужчина, стремящийся подчинить свою жизнь главной идее, навеянной садом, – жить для других.

Список литературы

1. Бялый Г. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л., 1990.
2. Гродецкая А. Г. Специфика повествовательной формы в «Семейном счастье» Толстого. – [Электронный ресурс]: http://www.ksu.ru/miku/info/sob/konf_tolstoi/s3.htm.
3. Густафсон Р. Ф. Обитатель и Чужак. Геология и художественное творчество Льва Толстого. – СПб., 2006.
4. Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. – М., 2003.
5. Кошелев В. А. Мифология «сада» в последней комедии Чехова // Русская литература. – 2005. – № 1. – С. 40 – 52.
6. Пумпянский Л. В. Тургенев-новеллист // Тургенев И. С. Сочинения. – М.-Л., 1929. – С. 5 – 24.

7. Сливицкая О. В. «Истина в движении»: О человеке в мире Л. Толстого. – СПб., 2009.
8. Толстой Л. Н. Семейное счастье // Собр. соч.: в 22 т. – М., 1979. – Т. 3. – С. 72 – 150.
9. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.-Л., 1928 – 1958.
10. Топоров В. Н. *Ветхий дом и дикий сад*: образ утраченного счастья // Облик слова. Сб. статей. – М., 1997. – С. 291 – 318.
11. Тургенев И. С. Собр. соч.: в 5 т. – М., 1994.
12. Фаустов А. А. Авторское поведение в русской литературе: Середина XIX века и на подступах к ней. – Воронеж, 1997.
13. Фаустов А. А., Савинков С. В. Очерки по характерологии русской литературы: Середина XIX века. – Воронеж, 1998.
14. Фет А. А. Стихотворения. – М., 1976.
15. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М., 1974 – 1982.

**«Поэтическая идея» в трилогии Л. Н. Толстого
«Детство», «Отрочество», «Юность»**

В статье рассматривается трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Автор доказывает значимость «поэтической» идеи наряду с нравственно-философской концепцией произведения. Единство двух аспектов – важнейшая особенность идейного содержания толстовской автобиографии.

The trilogy of L.Tolstoy «Childhood», «Adolescence», «Youth» considered in article. The Author proves value «poetical» ideas alongside with morally-philosophical concept of this product. The unity two aspects – a most important peculiarity of L. Tolstoy autobiography.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Детство», «Отрочество», «Юность», трилогия, «поэтическая идея», единство, автобиография.

Key words: L.Tolstoy, «Childhood», «Adolescence», «Youth», «poetical» idea, the Unity, autobiographism.

Когда осенью 1852 года в редакции «Современника» было принято знаменательное решение опубликовать рукопись неизвестного автора под названием «История моего детства», реакция самого создателя произведения на это событие была достаточно противоречивой. С одной стороны, Л. Толстой с огромной радостью воспринял весть о публикации своего первенца, а с другой – он был чрезвычайно раздосадован тем, какие названия дали его литературному детищу, и писал по этому поводу Н. А. Некрасову: «... заглавие же «История моего детства» противоречит с мыслью сочинения. Кому какое дело до истории моего детства» [16, с. 211]. Это заявление Л. Толстого, а также другие его слова: «... замысел мой был описать историю не свою, а моих приятелей детства» [17, XXII, с. 434], – нередко приводятся целым рядом критиков в качестве доказательства того, что молодой писатель в «Детстве», «Отрочестве», «Юности» воспроизвел не себя и свой личностный опыт, а жизнь некоего абстрактного мальчика, то есть дал не субъективированный «рассказ о себе», а объективированное изображение судьбы другого лица (Н. П. Лощинин [13], Е. Н. Купреянова [11], Н. Г. Дергунова [6] и др.).

На самом деле, Л. Толстой, как нам представляется, показал в «Детстве», «Отрочестве», «Юности» не чей-нибудь, а именно свой личностный духовный опыт и воссоздал картину собственных неповторимых поисков истины. При этом рамки художественной автобиографии ничуть не мешали ему объективировать свою «исповедь» и придать интимно-личностному повествованию характер широкого художественного обобщения. Обращаясь к показу «я», рисуя «диалектику души» Иртеньева,

Л. Толстой ставит перед собой цель – воспроизвести главнейшие ступени становления и развития всякой личности вообще. Такая уникальная форма подачи жизненного материала понадобилась молодому автору для того, чтобы высветить особую идею, овладевшую его сознанием и побудившую его к созданию своего автобиографического творения. С тех пор, как Л. Н. Толстой научился думать, (а произошло это очень рано), его, как свидетельствуют записи в дневниках, поразила мысль о том, что мир «лежит во зле». В результате многолетних юношеских раздумий, и особенно во время пребывания на Кавказе, Л. Толстой приходит к философско-этической доктрине, которая так или иначе будет определять его мирозерцание до самых последних дней жизни. Молодой мыслитель проникается убеждением в том, что проблема зла не может быть решена внешними (социальными) средствами. Она – прерогатива для внутренней, моральной деятельности самого человека. Если революционеры-демократы вслед за Белинским были склонны видеть источник всех бед людских в «среде» и социальных условиях, определяющих деятельность человека, то Л. Толстой придерживается иной концепции. По его мнению, индивидуум может быть счастлив только при условии добродетельного, высоконравственного поведения. Толстой-философ настаивает на различении двух родов счастья – «счастья тщеславия» и «счастья добродетели». Первое, по его мысли, есть счастье ложное, подверженное превратностям судьбы. Второе – истинное и несомненное, ибо оно зависит лишь от самого человека, от того, насколько он тверд и упорен в следовании высоким идеалам добра.

Эта нравственно-этическая идея пронизывает собой всю текстуальную ткань толстовской «исповеди». В соответствии с ней детство обрисовано как эпоха торжества доброго и светлого начала в душе ребенка. Отрочество показана как пора морального кризиса, когда положительная сущность характера заволакивается чувствами и устремлениями, имеющими эгоистическую подоплеку. А юность представлена в чертах восстановления природного добра и созревания высоких, добродетельных планов самоусовершенствования. Надо заметить, что нравственно-этический план толстовской автобиографии освещен в нашей критике с завидной полнотой. Свидетельство этому – работы Б. М. Эйхенбаума [19], Н. П. Пузина, Т. Н. Архангельской [14], В. И. Гусева [5], В. Д. Берестова [2], Я. С. Билинкина [3], К. Н. Ломунова [12], И. В. Чуприны [18], И. К. Кузьмичева [10], А. В. Гулина [4] и многих других.

Однако этическим аспектом идейное содержание «Детства», «Отрочества», «Юности», на наш взгляд, вовсе не исчерпывается. Глубинная идейно-философская концепция произведения значительно богаче, значительно объемнее, чем собственно нравственно-этическая ее линия. С помощью «чистой этики» невозможно объяснить наличие многих эпизодов, включенных в сюжетную ткань этой удивительной книги. Взять, к примеру, материал повести «Детство». В XV главе ее, под названием «Детство»,

собственно нравственный аспект, можно сказать, заретуширован. На передний план здесь выдвигаются моменты, связанные с показом красоты и значительности детских впечатлений. В фокусе внимания автора находится образ татап, от которой к сердцу Николеньки будто тянутся лучи доброты, тепла и бесконечной нежности. В главе XIX «Ивины» основу повествования образует анализ растущих симпатий малыша к Сереже Ивину. Автор рисует тончайшую гамму переживаний, через которые раскрывается сложное и противоречивое отношение Николеньки к гордому, красивому и уверенному в себе отпрыску знатной фамилии. В главах «Собираются гости» (XX), «До мазурки» (XXI), «Мазурка» (XXII), «После мазурки» (XXIII) мы видим историю первого «романтического» увлечения автогероя. Перед нами – спектр чувствований Николеньки по поводу общения с очаровательной Сонечкой Валахиной. Здесь Л. Толстой «не упускает из виду» нравственно-этическую, очень важную для него, линию, однако главный акцент делает все-таки не на ней, а на описании поэтичности и значимости зарождающихся «движений сердца», на том, чтобы высветить тот «огненный восторг», который постепенно увлекает за собой впечатлительную душу Иртеньева. Таким образом, в произведении соседствуют и переплетаются между собой две повествовательные струи, две пласта художественного анализа. С одной стороны – история душевных движений в их отношении к неизбывной красоте и поэзии детства. А с другой – история созревания нравственных чувств, борьбы темного и светлого начал в сознании автобиографического героя.

Исходя из вышесказанного, мы с достаточной долей основания можем предположить, что центральная, организующая идея толстовского «автопортрета» носит сложный, двуединый характер, поскольку основу ее образует органический симбиоз этического и «поэтического».

Для того чтобы внушить читателю особенное – добродетельное отношение к жизни, – автор трилогии стремится в первую очередь передать ему свое исключительно восторженное, любовное отношение к жизни к той волшебной поре, которая составляет детство, отрочество и юность человека. Иными словами, Л. Толстой всем строем своего сочинения, всей системой изобразительных средств реализует свою так называемую «поэтическую идею». Последняя понимается нами как несомненное признание Толстым значимости, красоты и ценности бытия, которое он описывает в своей «исповеди» и которое «сопровождает» Николеньку от первых до последних страниц произведения. Вся автобиография проникнута (наряду с ее этической направленностью) духом откровенного преклонения перед Жизнью, перед ее различными формами и проявлениями. Автор «Детства», «Отрочества», «Юности» поет величественный гимн человеческому бытию. Он выступает как тонкий поэт всего сущего и учит своего читателя «полюбить жизнь» (термин самого Толстого) и уметь ценить каждое ее мгновение. «Жизнь прекрасна» – эта мысль, высказанная Н.Г. Чернышев-

ским в его знаменитой диссертации, можно сказать, пронизывает собой всю ткань толстовского жизнеописания. Автор трилогии всем строем своего повествования учит относиться к детству, отрочеству, юности как к замечательной, прекрасной поре жизни, которой следует удивляться, которой следует восторгаться и которую должно воспринимать как безусловное благо. С отсечением эпизодов и фрагментов, связанных с поэтизацией детства, трилогия распадется как единое художественное целое и превратится в некий философско-поэтический трактат. Думается, что совсем не случайно Ф. М. Достоевский называл повести «Детство» и «Отрочество» «поэмами» [7, с. 302-303], а П. В. Анненков характеризовал художественную манеру гр. Толстого как «поэтический реализм» [1, с. 290]. Рецензент «Отечественных записок» С. С. Дудышкин, определяя художественную доминанту толстовской автобиографии, подчеркивал: «Давно не случалось читать нам произведения более прочувствованного, более благородного, более проникнутого симпатией к тем явлениям действительности, за изображение которых взялся автор [8, с. 84]. Н. Н. Страхов в качестве самой оригинальной приметы произведений Толстого о детстве называл их «душевную теплоту и силу», благодаря которым «красота жизни уловлена с необыкновенной ясностью» [15, с. 237-238].

Все эти высказывания, как можно заметить, отчетливо указывают на особенную роль «поэтического» пласта в толстовском жизнеописании. Характерно, что сам Л. Толстой, на склоне лет вспоминая о своей «юношеской исповеди», обращал внимание не на нравственно-этический пафос, ей присущий, а на поэтическую свежесть своего сочинения, то есть подчеркивал и выделял именно «поэтическую концепцию», которая вдохновила его на рассказ о своих детских годах. «... когда я писал «Детство», то мне представлялось, что до меня никто еще так не почувствовал и не изобразил всю прелесть и поэзию детства» [9, с. 306].

В изложении Толстого нравственное и «поэтическое» составляют две грани единого процесса – духовной эволюции Николеньки Иртеньева. На протяжении всего повествования счастливое или, напротив, несчастливое состояние духа, иначе – мироощущение героя, находится в самой неразрывной связи с тем, какое начало – доброе или злое – доминирует в душе главного героя. В соответствии с таким художественным подходом детство показывается писателем как эпоха абсолютной гармонии и счастья ребенка. Корни счастливого мироощущения Николеньки в эту пору таятся в непосредственной свежести его чувств и нравственной «незамутненности» детской души. В «Отрочестве» единение добра и красоты медленно, но неминуемо разрушается. Затмение добра под влиянием различных факторов, в том числе и пробуждения разума, ведет к страданиям подростка. Поэтизация жизни присутствует и в этой повести. Но здесь «поэзия бытия» и «счастье жить» даются как бы в плане обратной перспективы. Авторский рассказ о жизни вокруг Николеньки по-прежнему дышит чувством тепла и

приятия, но сам герой этого, увы, не ощущает, поскольку душа его закрыта, отгорожена от мира «нечистыми, самолюбивыми помыслами». «Поэтическое начало» властно заявляет о себе и в заключительной повести трилогии. «Юность» представляет собой вдохновенную поэму о счастье жить, о восторге перед тем, что открывается юноше в его впечатлениях и мечтах. Однако и здесь любовь и счастье заслоняются «комилфотными иллюзиями». Поддавшись позывам эгоизма, погрузившись в сферу светских удовольствий, автобиографический герой утрачивает себя и свое живое чувство слияния с миром. С исправлением в духе морального самоусовершенствования постепенно происходит «возвращение к себе» и появляется перспектива действительного, а не иллюзорного существования.

Таким образом, генеральная идея трилогии реализуется в двух аспектах. С одной стороны, перед нами художественное полотно, насыщенное пафосом жизнелюбия, полное поэзии, красоты и стремления автора «заразить» читателя тягой к жизни, к «таинству существования». А с другой – мы ощущаем неотразимую силу и обаяние «этической устремленности» трилогии. Художественную ткань толстовской «исповеди» пронизывает мощная философско-этическая идея, которая так же, как и идея «поэтическая», «держит» на себе все здание знаменитого жизнеописания.

Список литературы

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М.: Худож. лит., 1960.
2. Берестов В. Д. Три эпохи развития человека // Детская литература. – 1978. – № 9. – С. 19 - 24.
3. Билинкис Я. С. У начал нового художественного сознания. (Рождение толстовской трилогии). Восприятие героя в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Вопросы литературы. – 1966. – № 4. – С. 81 - 92.
4. Гулин А. В. Лев Толстой и пути русской истории. – М.: ИМЛИ РАН, 2004.
5. Гусев В. И. Испытание веком // Гусев В. И. Сборник литературно-критических статей о Толстом. – М.: Современник, 1982. – С. 8 - 15.
6. Дергунова Н. Г. Проблема нравственного формирования личности в повести Л. Н. Толстого «Детство» // Проблемы взаимодействия духовного и светского образования: История и современность. – Н. Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 2004. – С. 347 - 353.
7. Достоевский Ф. М. Об искусстве. – М.: Искусство, 1973.
8. Дудышкин С. С. Русская литература в 1852 году // Отечественные записки. – 1852. – X. – С. 80 - 90.
9. Интервью и беседы с Львом Толстым. – М.: Современник, 1986.
10. Кузьмичев И. К. «Детство» и его литературная предыстория. К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого // Волга. – 1978. – № 8. – С. 171 - 187.
11. Купреянова Е. Н. Молодой Толстой. – Тула, 1956.
12. Ломунов К. Н. Трилогия молодого Толстого // Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. – М.: Просвещение, 1988. – С. 266 - 277.
13. Лощинин Н. П. «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Н. Толстого. Проблематика и художественные особенности. (Лекции о Толстом). – Тула, 1955.

14. Пузин Н. П., Архангельская Т. Н. Вокруг Толстого. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1988.
15. Страхов Н. Н. Сочинения гр. Л. Н. Толстого в двух томах // Страхов Н. Н. Литературная критика. – М.: Современник, 1984. – С. 233 - 259.
16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. 1928-1958. – М.: ГИХЛ, 1935. – Т. 59.
17. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 12. т. – М.: Правда, 1987.
18. Чуприна И. В. Трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1961.
19. Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой // Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 34 - 138.

«Остров русалок» В. В. Гофмана как лирический цикл

В статье рассматривается один из лирических циклов малоизвестного поэта символистского круга В. В. Гофмана. Подчеркивается, что циклизация является одним из важнейших элементов авторской поэтики. Исследуются сюжетно-тематические, композиционные и ассоциативные связи, объединяющие самостоятельные стихотворения в художественное целое.

The article deals with one of the lyrical series by V.V. Hofman, who was a little known poet of the symbolistic tendency. It is emphasized that a series of poems cyclisation is one of the most important elements of Hofman's poetics. The author investigates the plot and subject matter, compositional and associative ties connecting separate poems into whole artistic unit.

Ключевые слова: В. В. Гофман, символизм, Вечная женственность, лирический цикл, циклизация.

Key words: V.V. Hofman, symbolism, ever lasting feminity, a lyrical series of poems, cyclisation.

Известно, что в творчестве поэтов рубежа XIX – XX веков лирический цикл формируется как «новое жанровое образование, стоящее где-то между тематической подборкой стихотворений и лирической, бессюжетной поэмой» [9, с. 175]. Вопросам циклообразования большое внимание уделял также русский символизм: «именно в этот период лирический цикл и книга стихов утверждают себя в поэзии как ведущие формы творчества» [3, с. 5], лирический цикл и книга стихов становятся объектом теоретических рефлексий самих поэтов-символистов. К числу тех, кто строил художественный образ мира «не столько отдельными произведениями (текстами), сколько "ансамблями" произведений (контекстами)» [4, с. 15], принадлежал Виктор Викторович Гофман, поклонник, ученик и «кликтор» В. Брюсова. Обе книги его стихов – «Книга вступлений» (1904), «Искус» (1910) – целиком состоят из лирических циклов, что позволяет считать циклизацию одним из важнейших элементов авторской поэтики.

В данной статье речь идет о лирическом цикле «Остров русалок». Он завершает «Книгу вступлений» и, предвосхищая темы и образы «Искус», служит своеобразным связующим звеном между двумя указанными поэтическими сборниками. Под лирическим циклом нами понимается ряд стихотворений, основанных «на сложных сюжетно-тематических и ассоциативных связях», подчиненных «единому субъективно-эмоциональному началу» [5, с. 492]. С опорой на специальные работы М. Н. Дарвина, В. А. Сапогова и других исследователей нам предстоит показать «скрепы», обеспечивающие внутреннюю целостность одного из

наиболее заметных лирических циклов Гофмана. Обратим внимание на то, что в данном случае мы имеем дело с авторским «первичным» [3, с. 20] циклом, единство стихотворений в котором заведомо predetermined авторским замыслом.

В состав рассматриваемого цикла входит девять стихотворений. Они пронумерованы римскими цифрами и озаглавлены: «I. Остров русалок». «II. Ты – русалка». «III. Зов русалки». «IV. Искушение». «V. Праздник в море». «VI. Ночь в море». «VII. Помнишь, у моря». «VIII. Опять». «IX. Наваждение. *Баллада*» [2, с. 81–92]. Каждое из стихотворений датировано: датировка II–VIII стихотворений включает месяц и год, датировка открывающего цикл стихотворения, помимо месяца и года, содержит указание на число (1903. 1 августа), а последнего – еще и на место написания (Серебряный Бор. 1904. 8 июля). Названия и даты написания подчеркивают самостоятельность входящих в цикл произведений, их нумерация заставляет воспринимать их как часть некоего целого. В «Остров русалок» входят стихи, создававшиеся Гофманом на протяжении 1902–1904 годов. Последовательность стихотворений в цикле не учитывает хронологию их создания. Так, стихотворение «Ты – русалка», первое по времени написания (июль 1902 г.), занимает в цикле вторую позицию; стихотворения «Праздник в море» и «Ночь в море», оба датированные октябрём 1902 года, следуют за «Искушением», написанным в июне 1903 года. Отмеченные хронологические «сбои» свидетельствуют о том, что объединение стихотворений в цикл не было ни случайным, ни формальным (по хронологическому принципу), что «Остров русалок» имеет свой, особым образом организованный, сюжет.

Говоря о едином сюжете, следует заметить, что за исключением «Зова русалки» входящие в цикл стихотворения имеют более или менее отчетливо выраженную фабулу. В I стихотворении речь идет о том, как при виде острова русалок лирический герой, воскликнув: «Мы все здесь погибнем», «в обратный / Направился путь» («Остров русалок») [2, с. 81]. Во II стихотворении он вспоминает, как некогда стерег русалку на морском берегу, готовый пойти за ней «в глуби темных морей» («Ты – русалка»). В IV – рассказывает о том, как на пути к «владычице дремлющих вод» «упал», «увяз / В обжигающем мягком песке» и был вынужден признаться: «Я устал» – «Я идти не могу» («Искушение») [2, с. 84]. В V – заводит разговор о брачном пире, на который просит «царицу вод» пышнее убрать чертог, зажечь огни, собрать «весь мир подземный» во главе с «властителем пучины морской»: «Сегодня приду я к тебе!» («Праздник в море») [2, с. 85]. В VI, VII и VIII стихотворениях повествуется о том, как он просил русалку проснуться, но она, очнувшись на миг, снова погрузилась в мучительный сон («Ночь в море»), как безуспешно пытался добиться ее взаимности («Помнишь у моря»), как умолял перестать мучить его, когда она опять пришла к нему, «маня отдаться неге тонких очертаний», «упиться тайнами прон-

зающих лобзаний, / Обманом вкрадчивых очей» («Опять») [2, с. 89]. В IX заключительном стихотворении лирический герой во время речной прогулки рассказывает о прежних встречах с русалкой своей новой спутнице и неожиданно для себя узнает в ней чаровницу, которую любил в юности, которая опять к нему «вернулась в этот праздник, в эту ночь» («Наваждение») [2, с. 91]. Фабульная завершенность рассматриваемых лирических миниатюр позволяет воспринимать их как самостоятельные отдельно взятые произведения; однотипность переживаний связывает их в цикл. В основе «Острова русалок» лежит основанный на фольклорных и литературных представлениях «роман» мужчины с морской (или речной) женщиной. У Гофмана в этом «романе» есть свой «пролог» – I стихотворение, имеющее то же название, что и весь цикл («Остров русалок»). В нем заявлены основные коллизии цикла: чреватое смертью столкновение путников с искусительницами, призывная песнь русалки, пьянящая пляска ее резвых подруг, попытка героя избежать губительного влечения и т.п. Указанные коллизии разрабатываются в основной части цикла – в II-VIII стихотворениях. Так, русалочья песня, обещающая ласки и поцелуи, еще раз «в полный голос» звучит в III стихотворении цикла («Зов русалки»). В II, IV, VI, VII и VIII стихотворениях прослеживаются перипетии любовных отношений героев. Сначала он «весь дрожа, чуть дыша» наблюдает за тем, как она «смеясь» губит корабли, зажигая «обманные огни» там, «где бездна», «манит прохожих призывами глаз», чтобы увлечь их в «пучину морскую» («Ты – русалка») [2, с. 82]. Затем сам оказывается жертвой ее любви. Он изнемогает, томимый желанием «прильнуть» к ней, «как волна приникает к волне», остаться с ней одной «навек» («Искушение») [2, с. 84], тешит себя внушенной русалкой честолюбивой надеждой, что их венчание заставит «ликовать» «озаренное дно», что ему удастся удивить весь мир («Праздник на море»). Когда русалка обманула его ожидания, он ловит ее «померкнувший взор», просит любви, молит о надежде... Искусительница является ему то спящей царевной, освободить которую из сонного плена он оказывается не в силах («Ночь в море»), то красавицей «холодной», «как из стали», которая в ответ на его мольбу «любить, как и прежде» «бесстрастно» сидит над морем, «купая ноги в волне», а потом, подхваченная налетевшим валом, и вовсе уносится прочь («Помнишь, у моря») [2, с. 88], чтобы вернуться снова и смеяться, извиваться, вводить в заблуждение лживыми обещаниями («Я буду вся твоя, сольюсь, сплетусь с тобой навек»), упрекать героя в недоверии и лукавстве и услышать, наконец, стон своей «жертвы»: «О, отойди! не мучь!» («Опять») [2, с. 89]. Последнее стихотворение цикла («Наваждение») – своего рода «эпилог» «романа» с русалкой. Данное стихотворение имеет дополнительную жанровую характеристику: автор называет его балладой, тем самым подчеркивая мистическую составляющую как финального произведения, так и цикла в целом. В финале происходит зловещая трансформация любимой

женщины в «дикое виденье», в «наважденье». Встреченная в юности русалка, словно злой рок, преследуя героя, в очередной раз заставляет его «безнадежно изнемочь» и признаться: «Я беспомощен, как прежде. О, проклятье и позор!» («Наваждение») [2, с. 92]. Лежащий в основе данного цикла «роман» с русалкой, позволяет рассматривать отдельно взятые стихотворения как его «главы».

«Остров русалок» становится лирическим циклом благодаря наличию сквозных образов, одним из которых является русалка. Образ русалки имеет фольклорные корни. Кульминацией рассматриваемого лирического цикла служит свадебный пир («Праздник в море» не случайно занимает в его составе центральную – V – позицию). Это торжество отсылает к до сих пор бытующим в народе языческим поверьям, согласно которым возможны браки между живым мужчиной и русалкой, при этом мужчина живет в роскоши и неге на дне моря или реки, но вынужден всегда быть пленником русалки.

В мифопоэтическом плане русалка связана со стихиями воды и земли [8, с. 390]. Русалка Гофмана, «коварного моря коварная дочь», вольно чувствовала себя и в воде, и на суше («плескаясь, плыла между скал», «пробиралась на черный уступ»). В многошумную бездну уносил ее «нежданно громадный» вал, к ее ногам припадали волны. Она была своей среди прибрежных речных камышей и в окружении темных кустов и сосен. Гофмановская русалка – то морская, то речная даже в рамках одного стихотворения: «на дно морское я за ней не раз ходил», «лукавая являлась неприметно у реки» («Наваждение») [2, с. 90–91], – неразрывно связана с ночью, лунным сиянием («Всю ночь русалка билась, / Не в силах снов превозмочь, / А в море тихо катилась / В золотой колеснице ночь», «Сегодня ночью опять ты ко мне приходила») [2, с. 86, 89]. Русалка Гофмана, обменивающаяся улыбкой с влюбленно глядящим на нее месяцем, является воплощением женского начала. С ней сопряжены представления о соблазне и возмездии. Она и ласкает, и терзает, обольщает и бросает. Будучи частью водной стихии (вода как символ бессознательного) русалка обращает свою призывную песнь к чувствам человека, использует свою природную (телесную) красоту с целью обмана, становясь «орудием» в руках судьбы.

Образ русалки, широко представленный в мировой культуре, относится к числу наиболее распространенных и в творчестве символистов. Он актуализируется в связи с центральным символистским мифом – мифом о Вечной женственности. В лирике Гофмана этот миф также являлся одним из ключевых. В. Брюсов вспоминал: «Тоже, как и у Бальмонта, в душе Гофмана жил почти религиозный культ женщины. <...> для Гофмана любовь была той атмосферой, вне которой он увядал: чтобы быть поэтом, ему необходимо было любить. И в те годы в душе Гофмана всегда жил идеал то той, то другой женщины» [1, с. 510]. В «Острове русалок», основу которого образует мистическая история трагической любви мужчины и жен-

щины-русалки, этот миф играет смыслопорождающую роль. Лирический герой Гофмана отправляется на поиски Души Мира, его встреча с ней в ее земном (плотском) обличье обуславливает интригу как каждого отдельно взятого стихотворения, так и цикла в целом. Вечная Женственность предстает перед ним в образе постоянно ускользающей русалки – демоницы-инфернальницы, так и оставаясь им не узнанной.

Связь цикла с основным символистским мифом позволяет воспринимать отношения героев в широком культурном контексте. На ассоциативном уровне история любви лирического героя к женщине-русалке может быть прочитана как вариация на одну из вечных тем – «поэт и поэзия», «поэт и его муза», где русалка с ее заставляющей забывать обо всем песней – один из образов красоты, искусства, поэзии. В данном контексте речь может идти о коварстве музыки, которая является лишь на краткий миг, а жизнь отнимает навсегда. Поэт оказывается в роли и избранника ее, и ее вечного узника. «Роман» с русалкой оказывается, таким образом, обреченным на вечное продолжение.

С образом русалки связан мотив возвращения, замыкающий композицию всего цикла в «кольцо»: как отмечалось ранее, русалка, однажды явившись герою, возвращается к нему снова и снова. Финальная фраза первого стихотворения: «Мы все здесь погибнем!» – почти дословно повторяется в заключительном стихотворении: «Мы погибнем», делая тему смерти центральной в цикле. Заключительное стихотворение, напомним, девятое по счету, опровергает символику данного числа, связанную с «восхождением», рождением, и актуализирует значения, ассоциирующиеся с «нисхождением», смертью. Кольцевая композиция усиливает ощущение движения по кругу, «вечного возвращения». Множественность кругов кольцевой композиции поддерживается кольцом воды, опоясывающей остров русалок. Еще одним кольцом является хоровод чаровниц, круг смертельной страсти, в который вовлекаются соблазненные ими жертвы.

Танец русалок не случайно назван «пьянящей пляской», здесь звучит не только дионисийский мотив опьянения, но и слышны отголоски средневекового «*toten tanz*» – образа, для символистов весьма актуального (ср., например, одноименные циклы В. Брюсова и А. Блока, к слову сказать, написанные позднее, чем рассматриваемый гофмановский цикл). Русалки, вовлекающие в свой хоровод мужчин-путников, относятся к потусторонним существам, олицетворяющим смерть. Их танец, хотя и вступает в чисто эстетическое противоречие с «пляской смерти», не неся на себе признаков разложения, типичных для традиционного «*Danse macabre*», вводящего реальный облик смерти – «отвратительной, глумливой, всепобеждающей» [7, с. 39], тем не менее сохраняет его идею – идею гибели, его атмосферу «кружения», «дурной бесконечности».

Кольцевой характер имеет смена цветовой палитры в цикле. Так, в начале цикла доминируют яркие чистые контрастные цвета: белый (чайка),

черный (уступ в скале), пурпурный (волна). Белый, черный и пурпурный к середине цикла сменяются серебром покоя и мягким сиянием жемчуга, зеленью русалочьих глаз и травы, вплетенной в косы чаровницы, золотом огней и песка. В конце цикла снова преобладают краски ночи, глубины, темнота сгущается до мертвой черноты. «Черных сосен заговор» освещается исступленным «пламенным пожаром» месяца, на этом фоне белеет лик Смерти – «чужое, не твое совсем лицо». Цветопись демонстрирует тот же замкнутый круг, который возникает в результате тематических переключек начала и конца цикла. Кольцевая композиция, повторяемость мотивов и образов придает ему внутреннюю целостность и завершенность.

Говоря о символистской природе «Острова русалок», следует обратить внимание на то, что автор, разрабатывая русалочью тему, опирается на разные культурные источники. Помимо отсылок к славянскому фольклору имеются аллюзии на древнегреческие мифы. Античная мифология, к примеру, входит в первое же стихотворение цикла и явлена в нем географически и контекстуально: на пути лирического героя встает остров в море, сирены-русалки, «несказанной рыдая мольбой», искушают путников. Заключительное стихотворение («Наваждение») имеет отчетливо выраженные романтические корни. Синтез разных культурных традиций (мифологических и литературных), «сложная полигенетичность, <...> гетерогенность образов и сюжета» [6, с. 94], характерные для символистских неомифологических текстов в целом, обуславливают художественное единство рассматриваемого цикла.

Культурное пространство «Острова русалок» формируется также прямыми упоминаниями знаковых для автора имен. К ним относятся Г. Бахман и А. Теннисон. Они оказываются адресатами входящих в цикл стихотворений: Г. Бахману посвящен «Зов русалки», А. Теннисону – «Остров русалок». Положения обоих стихотворений в цикле весьма заметны: «Остров русалок» его открывает и дает ему свое название, «Зов русалки» является сольной партией главной героини цикла. Известно, что посвящение в структуре целого «выполняет, по крайней мере, двойную функцию: внелитературную и собственно художественную» [3, с. 18]. В случае с Г. Бахманом очевидна внелитературная функция посвящения: это дружеский жест в адрес значимого для себя лица, дань уважения поэту-учителю. О Г. Бахмане В. Брюсов вспоминал: «...Прекрасный поэт, страстный поклонник и тонкий ценитель поэзии всех народов и всех веков, исключительный знаток литературы, которая была доступна ему в подлиннике на всех европейских языках, <...> Г. Бахман подробно ознакомил начинающего поэта [В. В. Гофмана. – *Н.Ч.*] с английской поэзией, читая ему Теннисона, Лонгфелло и других мастеров английского стиха. Какая-то перемена произошла после сближения с Бахманом в Гофмане: он стал серьезнее относиться к искусству...» [1, с. 511]. В случае с А. Теннисоном

на первый план выходит художественная функция посвящения, связанная с «обоснованием выбора поэтом той или иной своей жанровой роли», привлечением «жанрового дублера» [3, с. 18 – 19]. Имя А. Теннисона указывает на литературную традицию, в русло которой Гофман вписывает свое творчество. В этой связи примечательно, что имя популярного поэта дано в английской транскрипции. Важно также подчеркнуть и то, что с него фактически начинается первое стихотворение и цикл в целом. А. Теннисон вошел в историю мировой литературы как сентиментальный поэт, благодаря высокой художественности своих произведений, отличающихся мелодичностью, живописностью, образностью, прозрачностью и красотой. Его поэзия – пример редкой уравновешенности и гармонии, чистых чувств, даже в вопросах отношения к смерти. Особого мастерства искусство Теннисона достигает в создании женских образов. Поэт часто отвергает реалии земной жизни, создавая взамен ей идеализированную и лишённую стереотипов картину. Вслед за Теннисоном Гофман создает собственный, отвлеченный от реальности мир, построенный по законам красоты. По воспоминаниям современников, Гофман никогда не претворял «низменность жизни в красоту», объектом его стихов было только «изящное», «некрасивое было органически чуждо Гофману» [1, с. 517].

У Гофмана был и дополнительный повод начать свой «Остров русалок» с имени популярного английского поэта. А. Теннисон – автор поэм «Русалка» и «Плавание Мальдуна». Посвящая свой «Остров русалок» А. Теннисону, певцу «белокурых красавиц» с серебристыми ступнями, автор не только присягал на верность его художественным заветам, но и «подключал» свое сочинение к его опытам освоения русалочьей темы. В «Плавании Мальдуна», например, герой Теннисона встречает на своем пути «остров ведьм» и, услышав: «Сюда, сюда, чужеземец, плыви!», в страхе поворачивает свой корабль обратно. Аналогичная ситуация, как помним, возникает в гофмановском «Острове русалок»: герой с криком: «Мы все здесь погибнем!» «в обратный направился путь» [2, с. 81]. Следует заметить также, что цикл, будучи традиционной формой в английской поэзии, широко представлен и в творчестве А. Теннисона («In Memoriam», «Королевские идиллии» и др.). Посвящая «Остров русалок» поэту, отдававшему предпочтение циклическим жанровым образованиям, Гофман тем самым обозначал и свои жанровые приоритеты.

Итак, диалог с великим предшественником, наряду с общим заглавием, повторяющимися художественными приемами, однотипностью переживаний, сквозными образами и связанными с ними мотивами, кольцевой композицией является надежной «скрепой», обеспечивающей художественную целостность рассмотренного лирического цикла.

Список литературы

1. Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894 – 1924: Манифесты, статьи, рецензии. – М.: Сов. писатель, 1990.
2. Гофман В. В. Любовь к далекой: поэзии, проза, письма, воспоминания. – СПб.: Росток, 2007.
3. Дарвин М. Н. Поэтика лирического цикла («Сумерки» Е.А. Баратынского): Учебное пособие. – Кемерово: КемГУ, 1987.
4. Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. – Новосибирск: Наука, 2001.
5. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987.
6. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III. Ученые записки Тартуского ун-та. – Тарту, 1979. – Вып. 459.
7. Мириманов В. Б. Приглашение на танец. Danse macabre // Arbor mundi [Мировое древо]. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. – 2001. – Вып. 8. – С. 39 - 73.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – Т. 2. К-Я.
9. Сапогов В. А. Лирический цикл и лирическая поэма в творчестве А. Блока // Русская литература XX века (дооктябрьский период). – Калуга, 1968. – С. 160 – 189.

Мифолого-символический аспект имени собственного в романе Андрея Белого «Москва»

В статье определена мифолого-ритуальная функция имени собственного в позднем и пока еще мало изученном романе Андрея Белого «Москва» (1925 – 1930). В тексте выявлена связанность имени и фамилии с идейно-смысловым, тематическим, символическим и антропософским планами; имя героя представлено как свернутый мифолого-символический сюжет.

The article determines a mythology-ritual function of proper nouns in the belated and still poorly known novel *Moscow* (1925-1930) by Andrey Bely. The connection between the name and surname of the hero and conceptual, thematic, symbolic, and anthroposophical levels of the text (the name of the hero is shown as an implicit mythology-symbolic plot) is identified in the article.

Ключевые слова: Андрей Белый, роман «Москва», миф, имя собственное, символ.

Key words: Andrey Bely, the novel «Moscow», myth, proper noun, symbol.

Художественный мир Андрея Белого населяют герои с причудливостию, странными, иногда узнаваемыми именами, но на которые наброшен некий флер таинственности (сакральности) и/или гротеска и/или литературной и мифологической игры. Процесс создания гротескных, пародийных и знаковых фамилий коснулся, в первую очередь, позднего романа «Москва». О глубинной связи *nomen proprium* с мифом пишут Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский: «Можно сказать, что общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу. Именно в сфере собственных имен происходит то отождествление слова и денотата, которое столь характерно для мифологических представлений и признаком которого является, с одной стороны, всевозможные табу, с другой же – ритуальное изменение имен собственных» [16, с. 61-62].

Фабула романа-цикла «Москва» напоминает авантюрную (детективную) историю: ученый-математик с мировым именем Иван Иванович Коробкин делает открытие, которое оказывается на стыке с военной промышленностью (световой луч как предвестие лазерного луча). Западные разведки посылают к нему шпиона Э. Э. Фон-Мандро, который обманчивым образом, назвавшись стариком Морданом, проникает в дом профессора. Коробкин не желает выдать собственное изобретение, за это подвергается ужасной пытке. Мандро выжигает ему свечкой глаз. Безумный и ослепленный на один глаз Коробкин оказывается в доме умалишенных. Во время пребывания там и после освобождения герой переживает новое рождение, осмысляет собственную сопричастность мировому злу (через свое открытие), идет на примирение к своему мучителю Мандро. В

финале всего романного цикла Мандро в облике журналиста Друа-Домардэна будет разоблачен и убит, а Коробкин вместе с братом окажутся в доме революционера Киерко, также пытавшегося добыть открытие ученого. Участь Коробкина неизвестна, графически в тексте она дана через отточие. Взрыв в доме, предпринятый революционерами, уничтожит всё, что «любило, страдало и мыслило, что восемь месяцев автор словесным сплетенем являл, вместе с автором, – взорвано: дым в небесах!» [1, с. 754].

В данной статье речь пойдет о мифолого-ритуальной функции имени собственного. Фигура «носителя зла» Эдуарда Эдуардовича фон-Мандро многоплановая, не сводимая к одному знаменателю. О семантике имени и фамилии Э. Э. фон-Мандро написано немало (В. М. Пискунов [19, с. 179], Н. А. Кожевникова [12], Л. А. Колобаева [13, с. 270 - 272], Г. Г. Ишимбаева [9, с. 78]).

Во время работы над романом «Москва» у писателя всегда под рукой был словарь В. Даля [11, с. 20], он делал из него выписки, получившие название «Загрунтованные этюды». В словаре В. Даля есть несколько одно-коренных слов, связанных с фамилией Мандро: «Мандрá» и «мандарá». «Мандарá» – «ж, кмч. Выделанная и окрашенная ольховым корьем шкура оленья, нерпичья. Мándара ол. Мандрá црк. – материк, земля или берег. Добрался до мандры! // Мандрá, нвг. – человек тяжелого нрава» [6, II, с. 482]. Имя – Эдуард происходит от древнегерманского со значением «страж богатства», «заботящийся о собственности».

Мандро – демонический герой, который выпестован эпохой рубежа XIX-XX веков с его тягой к имморальному. Имя «проходимца истории» Мандро – подано в романе через веер, или пучок анаграмм. Этот прием Андрея Белого был обнаружен В. Н. Топоровым на другом материале. Ученый выявляет анаграмму в поэме «Первое свидание» (1921). В имени героини «Зарина» («озарена», «мороз», «розовый» и др.) «угадывается М. К. Морозова¹» [25, с. 131]. В. Н. Топоров приходит к важному выводу: «Не случайно имя и именно оно становится объектом анаграммирования, а сам акт имяположения, становление имени, превращение «апеллятивного» в «ономастическое» знаменует вхождение в мир новой сущности, новых сил и энергий» [25, с. 118 - 119].

Математик Коробкин начинает догадываться, что его открытием («светового луча») интересуются («не то человец псеносый, не то – пес с лицом человеческим» [3, с. 158]). В его сознании через *анаграмму имени Мандро* возникает обобщенный образ злодея: «Появится, чорт подери, ко мне эдакий, – ну там, – Мордан» [3, с. 158]. Через словесную игру (ана-

---

¹ М. К. Морозова (Мамонтова) – муза юного А. Белого, образ которой воплотился и в ранней лирике поэта и в его «Симфонии (2-ой, драматической)» (1902). М. К. Морозова была меценаткой, учредителем Религиозно-философского общества в Москве.

грамму) Коробкин «прозревает» (предугадывает) маску-имя противника и будущего мучителя – *Мордан*. Но профессор «забудет» об этом тогда, когда настоящий Мандро, представивший стариком Морданом, обманным путем попадет в его дом. Зло в размышлениях Коробкина приобретает обобщенный характер (через множественное число), но анаграмма имени Мандро при этом сохраняется и нагнетается. «Кто «они»? Неужели – Андроны, Мандроны, Мандры, Мандрагоры¹, Морданы? Ведь чушь, в корне взять: с извлечением корней он не справился; <...> с усилием им извлекаемый корень – Мандро» (курсив везде авторский. – *Н.Ш.*) [3, с. 158]. Или в другом месте: «Стерся – «Мандро», чтобы стать где-то «Дорманом», «Ордманом», или ж Дроманом, Мроданом: французом иль немцем» [3, с. 283].

Игра с именем на протяжении всего романного повествования обнажает мифологическую суть героя. Имя Мандро попадает в ряд арахнид (пауков) и приматов (герой связан «с павианом мандрил» [3, с. 700]). «Арахниды» связаны и с мотивами «ахиней» и «анархии» (или «арахнеи», неологизм А. Белого [12, с. 268]), поддерживающими деструктивную направленность повествования. В. В. Полонский замечает, что метафорический неологизм (созданный из контаминации двух лексем) имеет «просвечивающую этимологию» (arachne – паук, «один из наиболее архаических и устойчивых архетипов хаоса» [20, с. 17]). В. М. Пискунов говорит о «манипуляциях» с фамилией Мандро, желании автора «вскрыть многообразные значения её «внутренней формы»» [19, с. 179]. Имя собственное в романе может переходить в апеллатив («Пауки пауков пожирают «мандрашками» разными» [3, с. 172]). Пренебрежительно революционер-подпольщик Киерко называет Мандро «Мандрашкою», «голоштанником» [3, с. 204]. Прозвище героя обнажает то, что за всем эстетством изысканного фон-Мандро с его стремлением к выразительному жесту² скрывался «Мандрашка» [3, с. 204], «костюмировщик» [3, с. 187].

Глубокое разочарование Лизаши фон Мандро в отце зафиксировано через эпохальное изменение имени. ««*Богушка*» (так Лизаша именovala своего отца – *Н.Ш.*) кончился: с мига, когда неизвестный нахал оборвал его в тот незапамятный вечер в «*Свободной Эстетике*», громко назвавши «мандрашкой» и вспомнив про «*Киверцы*»; Киверцы – что же такое? Там бегал «мандрашкою»» [3, с. 287]. Это кардинальное (низвергающее с пье-

---

¹ Во второй части романа «*Маски*» «крещеный еврей» Хампауэр «проповедует – свое пришествие» [3, с. 410], «стибывая несъедобные овощи, их называл «мандрагорами»» [3, с. 410]. Корни мандрагоры напоминают человеческую фигуру, что, вероятно, и послужило причиной наделять это растение магической силой.

² Взглянув на него, всё хотелось сказать: – *Станиславщина*» [3, с. 65].

дестала) изменение имени и фиксируют всю глубину духовной катастрофы, которую переживает Лизаша: «Значит «всё» – очень просто; открылось значение взглядов, улыбок, поз; уж не «богушка», а – фон-Мандро, начиненный «мандрашиной»; гадостью всякой» [3, с. 287]. Она разгадает (в преддверии насильственного инцеста), что за «папочкой» и «богушкой» «прятался просто «мужчина»» [3, с. 287].

Посмотрим, как имя героя ввергается автором в звуковую и зловеще-гротескную игру. Издание второго тома романа «Маски» Андрей Белый открывал введением, где среди особенностей идиостиля выделял и звукопись: «Звуковой мотив фамилии Мандро, себя повторяя в «др», становится одной из главнейших аллитераций в романе» [2, с. 10]. Как справедливо замечает С. И. Тимина, «иногда они (имена) жестко прикреплены к сверхзадаче – идее, образу, сюжетной линии» [24, с. 15]. В тексте романа возникает некий «фонетический вихрь», звучат на разные лады сочетания звуков «др», «дро», что соотносится с именем носителя inferнального начала Э. Э. фон-Мандро. К. Н. Бугаева, жена писателя, вспоминает: «О Мандро Б. Н. (Борис Николаевич Бугаев. – *Н.Ш.*) знал изнутри только то, что он «др»» [5, с. 147]. И в процессе работы над текстом «Москвы» «предстояла задача нелегкая: перевести этот «звук» в конкретные образы, облечь в плоть и кровь» [5, с. 150]. Так, имя Мандро возникает из сочетания звуков барабанной дроби («др дrrrр...дрр-дро» [3, с. 466], всплывает в сознании увечного Коробкина («удар, драма: дар: – дарrrр – ман ...дрrrроо!» [3, с. 467].

Исследователи отмечают, что постоянный эпитет героя «долгорукий» «делает Мандро своего рода двойником основателя города, а имя героя на вывеске «Мандро и К°» в результате анаграмматической игры превращается в имя «Командор»: «От Мандор: К° Мандор. «К°» – «Компания»: странно, – зачем переделал Мандро он в «Мандора» какого-то; для каламбурика? Ведь называли же члены «Компании» – Капитулевич, Пукэшкэ, Пустаки – Мандро: «Ко-Мандором»: «– Вы – наш Командор...» [3, с. 181]. «Центральный персонаж <...> Мандро, воплощающий демонические силы бытия, <...> непосредственно соотнесен с образом Командора и косвенно – с Медным всадником романа «Петербург»» [17, с. 92].

Финал первой части романа знаменует собой и конец старой Москвы с её переулками, разноцветьем, запахами, перезвоном маленьких колоколен и православных храмов. Гибель Первопрестольной передана также через фонетическую игру с именем Мандро. Герой (а вместе с ним и автор, граница в этом отрывке почти неразличима) вслушивается в фонетическое звучание фамилии «Мандро», и расчленяет его на «ман» и «др». «Если б мог осознать впечатленье от звука «Мандро», то увидел бы: в «ман» было – синее⁷: в «др» – было черное, будто хотевшее вспомнить когда-то уви-

денный сон; «ман» – манило; «др» – ? Наносило удар» [3, с. 191]. Анаграммирование имени в романе «Москва» призвано усилить демонизм героя и связать его с историософским уровнем (вторая часть первого тома называется «Москва под уДаРом» или в самом тексте романа «Да, удар над Москвой» [3, с. 191]). «Удар» понимается автором не только как надвигающиеся события Первой мировой войны, но и как грядущий вселенский Апокалипсис. Андрей Белый, дробя на составляющие имя Мандро, обнажает в нем звериное, бездну инстинктов («-дро») и «ум, сознание», то есть «ман» [1, с. 381]. А. Белый в письме к Иванову-Разумнику¹ обнаруживает скрытый антропософский смысл имени героя: «...открылось *Ман-* в Мандро. Почему же не «Манас»?²» [1, с. 427]. И далее: «*др* есть «д(ы)р(а)», нанесенная «Ман» Мандро» [1, с. 427].

Согласно антропософскому учению Р. Штейнера, Манас (на языке тайноведения «Само-дух») – это следующее (после астрального) тело, которое способно выявить «сокрытую сущность» [26, с. 37] человека, его высшее «Я». Приведем наблюдения в этой связи Л. А. Колобаевой: «Многократно выделяя и обыгрывая звукосочетание «др» в фамилии героя, художник стремится возбудить воображение читателя и спровоцировать его на продолжение намеченного им ассоциативного ряда: др – удар, дребезг, драка, драма, дыра, наконец, в сочетании с образом «черного квадрата»³, может быть, «черная дыра» в пространстве. И в истории» [13, с. 271]. Звук «др» соотносится в тексте с «дырою»: «Стал *дырою*: в *дыру* провалился» [3, с. 307]. В. Коно выявляет сочетания «ДыРу» в фамилии «ДРуа-ДомаРДэн» [14, с. 497]. «Др» войдет и в состав псевдонима («маскарадного имени» [12, с. 196]) Мандро – Друа Домардэн. Мандро предстает сидящим в ванне таким образом: «Обнажилася белая и волосатая плоть или «*пло*» (без всякого «*ть*»); без одежд был – не плотью, не «*пло*» даже: был только «*ло*», а намылившись стал – лой-ой-ло!» [3, с. 280]. Е. В. Асташенко обнаруживает интересную связь звукового сочетания «лой-ой-ло» с именем

---

¹ Р. И. Иванов-Разумник – идеолог неонародничества, литератор, критик, друг А. Белого. В 10-20-е гг. живет в Детском (Царском) Селе, куда не единожды для уединенной работы приезжает к нему и А. Белый. Историю их дружбы в полной мере отражает опубликованная А. В. Лавровым и Дж. Мальмстадом переписка [1].

² Может быть прочитана и как «манна небесная», синь неба, и как усеченная форма от «Манас» (эзотерическое понятие в восточных учениях, имеющее множество значений: разум, мысль, ум).

³ Лейтмотив романа - черный квадрат стенки кареты, на которой ученый пишет формулы, и под оглоблями лошади тронувшейся кареты чуть не погибает; элемент при описании лица преследователя Мандро Велес-Непещевича.

«Иньиго Лойолы¹», тем самым автор «закрепляет иезуитские ассоциации с образом главного героя» [4, с. 78].

Во второй части романа «Маски» «маскарад расширен до пределов всей жизни, а фамилии-маски как бы скрывают и вытесняют настоящие имена персонажей, которые так и не появляются» [12, с. 203]. Мандро во второй части носит имя «Друа-Домардэн», дочь его Лизаша – «Элеонорочка Тителева», революционер Киерко назван «кинтальцем», «Тителевым». Мандро имеет множество масочных имен: «Друа Домардэн, герр Дорман, Мердон, Мордан, Мандрашка».

Раскрытие подлинной личины Друа-Домардэна (маскарадное имя Мандро) происходит «по разным каналам» (через севрский фарфор с изображением пастушки Лизетты², самой Лизашей фон Мандро (мадам Тителевой), через жесты героя), а также на разных смысловых уровнях (звуковом, цветовом, театральном).

Посмотрим на взаимосвязь разных уровней текста на примере данного эпизода, после которого участь насильника будет решена. К. Н. Бугаева дает интерпретацию этого эпизода: «В своих «Масках» Б. Н. и хотел показать этот вздрог лица под личиной. С парадоксальной заостренностью подан в этом романе один из центральных моментов: снятие «маски» с Друа-Домардэна (то есть решение его участи) при помощи «маски» – «мадам Тителевой», надетой на дочь, на Лизашу. Сцена встречи их на квартире у Тигроватко: схватка двух масок, отчаянный бой – не на жизнь, а на смерть – для Друа Домардэна» [5, с. 163]. И далее: «И она же, одетая в маску, выносит ему приговор свой: виновен» [5, с. 163]. Разоблачение французского журналиста Друа-Домардэна подготавливается зрительно и через «цветовые пятна». Сослепецкий и Ян Пшевжепанский (участвующие в поимке шпиона) оказываются в доме мадам Тигроватко. Вся цветовая палитра гостиной подготавливает героев (и читателя!) к встрече с Друа-Домардэном: «Драпри, абажуры – под цвет леопарда, пестримого дикими пятнами», «фон – желто-пепельный». У Сослепецкого «вырвался крик»: «Это же!..». « Древнее выцветом, серо-пожухлое золото: цвет – леопардовый, съеденный, мертвыми пятнами» [3, с. 440]. И как отклик на символический колер

---

¹ Это звуковое соотнесение с воинствующим орденом римско-католической церкви иезуитов («ловцы душ») важно и само по себе, а также и в связи с переносным значением слова «иезуит» («как о хитром, двуличном, изощренном человеке» [22, I, с. 633]). Игнатий Лойола – испанский дворянин, проявивший себя при взятии Памплоны (столицы Наварры). После перенесенного ранения, под впечатлением чтения жития святых отправился в монастырь Монтсеррат, молился перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, а утром, оставив оружие, стал именовать себя рыцарем Пресвятой Девы и воином Иисуса. Лойола – основатель ордена иезуитов (1534) в Париже [15].

² В первом томе Мандро изнасиловал свою дочь Лизашу. Здесь зафиксирована смысловая игра с именем: Лизетта/Лизаша. Фарфоровая статуэтка – не рядовая деталь в повествовании, а выражение особой «пасторальности» текста [21].

возглас героя: «леопард этот – умер ли?» и «ответ»-предупреждение: «Не входите: здесь пятнами, в выцветах, рыскает – злой золотой леопард» [3, с. 440]. Цветовой лейтмотив Мандро – леопардовый [3, с. 106, 107, 108], что поддержано и цветовой гаммой его жилища (желто-золотистые тона: «желтодубовые двери» [3, с. 26] дома, «золотенькие кресла» [3, с. 64]). Главка, к которому относится данный эпизод, носит название «В золоте стен – Домардэн» [3, с. 444]. Это колер обладает в архитектонике прозы А. Белого повышенной семиотичностью. Во второй драматической (московской) симфонии А. Белого этот мотив имеет целый вариативный ряд: «заря напоминала леопардовую шкуру», «леопардовая заря», «леопардовая шкура зари», «леопардовая заревая шкура». В итоге мы получаем «веер тропов» («принцип пучка»), который «применяется и к развитию идеи, и к построению образа персонажей» [10, с. 175].

Разоблачит в «Масках» Друа-Домардэна «севрский фарфор¹ леопардовых колеров» [3, с. 446], на котором изображена пастушка Лизетта. Разговор идет на французском языке, но переданный через кириллицу (Друа-Домардэн – публицист из Франции, по его словам, не бывавший в России и не знающий русского языка).

«Чашечку чайную, – севрский фарфор леопардовых колеров, – взяв двумя пальцами, чтобы разглядеть росписи: пепельносерые, красные пятна.

– «Ке сэ' рависсан!»².

– «Регардэ'!»³

Разговор между гостями ведется вокруг рисунка на фарфоровой чашки:

«Безделушка: пастушка фарфорово-розовая, с лиловато-сиреневым тоном:

– Пастушка: Лизетта! <...>.

– Жаль: отшиблена ручка!

– Была – с флажолетом; играла на нем – пасторали, над бездной: эль а тан суфф э'р⁴» [3, с. 446]. В данном эпизоде зафиксирована смысловая игра с именем: Лизетта/Лизаша. Возглас «она так страдала» должен (по замыслу присутствующих) вызвать у преступника воспоминание о дочери и выдать его. Как комментирует исследовательница: «Звуковой образ фарфоровой пасторальности, осыпающейся осколками под напором вихрящейся жути, – дзен, дзан, – сопровождают самые драматичные, кошмарные сцены и события. Дзенькнули фарфоровые безделушки, когда

---

¹ Севрский фарфор – художественные изделия фарфорового завода в Севре, близ Парижа (основан в 1756). Посуда с яркой сочной росписью [23, с. 1198].

² «Как это восхитительно» (с фр.).

³ «Посмотрите» (с фр.).

⁴ «Она так страдала» (с фр.).

кошунственное насилие совершил над собственной дочерью Мандро» [21, с. 260].

В сцене разоблачения героя «пасторальная картинка» вводится автором в контекст всего замысла романа («бездна», в которую погружается героиня до и после инцеста (Лизаша «видела – бездну», «сидела – над бездной» [3, с. 187]) как частный случай метатемы, в свернутом виде заявленной уже в эпиграфе: «Открылась бездна – звезд полна» М. Ломоносов [3, с. 19]. Внешний облик Лизаши (мадам Тителевой) в этой сцене выписан в черных тонах. Друа-Домардэн увидел срежиссированную мадам Тигроватко картину: «кресла гранатовые, как огонь», в одном из них «орнамент теней; в нем сидит манекен»¹. Свое напряжение демонический герой передает через жест, который выдает его подлинную сущность (это он – насильник Мандро):

«...у Друа-Домардэна углом брови сдвинулись в платомимическом жесте, напоминающем руки, соединенные ладонями вверх.

Точно пением “Miserere”² пропел этот лоб: а в ответ из диванной, как арфы золотой вздох!» [3, с. 447]. Есть еще одно опознавательное «звуковое разоблачение». Диалог двух антагонистов, преследуемого и преследователя:

«Друа д'онер: друа де л'ом!»³

– пояснял Домардэн.

– Друа де мор!»⁴. Ответ Яна Пшевжепанского.

– Бьен ди, мэ мордан!»⁵ – повернулся с кривою усмешкой к нему Домардэн, будто с вызовом; и –

– ддр-ддр

– ддрррр –

– выработывали залетавшие пальцы, вцепляясь ногтями в пятнастую скатерть» [3, с. 447].

Переданная кириллицей французская речь, кроме нагнетения тревожной атмосферы с фиксацией законного возмездия («право смерти»), дает и ряд звуковых распознавателей. Так, в реплике Домардэна звучит «д'онёр»,

---

¹ В тексте не раз подчеркивается, что после совершенного насилия (инцеста) Лизаша Мандро словно умерла. Здесь она – кукла-манекен, тень.

² Религиозный служебный мотив католической музыки. “Miserere” (лат. «умило-сердись»). Католический 50-й псалом начинается словами: «Miserere mei, Domine!» (Помилуй мя, Боже). В первой части романа этот лейтмотивный жест принадлежит Мандро: «...съехались брови – углами не вниз, а наверх, содвигаясь над носом в мимическом жесте, напоминающем руки, соединенные ладонями вверх; между ними слились три морщины, трезубцем, подъятым и режущим лоб; здесь немое страдание выступило. Точно пением “Miserere” звучал этот лоб» [3, с. 65].

³ «Права чести: права человека!» (с фр.)

⁴ «Права смерти!» (с фр.)

⁵ «Хорошо сказано, но остро!» (с фр.)

вызывая устойчивую ассоциацию с героем романа Доннером¹, которому служит Мандро. А. Белый в письме к Иванову-Разумнику говорит о «наибессознательном» в романе: «...«др» Мандро есть не только д(ы)р(а), или (у)д(а)р, но и источник удара: д(о)(к)(т)(о)р Д(онне)р: ддрр (гром!)² [1, с. 427].

В образе Доннера, мистического наставника фон-Мандро, исследователи³ прочитывают черты другого реального доктора, антропософа Рудольфа Штейнера, хотя сам Доннер предстает в романе порождением сновидческих и визионерских состояний фон Мандро. Во второй реплике приведенного диалога герой произносит «мордан», что, по закону звуковых ассоциаций, отсылает нас к старику Мордану (переодетому Мандро), попавшему в дом профессора. И последнее: «дрр», «дрррр» усиливают это «узнавание», становясь своего рода звуковым лейтмотивом героя. По общему высказыванию В. Н. Топорова: «Поэт – автор «основного» мифа и его герой-жертва и герой-победитель <...> Он – установитель имен: немую и бездеятельную до него вселенную он сотворил в слове, собрав её по частям, которые он отождествил (т.е. придал им значение, нашел их тайный, скрытый, утраченный смысл) и выразил в звуке» [25, с. 118].

Г. Г. Ишимбаева выявляет мифолого-антропософскую составляющую имени Мандро: «За всем этим лингвистическим пиршеством вокруг имени Мандро встает имя верховного божества зла в иранской мифологии Архиман (Ариман)» [9, с. 78].

А. Белый через метаморфозы имени героя обнаруживает и его антропософские и мистериально-мексиканские истоки. Так, в письме к Иванову-Разумнику автор поясняет: ««Мандро» был маской, приставной головой «Морданом» <...>; я удивился, что из фамилии Мандро можно делать «Мордана»; отсюда «Эдуард Мандро» – «Ура, дед Мордан»; отсюда – «старец»; отсюда – «древние миры»; и уже сознание связало их с «древне-мексиканскими» кровавыми мистериями» [1, с. 427].

Мандро в этой сцене выступает как орудие в руках оккультных сил, герой не равен самому себе, он должен выполнить особую мистериально-мистическую функцию. В сцене истязания Коробкина Мандро предстает не как заурядный шпион, а как жрец ацтеков «Мандлоплль» [3, с. 349]. Мандро вводится в некий инфернально-мифологический контекст: «Сатанел на стене его контур изысканным вырезом» [3, с. 347]. Демонический герой в этой сцене становится двухслойным, что зафиксировано через

---

¹ Само имя «Доннер» (нем. «der Donner») означает «гром». Так возникает сложная ассоциативная цепочка взаимных переходов от имени собственного в аппеллятив и обратно.

² Здесь Белый указывает на немецкое значение слова «der Donner» (гром).

³ Вяч.Вс. Иванов видит в образе Доннера «один из преображенных ликов Штейнера-врага» [7, с. 23].

трансформацию частей его имени: «...разорвется *«мордан»* из бумаги, – просунется нечто жестокое из очень древней дыры, вокруг которого лоскутья бумаги – остатки *«мандрашины»* – взвезь, покажут под ними таящийся – *глаз, умный глаз* – не Мандро; заколеблется вот голова в ярких перьях; жрец древних, кровавых обрядов – *«Мандлоппль»*» [3, с. 349].

Это имя-маска¹ Мандро вырастает из круга чтения героя, мнящего себя эстетом и декадентом («Залегал на кушетке; раскрыв переплет синекожий, прочел он *«Цветы ассирийские»*². Драма *«Земля»*³. <...> У Валерия Брюсова часто *«гонялись»* в стихах; и Мандро это нравилось; очень любил *«Землю»* Брюсова; там рисовалось прекрасно, как орден душителей постановляет гоняться по комнатам: петлю на шею накидывать⁴» [3, с. 349], «любил сочиненья, трактующие про культуру жрецов; про убийство и пытки; он повесть о *«Майях»* Бальмонта читал⁵; и поэтому голову он засорял сочетаньям звуков имен мексиканских: – Катапецупплъ, Титекалеиллуплъ <...> нынче пытался читать: не читалось; прочел лишь какое-то имя. – *«Главатль»!*» [3, с. 286].

Имя «Главатль» с теософской, антропософской подсветкой. Главатли (согласно учению Р. Штейнера) – представители эпохи второй подрасы. Внутри расы атлантов, предшествующей нынешней, арийской, выделяется семь подрас. Их принято называть: 1. Рмоахалы. 2. Главатли. 3. Толтеки. 4. Пратуранцы. 5. Прасемиты. 6. Аккадийцы. 7. Монголы. Г. В. Нефедьев связывает имя «Главатль» с кругом чтения героя-эстета (с драмой Брюсова «Земля»): имя «было знакомо Брюсову, и именно в теософско-антропософском значении, из которого исходил и А. Белый» [18]. А. Белый и в романе, и в письме к Иванову-Разумнику именуется Мандро «Атлантом» [1, с. 427]. А. Белый особо подчеркивает: «...«Древнее воплощение» д-ра Доннера, губящего сквозь Мандро, – *«мексиканский жрец»*; и сознание связало их с темой Атлантиды; тут – сплетение фабулы с антропософией» [1, с. 427]. Атлантида у писателя – не только утонувший материк, но

---

¹ Ранний («аргонавтический») опыт Андрея Белого «позже так или иначе преломится и отслоится в подходе <...> к театру, теории масок, маскараду и масковой поэтике его произведений» [8, с. 19].

² 4-й выпуск альманаха «Северные цветы» (М., 1905), который вышел под таким названием под редакцией В. Брюсова.

³ Драма «Земля» В. Брюсова написана в 1904 г., опубликована в 1907 г.

⁴ В художественно-претворенной форме автор намекает о судьбе самого героя, который будет задушен и помещен в холщовый мешок.

⁵ К. Бальмонт в январе 1905 г. побывал в Мексике, вернувшись, переводил мифы ацтеков и майя, дал описания памятников древнейшей мексиканской литературы. Здесь речь идет о вольном переводе К. Бальмонта эпоса «Книги Советов» или «Книги народов» (ацтеков, майя), который был выпущен в свет на русском языке в книге «Змеиные цветы» (Путевые заметки из Мексики) в 1910 г. в книгоиздательстве «Скорпион».

и особый теософско-антропософский термин для обозначения целой 4 расы, предшествующей нынешней, арийской.

Итак, атмосфера таинственности, слежки и всеобщей провокации в романе зафиксирована в маске-имени. За метаморфозами имени и прозвищ (Друа Домардэн, Мердон, старик Мордан, Мандрашка, Мандлоппль) встает демонический герой, «Калиостро современности» и «маркиз де Сад XX века» [2, с. 7]. Л. А. Колобаева выводит один из принципов построения персонажей – «принцип масочности», то есть «предельного, почти полного разрыва «видимости» и «сущности» характера» [13, с. 270]. Все эти имена-«маски», с одной стороны, создают inferнальный ореол Мандро-Домардэну, но, с другой, обезличивают его, нивелируют, превращают лишь в орудие некой сверхчеловеческой силы (Аримана, Минотавра, ацтекского жреца, доктора Доннера).

В имени героя сокрыта его мифолого-ритуальная функция: Мандро (Мандлоппль) нужен Коробкину (а не наоборот!). После перенесенного ослепления ученый перерождается, открывает для себя духовные законы мира и Космоса.

Список литературы

1. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка 1913 – 1932 гг. / публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. – СПб.: Atheneum; Феникс, 1998.
2. Белый А. Маски. – М.: ГИХЛ, 1932.
3. Белый А. Москва / сост. С. И. Тимина. – М.: Сов. Россия, 1989.
4. Астащенко Е. В. Функции аллюзий в трилогии Андрея Белого «Москва»: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.
5. Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М., 2006.
7. Иванов Вяч. Вс. Профессор Коробкин и профессор Бугаев // Москва и «Москва» Андрея Белого. – М.: РГГУ, 1999. – С. 11 – 28.
8. Исаев С. Г. «Сознанию незнаемая мощь...». Поэтика условных форм в русской литературе XX века. – Великий Новгород, 2001.
9. Ишимбаева Г. Г. Фаустиана по-антропософски («Москва» Андрея Белого) // Русская фаустиана XX века. – М.: Флинта, 2002. – С. 54 – 86.
10. Кожевникова Н. А. Андрей Белый как филолог и художник (о факторах формирования идиостиля) // Формирование семантики и структуры художественного текста : межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев, 1984. – С. 163 – 176.
11. Кожевникова Н. А. Роман А. Белого «Москва» и Словарь В. И. Даля // Русский язык в научном освещении / РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 14 – 39.
12. Кожевникова Н. А. Имена собственные // Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. – М.: ИМЛИ РАН, 1992. – С. 193 – 224.
13. Колобаева Л. А. Парадоксы судьбы: «Москва» Андрея Белого как антиэпопея // Андрей Белый. Публикации. Исследования. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 264 – 278.
14. Коно В. Мотив «глаза» в романе «Москва» А. Белого // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. – М.: Наука, 2008. – С. 489 – 498.

15. Леруа М. Миф о иезуитах: От Беранже до Мишле. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
16. Лотман Ю. М. Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3 т. – Таллинн, 1995. – Т. 1.
17. Мельникова Е. Г., Безродный М. В., Паперный В. М. Медный всадник в контексте скульптурной символики романа Андрея Белого «Петербург» // Блоковский сборник VI. А. Блок и его окружение. – Тарту, 1985. – С. 85 – 92.
18. Нефедьев Г. В. «Сон об атланте»: К подтексту мотива провокации в романах А. Белого «Петербург» и «Москва» // Russian Literatura. – 2005. – Vol. LVIII-I/II.
19. Пискунов В. М. Из наблюдений над текстом романа «Москва» // Пискунов В. М. Чистый ритм Мнемозины. – М.: Альфа М, 2005. – С. 175 – 185.
20. Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX вв. – М.: Наука, 2008.
21. Саськова Т. В. Пастораль в философской рефлексии Ницше в художественной структуре романа А. Белого «Москва» // Литература в диалоге культур – 3: Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 19 – 22 декабря 2005. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 256 – 262.
22. Словарь русского языка в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньева. – М.: Русск. язык, 1981.
23. Советский энциклопедический словарь.– М.: Сов. энциклопедия, 1982.
24. Тимина С. И. Последний роман Андрея Белого // Белый А. Москва / сост. С. И. Тимина. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 3 – 16.
25. Топоров В. Н. «Скрытое» имя в русской поэзии// Имя. Семантическая аура / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. Т. Н. Николаева. – М.: Языки славянской культуры, 2007.
26. Штейнер Р. Очерк тайноведения. – Л.: ЭГО, 1991.

«Дневники» М. М. Пришвина: понятие родственного внимания

В статье исследована система идей, которые составляют понятие родственного внимания к природе и человеку в «Дневниках» М. М. Пришвина. Это – вера в естественнонаучный факт близости человека и природы, убежденность в единстве всего живого на Земле, любовь к натуральному миру. Процесс обогащения смысла понятия представлен в трех направлениях: родственное внимание как следствие происхождения человека из природы; этический «диктат» поведения личности в обществе, в мире; эстетический принцип, определяющий особенности живописания естественной среды у М. М. Пришвина.

Accordingly results of study of M. M. Prishvin's Dairies have issued ideas system presenting concept of the related attention. This is belief human beings and nature are commonsensical related, all living creations are united, love of nature is principal. Process of conception development starts up in three ways such as the related attention is consequence of beginnings of human beings and nature; ethic «dictate» for human beings in sociality and in the whole world; aesthetic approach defying features of M. M. Prishvin's description of the environment.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, дневник, природа, родственное внимание.

Key words: M. M. Prishvin, dairies, nature, related attention.

Публикуемые с 1991 года и по настоящее время в полном объеме за 1905–1939 годы «Дневники» М. М. Пришвина открывают возможность для более широких суждений о творчестве классика русской прозы в контексте его прямых комментариев. В частности, «Дневники» раскрывают становление и развитие мысли образа «родственного внимания», утвердившегося и «проросшего» во всем наследии Пришвина в качестве одного из эстетических, философско-этических «диктатов» писателя. Ранее это понятие ученые рассматривали, в основном, в художественных произведениях автора. В критической литературе, в монографиях о творческом пути Пришвина раскрыть истоки и объяснить значение родственного внимания одним из первых, на наш взгляд, попытался Н. И. Замошкин. В 1927-ом году он писал, что мысль Пришвина о «восстановлении родства с природой» направлена на преодоление утраты городским человеком «связи с растительным и животным миром» [5, с. 28].

В трудах конца 1950-х – начала 1960-х годов смысл понятия раскрывается, прежде всего, в тесной связи с естественнонаучными теориями эволюции природы и происхождения человека. На наш взгляд, литературоведы предлагают скорее творческий результат осмысления мира, но не процесс наращивания идей, мотивов и образов, связанных с этим понятием. Автор первой монографии о наследии Пришвина Т. Ю. Хмельницкая

считает, что родственное внимание выражается, в первую очередь, в наделянии человеческими качествами (в одушевлении) природных персонажей [27, с. 141]. Далее А. Н. Хайлов добавляет, что родственное внимание у Пришвина ярко проявляется в субъективных пейзажах, в которых природа благодаря ее пониманию автором «по себе» становится живым существом [26, с. 81]. О родственном внимании по отношению к личности писателя говорит Г. А. Ершов, называя принцип «сердечным участием ко всему живущему» [4, с. 9], направленным на неприметные природные явления и на «лицо большого массива земли» [4, с. 13]. Это чувство, по мнению исследователя, проистекает из стремления преодолеть одиночество, и как результат рождается гармония между человеком и окружающей средой [4, с. 176]. Истоки родственного внимания в наследии Пришвина одной из первых пыталась выявить Т. Я. Гринфельд-Зингурс. В монографии «Природа в художественном мире М. М. Пришвина» понятие объясняется в связи с концепцией понимания, то есть познания мира, наследия В. Розанова и непонимания Л. Н. Толстого, который искал возможности объединения всех людей схожими взглядами на смысл жизни [3, с. 63–67].

С начала 1990-х годов наблюдаются попытки раскрыть мировоззрение Пришвина в связи с концепциями современных ему русских философов. С. Г. Семенова обратила внимание на сходство чувства «мирового единства» у Пришвина и у Н. Ф. Федорова. З. Я. Холодова пишет, что Пришвину близка концепция органического строения мира, восходящая к теории В. С. Соловьева и развитая в работе Н. О. Лосского «Мир как органическое целое» (1915) [28, с. 60]. А. М. Подоксенов считает, что понятие родственного внимания складывается, в первую очередь, под влиянием персонализма Н. О. Лосского, утверждавшего интуицию («внезапное озарение») в качестве способа «получения истинного знания об органической целостности мира», осуществляемого «путем любовного внимания» [8, с. 215]. Выявление сходств и различий в идеях Пришвина и философов второй половины XIX – начала XX веков нуждается в кропотливом дальнейшем исследовании. Полная публикация «Дневников», которая еще впереди, позволит в хронологической последовательности проследить развитие понятие родственного внимания к природе, определить его биографические, эстетические и философские истоки.

Уважение Пришвина к интуитивному познанию мира определяется А. М. Подоксеновым как приверженность к концепции персонализма. Известно, что для Пришвина и для любого другого мастера слова характерна эстетическая интерпретация своих идей. Постигание окружающей человека действительности посредством чувств рассматривается как один из основных этапов становления художественного образа. Об этой специфике литературы писал и Л. Н. Толстой в трактате «Что такое искусство?»: наука помогает людям осознать жизненно важные истины, искусство же эти истины переводит в область чувств [25, с. 186].

Понятие родственности человека и природы не является новым для русской философии и искусства. В. Н. Майков о стихотворениях А. В. Кольцова, писал, что в них человек и природа – «произведение одной животворной силы», далее, упомянув в суждениях термин «родство», критик поправляет себя: лучше именовать такую односущность «тождеством» [7, с. 93–94]. Эти суждения дополняет В. П. Боткин, анализируя лирику А. А. Фета: по его мнению, чувство прекрасного (как и любое другое явление «духа человеческого») происходит по законам «глубоко родственным с общею жизнью вселенной» [2, с. 358]. Л. Н. Толстой говорил, что «искусство может вызвать и *благоговение к достоинству* каждого человека, *к жизни каждого животного* <...>» (курсив наш. – М.К.) [25, с. 194–195].

На внимание в литературе к «чувству» всеобщего родства на Земле, безусловно, значительно повлияло активное развитие естествознания. Интересно, что профессиональные биологи не чуждались выходить за рамки строгой науки и воспринимать мир поэтически. К понятию родственного отношения человека к окружающему миру сводятся высказывания одного из основоположников русской школы физиологов растений К. А. Тимирязева. В труде «Жизнь растения» травы и деревья показаны живыми существами. В статье «Фотография и чувство природы» ученый пишет о «безотчетном патриотизме», «об общем детстве человечества» [24, с. 237–238].

Пришвин, по нашим наблюдениям, значительно дополнил рассуждения предшественников. В первую очередь, отметим, что на основе научного факта «кровной» близости человека и природы он всем своим творчеством породил мудрую рекомендацию, как должен вести себя человек, оказавшись лицом к лицу с натуральным миром.

Прежде чем перейти к текстам «Дневников» на интересующую нас тему отметим, что зарождению и становлению в художественной философии Пришвина родственного внимания способствовала вся жизнь писателя. Он родился и вырос в небольшой усадьбе Хрущево в плодородной Орловской губернии. И далее, в основном, жил вне городов: затерянные в лесах деревни Новгородчины, Смоленщины; биостанция «Ботик» на берегу живописного Плещеева озера, дом в Загорске. В последние годы автор проводил много времени в Дунино под Звенигородом. Пришвин видел, как заботятся о пашне крестьяне, а в голодные годы после революции и сам брался за плуг. Много охотился, благодаря чему имел возможность в подробностях изучить ландшафты, флору и фауну центральной России. В середине 1920-х годов на биостанции «Ботик» писатель активно занимался экологическим воспитанием школьников, по сути, став одним из первых «зеленых» в России. Пришвин не из книг и не с чужих слов знал, что природа всегда влияла на физическую и духовную жизнь человека: без воды и пищи, без воздуха и солнечного тепла, без всего естественного невозмож-

но существование на Земле. И потому забота об окружающем мире должна стать одной из первостепенных задач современного общества.

Конкретнее рассмотрим систему идей, связанную с сочувственным отношением к природе, и ее развитие в «Дневниках». Из воспоминаний узнаем, что ощущение нерасторжимой связи между человеком и натурой Пришвин почувствовал, учась в старших классах в Тюмени. При виде за окном обыкновенной синички явилась мысль: «вроде как бы все происходило у границы природы и человеческого духа: тут в комнате я – человек, а за окном – представитель природы» [20, VI, с. 516]. Это первое, вероятно, предчувствие темы единства живых существ на Земле.

Истоки родственного внимания обнаруживаются и в «Раннем дневнике» (1905–1913), в котором Пришвин пишет о всеохватывающей любви к миру, способствующей его пониманию: «Когда человек любит – он проникает в суть мира» (1913). В данном фрагменте любовь понимается онтологически: как чувство единства человека со всем существующим. А.М. Подоксенов считает, что в данном фрагменте прочитывается вера автора в Творца [8, с. 201–202]. Однако вывод исследователя представляется спорным, так как далее по тексту Пришвин уточняет отвлеченные размышления конкретными наблюдениями природы, которые сложно согласовать с христианским отношением к натуральной среде, созданной Богом для жизни человека: «вижу край зеленой одежды мира» [19, с.159], «слышу дыханье <...> лилового колокольчика», – свою причастность к великому целому писатель выражает в любви к конкретному «персонажу» природы. «И через любовь мою к колокольчику я связан со всем великим миром» [19, с. 162]. Пристальный интерес к естественному «герою», проявленный автором в «Дневнике», скорее всего, ближе к языческому мироощущению, к вере в «Великого Пана». Напомним, о наличии художественных элементов пантеизма в очерках и рассказах Пришвина писал Р. В. Иванов-Разумник в 1911 году – первый, кто обратил внимание на глубокий философский смысл, содержащийся в живописании природы мастером слова. Присутствие «зеленого бога» критик рассматривает как один из приемов создания образа.

В 1918 году Пришвин говорит о «любовном внимании к миру», помогающему личности пережить трагедии и драмы судьбы [11, с. 164]. Запись относится к трагическому периоду в жизни автора: потеря родной усадьбы после 1917 года, социальная неустроенность его семьи, голод, нищета, отсутствие возможности печататься. В непростое время Гражданской войны и становления Советской власти стабильность круговорота в природе воспринимается автором в качестве своеобразной опоры, помогающей сохранить душевное равновесие для поиска согласия с новой социальной действительностью. Постоянство натурального мира, его «нейтральность» в отношении к общественным конфликтам созвучны жизненному «закону»

Пришвина: «Вообще моя натура, как я постиг это: не отрицать, а утверждать» [10, с. 116].

В «Дневнике» 7 февраля 1920 года писатель признается в чувстве глубокой привязанности к весеннему свету, к первым потокам талой воды и освободившейся от снега земле, к неодетому лесу, в котором «каждое дерево жизненно выделяется» [12, с. 22–23]. Любовь помогает заметить в огромном целом каждого участника жизни. Этот фрагмент показывает, что пристальный интерес к природе являет не только созерцательное отношение, но и формирует эстетические убеждения мастера слова. Наблюдения в естественной среде развиваются в понятие «любовь различающая», которое далее также становится одним из художественных правил Пришвина, умеющего рассмотреть индивидуальность всюду, в громадных просторах и в малом клочке родной земли. Персонифицируя природных существ, автор, по сути, вступает в активный творческий диалог со всем миром. Это важный шаг в развитии родственного внимания.

«Дневники» показывают, что в становлении изучаемого понятия отражено и уважение Пришвина к народному опыту. Так, 4 апреля 1921 года он пишет: «на севере говорят: вместо любят “понимают”» [12, с. 159]. Отсюда отношение к близкому существу природы сливается с умением понимать его. Интересно, что, по наблюдению одного из крупнейших исследователей фольклора А. Н. Афанасьева, для древних славян характерно «сочувственное созерцание природы» [1, I, с. 8], понимающее, любовное отношение к соседям под солнцем. 21 октября 1924 года Пришвин замечает в «Дневнике»: «Вступление: о методе родств. вним.» [13, с. 178], – это сообщение о задуманной «Краеведческой книге». И заявленная тема – краеведение, и контекст, в котором живет упоминание о новом произведении, позволяют предположить, что новый метод автор собирается раскрыть, живописуя природу. Действительно, в 1926 году выходят «Родники Берендея», книга очерков и рассказов о наступлении весны в Подмосковье, в которых, как заметила З. Я. Холодова, присутствует мотив родственного внимания человека к натуральной среде. Растения и животные предстают прообразами людей. Развивается мысль о творческой сути естественного мира.

Далее «Дневники» позволяют в деталях увидеть процесс наращивания смысла в данном понятии. Оно разрабатывается во многих направлениях. На наш взгляд, главные – родственное внимание как: 1) следствие естественного происхождения человека из природы; 2) этический диктат, рекомендация поведения личности в обществе, в мире; 3) эстетический принцип, определяющий характер и качества живописания натуральной среды.

В первом направлении родственное внимание выступает в качестве проявления «кровной» близости человека и природного существа. Эта разновидность широко раскрывается в наблюдениях конкретной природы.

Например, 19 апреля 1925 года поводом для размышлений о естественном происхождении человека становятся наблюдения за весенними хлопотами, заботами о продолжении рода обитателей леса. «Сила родственного внимания» восстанавливает общую связь в мире, открывает жизненное не только в других людях, но «даже в животных, даже в растениях» [13, с. 264–265]. При этом Пришвин не призывал общество вернуться к жизни вне цивилизации, как это делали Ж.-Ж. Руссо, в русской философии – Л. Н. Толстой. В этом плане характерна запись от 23 декабря 1927 года, в которой высказывает мысль о «золотом веке» – времени, когда человек еще полностью не отделился от природы. Мотива грусти о неведомом прошлом во фрагменте нет. Пришвин обеспокоен был отрывом человека от истоков естественного бытия, тем, какое наследство останется следующим поколениям. Он призывал к родственному вниманию как к необходимости для благополучного будущего. Размышляя о происхождении человека и о его положении среди других существ, Пришвин часто демонстрирует приверженность к естественнонаучным теориям эволюции жизни на Земле. Писатель особенно отмечает в человеке могущество разума – качество, которое определяет «старшинство» в цепочке организмов. Это преимущество, по мысли автора, обязывает относиться к «братьям меньшим» заботливо, а не как «хищник-поработитель», – в подобных фрагментах прочитываются экологические призывы. Важно воспитывать в себе умение «сорадоваться всему живому» [16, с. 230]. Иначе, как показывает Пришвин (прежде всего, в пейзажах с социальными мотивами), человек утрачивает свое превосходство. Родственное внимание утверждается в этическом и экологическом планах.

26 августа 1930 года в «Дневнике» Пришвин на собственном примере учит доброму поведению в натуральном мире. Необходимо уметь любить природу при всех ее неудобствах (жара, холод, утомление от постоянной ходьбы, насекомые), и тогда «мелькнет на случайно радостном чувстве» мысль, которая в дальнейшем и разовьется в сочувствие к естественной среде [16, с. 193]. Автор детально рисует общение с естественным сообществом, в котором труд и муравья, и шмеля, беспокойство пернатых за птенцов, – всё важно, поэтому «просто из приличия веду себя в лесу тихо» [17, с. 615]. Это уважение к соседу по планете – действенный шаг в овладении искусством родственного внимания. Художник повторяет мысль, что человек только в том случае является царем природы, когда его «творчество согласовано с творчеством мира». В данной формуле, предельно емко выражается суть философско-мировоззренческих предпочтений Пришвина. Обращается он и к идее возвращения утраченного в ходе эволюции единства с породившей окружающей средой. Натура – мощная жизнь на земле, с которой человек вечно связан родовыми узами. Природа пребывает неиссякаемым источником не только питания, но и духовных сил, ориентиром ценностных установок. В наблюдениях за обитателями

лесов, полей, рек, болот, в сюжетах об их поведении и «судьбах» писатель раскрывает целительное воздействие естественной среды на душу человека. Родственное внимание автор доводит до идеи, из которой следует, что человек и природа – равно необходимые части всего живого на земле. Эта идея не отрицает свободы творческой личности, поскольку ее благополучие зависит от состояния натурального мира. Разработка родственного внимания – философско-этическое утверждение общечеловеческих ценностей.

Во втором направлении параллельно с раскрытием родственного внимания к природе Пришвин дополняет понятие суждениями о нравственном поведении человека в обществе. О смысле родственного понимания в отношениях с другими людьми автор говорит, размышляя о сюжете и проблемах романа «Кашеева цепь». 16 ноября 1927 года мастер слова пишет, что любовь (Михаила Алпатова к Инне Ростовцевой) предполагает альтруизм – принцип, направленный на благо ближнего, являющий собой бескорыстную готовность к доброму поступку, отречение от эгоизма [14, с. 520]. Родственное внимание утверждается как действие, дарующее ближнему благополучие.

Родственное внимание помогает разглядеть личность и в чужом человеке. В этом плане интересна запись 11 января 1938 года. Пришвин сравнивает скульптора, которому через внешний облик, фигуру удается передать внутренний мир, характер и мысль. Противоположный вариант – толпа на улице, где трудно разглядеть отдельные личности. В результате, по мысли автора, искусство показывает «как мог бы жить человек», в реальности же все видят только «как он живет» [18, с. 14–15]. Родственное внимание способствует совершенствованию в человеке лучших качеств, позволяет приблизиться к идеалу. Заметим, что и в теме природы Пришвин стремится показать идеальное существование, воплощение прекрасных качеств натурального мира. Все это, по мнению художника, способствует воспитанию в читателях любви к окружающей среде. Отстаивая индивидуальность, Пришвин вводит определение «сам-человек», под которым подразумевается неповторимость личности, отсутствие деления на лучших и худших, всеобщее равенство людей [18, с. 38]. «Сам-человек» в некоторой степени противоположен «сверхчеловеку» Ф. Ницше, для которого характерна неумная «воля к власти», обеспечение полного развития исключительной личности. В конце 1939 года (после репрессий 1937-го года в Советском Союзе, в разгар II Мировой войны в Европе) Пришвин предупреждает, насколько опасными могут быть подобные учения в трактовке людей, не считающихся с конкретными личностями [18, с. 435]. «Сам-человек» Пришвина обладает органическим чувством жизни.

В «Дневниках» есть и высказывания о родственном внимании, которые охватывают взаимоотношения всего человечества. 7 августа 1928 года Пришвин говорит о «гуманистах» без упоминания имен и фамилий, в це-

лом как о людях, внесших существенный вклад в утверждение ценности и неповторимости жизни каждого [15, с. 162–163]. Все гуманисты наделены родственным вниманием к обществу. Данную мысль, на наш взгляд, справедливо считать одним из перспективных представлений в мировоззрении автора.

Третье направление, в котором разрабатывается родственное внимание, – область поэтики: художественные принципы, определяющие качества живописания натуральной среды. Поэтически оформленная идея представляется Пришвину одним из ключевых условий деятельного участия в жизни. 16 апреля 1926 года художник раскрывает: «может быть, и само искусство начинается в замену утраченной как-то любви ... молчаливого потока родства, продолжающего мир» [14, с. 31]. При этом мастер слова обращается к чувствам и способностям простых людей: родственное внимание присуще каждому. Талант отличается тем, что способен «бесконечно расширять обычную способность» [15, с. 297], – уточняется в «Дневнике» 26 октября 1928 года. В «Журавлиной родине» есть миниатюра «Родственное внимание». В творческой лаборатории писателя это понятие – эстетическая форма натурфилософии: оно трактуется как «понимание» и «накопление» запаса образов [21, III, с. 61]. Далее Пришвин конкретизирует способ «накопления» образов из мира природы. Следует видеть единичность в больших и малых существах, в животных, в растениях и даже в «неживых» ландшафтах и явлениях погоды. Объединит их «устремление в “психологизм”», который «есть сила восстановления утраченного родства посредством личного творчества» [15, с. 50]. Отсюда происходит ранее замеченное литературоведами одушевление натурального мира при сохранении реальности изображения. Позднее Пришвин объяснит: «Мой прием состоит в том, чтобы заставить действовать не только центральное лицо, но и всю *обстановку* олицетворить, чтобы каждая вещь показалась своим лицом и стала тоже героем. Так и лес, и елка, и сосна стали бы живыми» («Глаза земли») [21, VII, с. 277].

Поэтизация реальности закреплена в особом жанре – в миниатюре с образом «самостоятельной» природы. В таких композиционных единствах философская мысль, чувства писателя сливаются с изображением естественной среды. Пришвин понимает природу как мощную материю бытия, достойную изображения в ее бесконечных свойствах и качествах, материю, с которой человек вечно связан прочнейшими «кровными» узами. «Натурфилософские» образы приводят к тому, что природа занимает заметный объем описания, имеет мотивы «судьбы», портретные характеристики, – все это позволяет воплотить цельность, объемность собственного существования природы. Интересно, что, по словам автора, утверждению родственного внимания к природе способствует ежедневное ведение дневника, позволяющее наблюдать мир в естественном развитии. Родственное внимание и живописность факта дают «новую точку зрения на окружающий

мир», который раскроется в «сказочном» (прекрасном) и в то же время «наиболее достоверном» виде [16, с. 193]. Изображение природы в любом из произведений Пришвина (в рассказах, очерках, миниатюрах, «Дневниках») утверждает эстетическую категорию прекрасного, созданного на основе естественной природы России. Все, что связано с жизнью природы – прорастание, развитие, цветение, плоды – круговорот жизни, – все это возможность и реальность проявления красоты. Обращение к видимому, к осязаемым формам живого и неживого «предметного» мира, – это и реализация идеи родственного отношения к естественной среде жизни. В высоком плане – это очевидность выражения идеи единства мира и бытия всего сущего: «<...> я нашел себе любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой» [21, VII, с. 247].

Пришвин осторожно направляет видимые и осязаемые явления в сторону не только красоты, но и добра. По мысли автора, не стоит усиливать возможностями искусства злые, отрицательные стороны жизни. Они не достойны талантливого живописания. Задача художника – изображать добрые явления, результаты сочувствия миру. О взаимосвязи эстетики и этики автор размышляет в 1935 году: «<...> если человека любить и поступать по любви, то, наверно, это будет красиво, и будет красивая жизнь, и красота будет живой» [17, с. 642].

Итак, опубликованные в 1991–2010 годах в полном объеме «Дневники» М. М. Пришвина показывают, что понятие родственного внимания – процесс сложных размышлений автора о мире. Писатель разрабатывал родственное внимание многосторонне: по отношению к природе, к человеку. М. М. Пришвин перевел понимание «кровной» близости всех живых существ на Земле в область искусства, превратил натурфилософское понятие в эстетическое, во многом определившее под его пером характер и качества живописания натуральной среды.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – М.: Современ. писатель, 1995. – Т. I.
2. Боткин В. П. Русская литература. [А. А. Фет] // Боткин В. П. Сочинения. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1890. – Т. I.
3. Гринфельд-Зингурс Т. Я. Природа в художественном мире М. М. Пришвина. – Саратов: СГУ, 1989.
4. Ершов Г. А. Михаил Пришвин. Жизнь и творчество. – М.: Худож. лит., 1973.
5. Замошкин Н. И. Писатель-берендей // Пришвин М. М. Собр. соч. – М.–Л., 1927. – Т. I. – С. 3 - 12.
6. Иванов-Разумник Р. В. Великий Пан // Речь. – 1911. – № 23.
7. Майков В. Н. Стихотворения Кольцова // Майков В. Н. Литературная критика. – Л.: Худож. лит., 1985. – С. 67 – 176.
8. Подоксенов А. М. Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества. – Белгород: БелГУ; Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009.
9. Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. – СПб.: Росток, 2007.
10. Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. – М.: Московский рабочий, 1991.

11. Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. – М.: Московский рабочий, 1994.
12. Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. – М.: Московский рабочий, 1995.
13. Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. – М.: Русская книга, 1999.
14. Пришвин, М.М. Дневники. 1926–1927. – М.: Русская книга, 2003.
15. Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. – М.: Русская книга, 2004.
16. Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. – СПб.: Росток, 2006.
17. Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. – СПб.: Росток, 2009.
18. Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. – СПб.: Росток, 2010.
19. Пришвин М. М. Ранний дневник. – СПб.: Росток, 2007.
20. Пришвин М. М. Собр. соч. в 6 т. – М.: Гослитиздат., 1957.
21. Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1983.
22. Семенова С. Г. Жизнь, пробивающая себе путь к вечности... (Михаил Пришвин – мыслитель) // Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920 – 1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.
23. Тимирязев К. А. Жизнь растения // Тимирязев К. А. Сочинения.– М: Сельхозгиз, 1938. – Т. IV.
24. Тимирязев К. А. Фотография и чувство природы // Тимирязев К. А. Сочинения. – М.: Сельхозгиз, 1938. – Т.V.
25. Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Юбилейное издание. – М.: Худож. лит., 1951. – Т. XXX.
26. Хайлов А. И. Михаил Пришвин. Творческий путь. – М. –Л.: АН СССР, 1960.
27. Хмельницкая Т. Ю. Творчество Михаила Пришвина. – Л.: Сов. писатель, 1959.
28. Холодова З. Я. Художественное мышление М. М. Пришвина: содержание, структура, контекст. – Иваново: ИвГУ, 2000.

Феномен цикличности истории в российской антиутопии 2000-х годов

В статье исследуется российская антиутопия 2000-х годов в аспекте феноменов историзма и цикличности. Принимая во внимание многозначность этих терминов, автор пытается ответить на вопрос, есть ли выход из тупика истории, представленного в антиутопиях, и каковы перспективы жанра антиутопии в современной российской литературе.

The Russian antiutopia of 2000th years is investigated in the article in aspect of phenomena of historicism and recurrence. Taking into consideration polysemy of these terms, the author has tried to answer the question, whether there is an exit from the deadlock of history presented in analyzed texts and what are the prospects of a genre of antiutopia in the modern Russian literature.

Ключевые слова: историзм, цикличность, жанр, утопия, антиутопия, российская антиутопия 2000-х годов, современная российская литература, современный литературный процесс.

Key words: historicism, recurrence, genre of utopia, genre of antiutopia, Russian antiutopia of 2000th years, modern Russian literature, modern literary process.

В российской и мировой литературе XXI века заметна тенденция к созданию антиутопий. Пессимизм и отсутствие установки на создание идеально положительного будущего приводят к тому, что отрицается сама возможность выхода из бесконечного цикла истории в вечность (в смысле конца времени). Ситуация, характерная для сюжета антиутопии 2000-х годов, – жизнь продолжается после «конца света», жизнь не обновленная, как следовало бы ожидать (золотой век так и не настал после апокалипсиса), а все та же – и еще хуже, еще страшнее.

Предметом нашей статьи является проблема репрезентации исторических событий в российских антиутопиях 2000-х годов. Каждое такое событие представляет собой целый набор характеристик, включающих в себя отличительные черты той или иной исторической эпохи, чаще – контаминацию черт различных эпох. Писатели-антиутописты обращаются к Смутному времени в истории России, к эпохе Средневековья, к революционным событиям 1917 года. История в антиутопии становится вневременным явлением, обладающим свойством повторения при любых условиях существования человечества. Цикличность истории – феномен не столько интертекстуальный, сколько сверхтекстуальный.

Многозначность термина историзм связана с недостаточно четкой дифференциацией таких понятий, как историзм, историческое бытие, историчность, фактичность и т.д. Проблемой художественного историзма

занимались такие ученые, как Р. Вейман, С. Г. Асадуллаев, М. Г. Соколянский, А. Ф. Лосев, С. И. Кормилов, К. Г. Исупов и другие. Необходимо помнить о том, что в каком-то смысле «историзм» и «цикличность» – антонимы. А. Ф. Лосев понимал историчность как фактичность, противопоставляя цикличному пониманию времени в мифах. Возникает проблема диалога науки и мифа, актуальная для жанров утопии и антиутопии. Можно назвать это также антиисторизмом, хотя противопоставление науки и мифа в рамках жанра антиутопии весьма условно – и вследствие ее связи с жанром научной фантастики, и вследствие сложных взаимоотношений науки и мифа. Современное понимание термина связано с «новым историзмом», который А. Эткинд определяет как историю «не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу» [15, с. 7].

Сама по себе история – предмет для утопии важный. История как наука высоко оценивается, например, в утопических романах И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957), «Час Быка» (1968), становясь самой значимой отраслью знания для человечества будущего, потому что именно на ошибках истории человек строит свое будущее. В утопических текстах это приобретает совершенно особое значение именно потому, что будущее есть прямой предмет исследования для утопий. Утописты строят будущее, основываясь на образцах прошлого, и очень часто такие соответствия превращают утопию в свою противоположность – антиутопию. Антиутопии воспроизводят сценарии прошлого, словно пытаясь заново «проиграть» их, демонстрируя всякий раз одну и ту же неспособность этого сценария закончиться «хеппи-эндом», ведь, как отмечает Б. Ланин, «время антиутопии – время расплаты за грехи воплощенной утопии, причем воплощенной в прошлом» [7, с. 161]. Отличительными особенностями таких «возвращенных» сценариев являются карнавализация, атрибуты мифологизации (чудеса, заколдованное пространство, суеверия, квазинаучность, ритуальность). Так, время в романе Т. Толстой «Кысь» (1986 – 2000) обладает таким свойством, как «дурная цикличность» (Е. Беньяш, О. Славникова, С. Федотова, Н. А. Плаксицкая и др.). Сама Т. Толстая на вопрос газеты «Московские новости», будущее ли изображено в романе, ответила, что в «Кыси» представлено наше вечное настоящее. Кроме того, исследователи указывают на наличие оппозиции «прошлое – настоящее»: «В романе историческое (прошлое) выступает как оппозиция современному (настоящему). Прошлое – это цивилизованное состояние, настоящее – нецивилизованное, то есть возникает еще одна оппозиция цивилизованное – нецивилизованное» [8, с. 177]. Феномен квазинаучности проявляется в так называемом кризисе антропоцентризма. Об этой потере ценностного ориентира (который сформулировал еще Протагор) рассуждает Д. Хапаева: «Суть готической эстетики... состоит в разочаровании в человеке и человеческих возможностях. Ее главная максима возвестила о смене эстетического канона: утрата интереса к человеку как к главному явлению, как к

мерилу всех вещей» [14, с. 20]. Квазинаучность проявляется в романе Вяч. Рыбакова «На будущий год – в Москве!» (2003), где в обстановке псевдонаучности процветает новое, модернизированное научное сообщество. Оно лишено иерархичности, свойственной традиционной научной среде. Отныне нет никаких доцентов, профессоров, ВАКов, диссертационных советов. Есть ученые и один главный ученый. Структура такого объединения напоминает структуру средневекового общества, где главный жрец посвящен в тайны мироздания, остальные же только внимают ему. Характерен ответ «главного жреца» науки Акишина на вопрос студента с факультета телекинематики о том, почему ни у кого из студентов их факультета не выходят опыты по изменению силой воли распада урана и стронция, описанные Акишиным: «Плохо старались! Мужчина должен воспитывать в себе силу воли – а у вас ее явно недостает!» [11, с. 682]. Основным предметом исследования науки становятся духовные свойства человека – то, что традиционно предметом науки никогда не являлось (это возвращает нас в средневековые времена). Утопия о научном доказательстве бытия Бога, существовании души развенчивается автором романа. Наука и религия должны существовать максимально независимо друг от друга – это необходимо для душевного здоровья общества. Такие прикладные «науки», как, например, астрология, вводимая в повседневный обиход в утопиях прошлого (вспомним хотя бы «Город Солнца, или Идеальную Республику» Т. Кампанеллы, 1623), отбирают у науки главный предмет своего исследования – человека, подменяя его фантомами: «Кстати сказать, и в Петербургском сейме, и в законодательных собраниях ближайшего зарубежья, например, как мне точно известно, в Московском меджлисе, уже готовятся законопроекты, предусматривающие ответственность за несоблюдение астрологических рекомендаций...» [11, с. 680]. Сценарий средневекового общества, использованный В. Рыбаковым, иллюстрирует главное качество антиутопического времени – его цикличность.

Еще один пример цикличности времени в антиутопии – роман «Маскавская Мекка» (2003) А. Волоса. Как отмечает И. Кукулин, образ гипсовых часов, которые достает Ленин-Виталин во сне голопольского художника Евсея Евсеевича Емельянченко – «это аллегорическое изображение «отсутствия истории», оно «призвано продемонстрировать, что в России история возможна или как симулякр, жалкая монументализация, или как постоянно воспроизводящийся в реальности цикл «революция – относительное благополучие – разворовывание – революция» [6, с. 267]. Получается, что оба сценария будущего России не дают ей надежды на выход из «дурного тупика». По мнению А. Воробьевой, Маскав и Голопольск – это всего лишь эксперименты «для разработки и практической проверки различного рода идей, поступающих в основном из Европы...» [2, с. 230]. Важно и то, что сценарии прошлого не просто копируются авторами, а переосмысляются. В. М. Розин так определяет это переосмысле-

ние: «Таким образом, цикличность в данном случае – это не буквальное повторение, а ассимиляция и переосмысление, это включение в новое целое и переструктурирование» [10, с. 85]. Например, в романе В. Сорокина «День опричника» (2006) воссоздается атмосфера Смутного времени, перенесенного в будущее, в 2027 год. Адаптация исторического материала к условиям современности происходит за счет употребления псевдорусских жаргонизмов: в тексте то и дело мелькают такие слова, как «мобило» (вместо «мобильник»), «мерин» (вместо «мерседес»), «добромольцы» (сокращенное от «добрые молодцы») и т.п. Причудливое переплетение времен в романе обрамляется прогнозами автора о будущем России. Реалии Смутного времени тесно сплетены с реалиями СССР 1930-х годов прошлого века – та же изоляция от других стран, тот же «добровольный» отказ населения от выездов за границу.

Весьма показательна для анализа цикличности сцена концерта в Кремлевском зале, во время которой опричники оценивают представленные им номера с идеологической точки зрения: «Номер нужный, злободневный. Но элемент похабщины есть. А государь наш, как известно, борется за целомудрие и чистоту на сцене... И еще... У тебя, когда лучом ворота полосуют, кишки из него валяются. Многовато...Натурализм здесь неуместен» [13, с. 67 – 69]. Название произведения, по нашему мнению, перекликается с названием известного рассказа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1959), только живописует В. Сорокин не будни заключенного, а будни того, кто заключает. Эти параллели указывают на то, что история замыкается на самой себе, повторяя сценарии прошлого. Вместе с тем, России уготовано в будущем отнюдь не место великой державы, а всего лишь подчиненной Китая: в художественном мире «Дня опричника» китайский язык обрел такую же, если не бóльшую, ценность, как в наши дни английский язык. Своего апогея мода на Китай достигает в сборнике В. Сорокина «Сахарный Кремль» (2008).

Поклонение Китаю наличествует и в антиутопическом романе (авторское жанровое определение – «поэма») Д. Быкова «ЖД» (2001 – 2006). Такой устойчивый лейтмотив имеет, конечно, свои причины в настоящем нашей страны – мода на восточные религиозные практики, еду, одежду давно уже существует в России. Говоря о том, что «у захваченной страны нет линейной истории» [1, с. 183], Д. Быков фактически утверждает, что Россия живет по законам природы, по языческим законам, и в цикле ее отсутствующей истории наличествуют две кульминационные точки, именуемые коренным населением Жаждь-богом и Даждь-богом (иными словами – революция и период затишья).

В основе криптоисторических построений произведения лежит идея круга. Эта идея имеет несколько символических значений в романе и несколько форм воплощения. Во-первых, это бесконечная железная дорога по замкнутому кругу, которую мечтают построить ревнители старого по-

рядка, дабы история никогда не началась: «Потому что ж/д – это предопределение, понимаете? С нее нельзя свернуть. Она железная... Она нужна затем, чтобы ... тут ничего не менялось... Это местный вариант Великой Китайской стены» [1, с. 372 – 373]. Во-вторых, это мифические представления так называемого коренного населения России о круге года: «Год идет по кругу, катится колесо, а держит его палка, что поперек колеса. Где она упирается в колесо, там два праздника. День жара – весной... А День дыма – осенью» [1, с. 240]. В-третьих, это циклический ход истории в России, фатальная повторяемость и предопределенность событий и ситуаций: «Самым грозным выводом из открывшегося ему закона было то, что у захваченной страны нет линейной истории... Цикл русского развития нарицательно ему мгновенно, с той убедительностью, с какой обнаруживаешь вдруг убийственную закономерность в хаосе линий собственной судьбы» [1, с. 183]. Такая предопределенность исторического пути России оценивается как в парадигме цикличности, так и в парадигме линейности истории. С одной стороны, история каждый раз движется по кругу, но с другой – всякий раз выходит на новый уровень повторения. В этом отношении интересна концепция Д. Галковского, назвавшего этот же самый феномен «бесконечным тупиком».

Оценка будущего нашей страны современными авторами пессимистична. В. Сорокин отвечает на вопрос о том, что ждет Россию, устами героини романа «День опричника», ясновидящей: «Будет ничего» [13, с. 141]. У Д. Быкова в романе «ЖД» вся экономика и геополитические отношения держатся на якобы недавно открытом газе «флогистоне». В романе название газа приобретает особое значение, перекликаясь с первоэлементом как гипотетической материей, высвобождающейся при горении. Флогистон становится метафорой несуществующего, эфемерного, метафорой симулякра. Надеясь на то, что газ – всего лишь фикция, удачный ход политиков в только им одной интересной и выгодной игре, Д. Быков рассказывает о том, откуда берется это новое ископаемое, заменившее всему миру нефть (в России флогистона нет, поэтому она зависит от Китая и других стран, обладающих этим газом): «А из пустоты получается веселый газ флогистон... История любит пустоту и начинается с нее... Состав флогистона неведом и, скорее всего, отсутствует. Флогистон – чистая сила воображения: раз ничего нет, надо придумать. Пустота – возможность всех наполнений; флогистон – обещание всех возможностей» [1, с. 616 – 617]. Выходит, что будущее у России отсутствует. А может быть, будущее скрыто, потому что оно – наше общее будущее. Так объясняет автор «ЖД» эту мысль: «Мудрецу должно бояться не тогда, когда он провидит хорошее или дурное будущее, а тогда, когда не видит никакого: собственная судьба от него скрыта, и если впереди темно – значит, главное должно произойти именно с ним» [1, с. 608]. На вопрос о том, почему в России нет истории, в романе имеется свой ответ: «Долго продолжался доисторический век; ведь

цель истории – как раз и разбить людей на страты, а если это с самого начала так, то и истории никакой не надо» [1, с. 450]. Привязанность ревнителей «отсутствующей истории» к установленному порядку вещей сравнивается с инфантилизмом детей: «Дети тоже очень любят старые книжки перечитывать, наизусть известные, и по кругу ездить. А я хочу во взрослый мир, капитан, взрослый!» [1, с. 512].

Ничего разрывающего «дурной круг» русской истории не предлагает нам и Д. Глуховский. Ставя героев романов «Метро 2033» (2005) и «Метро 2034» (2009) на грань выживания после ядерной катастрофы, он обнаруживает, что человечество и здесь умудряется повторять печальные сценарии прошлого, ведет нескончаемые войны, хотя «человек больше не хозяин Земли» [3, с. 7]. Вопреки всем ожиданиям, вслед за апокалипсисом не наступает «золотой век»: о нем, должном наступить после катастрофы, снова только лишь мечтают – как и происходит в романе Д. Глуховского «Метро 2034» (2009). Время в романе «Метро 2033» подчиняется закону циклического движения истории. После Третьей мировой войны, когда человечество перестало быть хозяином земли, происходит поворот истории в обратную сторону: «Станции стали независимыми и самостоятельными, своеобразными карликовыми государствами, со своими идеологиями и режимами, лидерами и армиями. Они воевали друг с другом, объединялись в федерации и конфедерации, сегодня становясь метрополиями воздвигаемых империй, чтобы завтра оказаться поверженными и колонизированными вчерашними друзьями или рабами» [3, с. 12]. Главным инстинктом человека, как в доисторические времена, стал инстинкт выживания: «Выжить. Выжить любой ценой» [3, с. 13]. Так история пошла по кругу – начали образовываться мини-государства, имеющие большее или меньшее влияние на жизнь метро: «Содружество прозвали Ганзой – кто-то однажды метко сравнил их с союзом торговых городов в средневековой Германии...» [3, с. 16]. Наименование «Ганза» ассоциируется со средневековьем, что означает значительную деградацию человечества. Возрождаются и утопические идеи прошлого: «Да и названия станций там тоже: Красносельская, Красные Ворота, Комсомольская, Библиотека имени Ленина и Ленинские, опять же, Горы. И то ли из-за таких названий, то ли по какой-то другой причине тянуло на эту линию всех ностальгирующих по славному социалистическому прошлому. На ней особенно хорошо принялись идеи возрождения советского государства» [3, с. 16]. Д. Глуховский пользуется приемом соответствия названия объекта его содержанию. Соответствие выходит иррациональное, что подчеркивает мысль автора: Россия обречена идти по замкнутому кругу истории, повторения на этом пути неизбежны. Роман Д. Глуховского «Метро 2033» может быть сопоставлен с романом Д. Быкова «ЖД»: «конец истории» в обоих произведениях представлен полным ее отсутствием. Тотальная цикличность российской исто-

рии в «ЖД» соединяется с фатальной повторяемостью исторических сценариев в «Метро 2033».

Феномен повторяемости исторических событий наблюдаются и в романе О. Славниковой «2017» (2006). Революция 1917 года имеет свойство повторяться – как в прошлом нашей страны, так и в ее будущем. Присходит революция в романе О. Славниковой спонтанно, будто бы только оттого, что в честь столетия прошлой революции в городе был устроен карнавал. Прием карнавализации, игры используется в романе «2017» открыто: «И вот из глубины проспекта Космонавтов, словно из самой толщи пестрого народа, раздалась иная, рваная музыка. «За власть Советов... и как один умрем...» – доносилась сквозь ветер какая-то старая хоровая запись, и почему-то становилось понятно, что все поющие уже и правда умерли... В раскрывшемся проеме показались красноармейцы» [12, с. 324]. Объяснить, почему «ряженая революция» в России переходит в самую настоящую, невозможно. В. Пустовая в связи с этим замечает: «Однако итог романа вместо нового витка дурной исторической спирали России дает нам почти быковское распрямление истории в неизвестность» [9, с. 174].

Существует ли выход из «дурной повторяемости», «бесконечного тупика», «вечного круга» истории – антиутопия четкого ответа не дает. В построениях начала XXI века отсутствуют четкие представления о месте человека в мире, о том, «что делать». По большому счету, речь идет об отсутствии «новой утопии», которая могла бы противостоять пессимистическим сценариям современной литературы. Именно созданием нового, альтернативного, лучшего настоящего была всегда занята классическая русская литература: «Титанической попыткой создать «другое» настоящее русские писатели хотят оправдать историю, а в ней – человека» [4, с. 142]. По большому счету, цикличность в литературе 2000-х годов «адекватно отвечает потребности современного сознания в поисках глубинных фундаментальных оснований функционирования человека и общества...» [5, с. 149], но не показывает выхода из «бесконечного тупика».

Список литературы

1. Быков Д. ЖД. – М.: Вагриус, 2008.
2. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах. – Самара, 2006.
3. Глуховский Д. А. Метро 2033. – М.: Популярная литература, 2008.
4. Исупов К. Г. Философия и эстетика истории в литературной классике XIX века // Литература и история (исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII – XX вв.). – СПб.: Наука, 1997. – Вып. 2. – С. 110 – 144.
5. Костина А. В. К проблеме соотношения цикличности и линейности времени мифа и массовой культуры // Мир психологии: научно-методический журнал. – 2002. – № 3. – С. 146 – 156.
6. Кукулин И. Гипсовые часы // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 68. – С. 260 – 269.

7. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 5. – С. 154 – 163.
8. Плаксицкая Н. А. Реализация жанровых признаков антиутопии в романе Т. Толстой «Кысь» // *Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина*. – Елец: Изд-во Елецкого гос. ун-та, 2008. – Вып. 18. Филол. серия (4). – С. 173 – 182.
9. Пустовая В. Скифия в серебре: «Русский проект» в современной прозе // *Новый мир*. – 2007. – № 1. – С. 168 – 188.
10. Розин В. М. Понятие «цикл» и типы циклов в культуре // *Циклические ритмы в истории, культуре и искусстве* / отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2004. – С. 74 – 85.
11. Рыбаков В. М. На будущий год – в Москве! // *Гравилет «Цесаревич»*. – М.: Эксмо, 2006. – С. 625 – 827.
12. Славникова О. А. 2017. – М.: Вагриус, 2006.
13. Сорокин В. День опричника. – М.: Захаров, 2006.
14. Хапаева Д. Готическое общество: морфология кошмара. – М.: НЛО, 2007.
15. Эткинд А. Новый историзм, русская версия // *Новое литературное обозрение*. – 2001. – № 47. – С. 7 – 40.

Игровое повествование как форма воплощения речевого сознания автора и героя в новеллистике Евг. Попова

В статье на материале сборника «Жду любви не вероломной» рассматриваются приемы сказового повествования в творчестве Евг. Попова, раскрывается специфика авторской самоидентификации.

The article on a material «I Wait for love not perfidious» is devoted to research of devices narrations skaz in work Evg. Popov's. Besides on a material of the collection of stories «I Wait for love not perfidious» the specific character of author's self-identification reveals.

Ключевые слова: автор, рассказчик, нарратив, игра, сказ, несобственно-прямая речь.

Key words: author, story-teller, narration, literary game, skaz, free indirect speech.

Сборник новелл Евг. Попова «Жду любви не вероломной» (1989) состоит из тридцати трех произведений, организованных посредством сказового повествования с различной степенью обозначенности образа рассказчика. По справедливому замечанию В. Шмида, «между полярными типами «объективного», безличного, стилистически нейтрального, близкого к авторской смысловой позиции «повествователя» и «субъективного», личного, стилистически маркированного, занимающего специфическую оценочную позицию «рассказчика» простирается широкий диапазон переходных типов <...>» [9, с. 65 - 66].

Если в новеллистике Евг. Попова рассказчик безличен, то он более всего сближается, но отнюдь не совпадает, с инстанцией абстрактного автора. В таких случаях может присутствовать приём несобственно-прямой речи, являющийся одним из признаков повествования «от третьего лица», поскольку несобственно-прямая речь несвойственна устному рассказыванию в том аспекте, что передаёт именно внутреннюю речь (мысли персонажей). Это является, на наш взгляд, «сигналом» всеведения абстрактного автора. Следовательно, в таких случаях кругозор рассказчика не ограничивается, а стремится совпасть с «всеведением» абстрактного автора. Стилистика подобных новелл Попова, следовательно, претерпевает изменения с тенденцией к литературности, выраженной в сокращении сказовых приёмов повествования и риторизации речи нарратора, иными словами, к готовому слову. Это наблюдается в первой новелле «Жестокость», организованной следующими стилистическими и повествовательными приёмами. Во-первых, нанизывание однородных глаголов при сохранении препозиции сказуемого в самом начале повествования с целью создать ат-

мосферу серьёзности государственной проверки, а речь рассказчика – внешне находимо-всеведущей и сведённой лишь к стилистическому приёму: «*Рылись в бумагах, опрашивали рабочих, поднимали наряды за прошлые годы, уехали хмурые <...>*» [6, с. 9-11]. [Здесь и далее курсив в цитатах наш. – О. О., С. Б.]. Во-вторых, нанизывание однородных глагольных повторов с целью характеристики сложившейся (после этой проверки) ситуации у сельского начальства, при этом сугубо стилистический приём заменяет комментарии рассказчика, делая их безличными и невыявленными: «*Пили на салотопке, пили у рыбаков, в слободе пили*» [6, с. 9-11]. В-третьих, использование несобственно-прямой речи с элементами реплицирования: «*Директор закрылся ладонями. Когда всё это началось? С чего? Как полезли в руки эти нечистые проклятые деньги – уж и не помнил директор*» [6, с. 9-11]. И наконец, использование косвенной речи, а значит, чужой, с тенденцией к нейтрализации выявленности рассказчика и сведения его функции только к наррации: «*А только и Груня последнее время поговаривала, что хватит, однако, что пора и чур знать, не ровен час случись что – вечный конец*» [6, с. 9-11].

В этой новелле сказовость повествования поддерживается использованием и превалированием чужой речи над речью безличного внутринаходимого рассказчика. Чужая речь, содержащаяся в диалогах персонажей, обладает разговорной экспрессивностью, эмоциональностью, что, с одной стороны, приближает повествование в новелле к сказовому, но с другой – делает субъективное присутствие рассказчика нулевым, а повествование объективным и ориентированным на субъекты и точки зрения персонажей. Речь рассказчика выражается лишь в ряде коротких и нейтральных повествовательных реплик, идущих между диалогов героев. Однако в речи рассказчика не наблюдается прямая оценочность, так как она скрыта во всём контексте новеллы и поэтому отсылает к «абстрактному» (В. Шмид) [9, с. 25-31] или «концепированному» автору (Б. О. Корман).

Точка зрения рассказчика в новелле замещается точками зрения персонажей; например, после реплики Ваньки Клеща: «*<...> И это уже стала не самогонка, братцы, это ж стала теперь у меня натуральная слеза, Москву видать! И Ванька приложил четверть к глазам. Но видна была сквозь четверть далеко не Москва. Был виден лог широкий, берёзы, поле, серые крыши и вся родная Сибирь, в которой люди могут и должны жить долго и счастливо*» [6, с. 11]. Очевидно, что в позиции нарратора присутствует лишь косвенная оценка, выявляемая только из контекста всего произведения, которая выглядит как объективное описание того, что *видит* герой сквозь «четверть». В других примерах рассказчик полностью смотрит на события глазами персонажа, выполняя только нарративную, но не оценивающую функцию. Например, действия шофёра изображены с позиции и оценки директора Котова, а действия последнего – с позиции шофёра: «*Допились до того, что шофёр Степан вышел из машины, бросил ключи*

под ноги в пыль и ушёл, *даже спиной не сказав ни единого слова*. – *Чует... крыса бегущая!* – Директор проводил его *тяжёлым взглядом*» [6, с. 9].

Рассказчик обезличивается за счёт слияния с чужой речью и чужой оценкой: он лишь повторяет в собственной речи особенности и оценочность чужих речей, явных (закавыченных) и скрытых: «<...> парниковых огурцов *“на дорожку”* не взяли»; «а директор как сел в *“газик”*, так и *пустились во все тяжкие*. Вместе с *тишайшим и вернейшим главбухом* Коленькой Николаевым» [6, с.9]. Здесь отражена позиция и оценка жены директора Котова Груни, которые расположены в контексте её единственной реплики в форме прямой речи: «– Ты чего? Чего? Ты бы хоть в город позвонил кому...» [6, с.9], которая и определяет наличие скрытой оценочной чужой речи типа «*пустились во все тяжкие*», «*тишайший и вернейший главбух*», «*не взяли огурцов на дорожку*». То есть последствия государственной проверки у сельского начальства (запой директора и главбуха) изображены глазами жены директора Котова Груни, но оценочной позиции рассказчика здесь нет.

Новелла «Стиляга Жуков» организована повествованием личного рассказчика, выступающего в качестве очевидца повествуемых событий: «В один из осенних вечеров 1959-го у нас в школе состоялся вечер отдыха учащихся. И уже с утра в школе чувствовалась приподнятая атмосфера: по-особому звонко звенел звонок, по-хорошему звонко отвечали мы на вопросы преподавателей, и даже вахтёрша Феня была в то утро на диво трезвая» [6, с. 36]. Рассказчик-очевидец организует своей точкой зрения всю оценочную структуру новеллы, о чём свидетельствуют ностальгическая тональность рассказа, эмоционально-оценочные и иронические эпитеты в контекстах типа «завуч Анастасия Григорьевна, *вся в пышнейших кружевах*», «юные, только что с институтской скамьи учительницы в *длинненьких юбках*» и др. Сказовый характер повествования поддерживается чужой разговорной речью персонажей в следующих повествовательных коммуникативных и социально маркированных формах. Во-первых, «скрытого диалога» (М. Бахтин) с элементом пародийного повторения: «Зинаида Вонифантьевна остолбенела. – *Папа с мамой!*» Папа с мамой щас валяются по тюфякам после получки, им нас не нянчить. Ха-ха-ха! – развеселилась вторая девка» [6, с. 38]. Во-вторых, пародийного слова: «– *Господи боже ты мой!* – простонала директриса <...>. – *Господи, господи – все люди проспали*, – проворчала первая девка» [6, с. 38]. И наконец, молодёжных сленговых выражений типа «ты чё тащишь на пацана!», «развели тут муру!» и др. [6, с. 38]. Новелла парадоксальна тем, что «вечер отдыха учащихся» нарушается сюжетным сломом – вторжением стиляги Жукова и двух его подружек-близнецов, которые всем своим обликом, поведением (а близнецы и речевым) фамильяризуют и профанируют официально-нормативный характер праздника.

Сказовое повествование в новелле «Щигля», организованной рассказом «внутринаходимого» нарратора, создаётся следующими повествовательно-стилистическими приёмами: имитированием устного рассказа с ярко обозначенным рассказчиком и слушателем («Собралась тут весёлая компания на даче. Отмечать именины, что ли? Или просто так. Доктор Серёжа, влюблённый офицер Потапов и один, который писателем себя называл, а сам сторожем работал, да хозяйка дома, разведённая красавица Наташа» [7, с. 47]); отражением точки зрения персонажа нарратором через имитацию детской чужой речи с актуализированием уменьшительно-ласкательных суффиксов («И даже девочка не мешала. Маленькая девочка, деточка, дочка Наташи. Звали её Оленька. И была Оленька в аккуратном платьице синеньком, и с карими глазками, и в пионерском галстучке» [7, с. 47]). И наконец, отражением специфики повествовательной ситуации в стилизации речи нарратора, передающего псевдоготическую историю в библейских стилистических интонациях: «И тут засияло солнце. И мокрая тьма рассеялась. Открылась дверь, и на пороге появилась маленькая сгорбленная старушка. И что-то странное, жутковатое было во всём её облике. Клянусь! Маленькая сгорбленная старушка с палочкой, промокшая до нитки, покрытая рогожным мешком. Поклонилась в пояс и сказала: – Я старушка-побирушка. Подайте копеечку, добрые люди, а я вас уму-разуму научу» [7, с. 51].

Развязка новеллы раскрывает иллюзию игровой мистификации нарратором предполагаемых слушателей: «И вдруг [старушка] сбросила мешок, расхохоталась и кинулась к Наташе: – Мам, а здорово я вас разыграла?» [7, с. 51]. Парадоксальность финала новеллы в том, что страшное и серьёзное (нравоучение) оборачивается смешным и профанным (розыгрышем). В целом сюжет новеллы построен на архетипе «молодость – старость», мотивированном образом переодевания. Своим финальным розыгрышем сюжет констатирует космическую повторяемость жизненных оппозиций как некую иллюзию, обозначаемую автором вследствие этого карнавально.

Комический характер финала новеллы, таким образом, усиливается стилизацией фольклорно-готического и библейского нарративных дискурсов. При этом комический финал и является мотивом рассказывания этой истории, что сближает её с жанром анекдота, для которого также характерна острая, неожиданная концовка, порождающая комический эффект. Примечательно, что в новелле есть персонаж – писатель Анатолий, отражающий точку зрения автора на язык советской эпохи: «Помнишь, Серж, как тогда на меня напали, что я – плагиатор. А я в ответ, что если я и плагиатор, то *плагиатор лишь современного газетного языка*. Потому как *то, что пишется нынче в статьях*, в том числе и моих, халтурных, *есть ходульный набор бессмысленных фраз*» [7, с. 47].

Личностно обозначенный рассказчик в анализируемом сборнике может занимать и позицию всеведения и «вненаходимости» по отношению к

повествуемому миру. Однако такой тип рассказчика является изображающим и изображённым одновременно: писателю необходим условный его заместитель, позволяющий создать дистанцию между автором и иронически изображённым художественным миром. Так, новелла «Эманация», организованная личностно обозначенным типом рассказчика, состоит из претекста (текста нарратора) и метатекста (текста автора). В количественном отношении они неравны: текст автора составляет всего лишь два предложения. Однако этого достаточно, чтобы проакцентировать читателю дистанцию между ним и его условным заместителем (фиктивным нарратором).

Текст автора, отстоящий на две строки от текста нарратора, функционирует как дистанцирующий автора комментарий: сказочный тип развязки новеллы (благополучно закончившаяся ссора молодых супругов) подвергается в нём резонно-ироническому обобщению: «А лет семьдесят до него писатель Лев Толстой сказал, что все счастливые семьи похожи друг на друга. Господи, неужели и в самом деле прав яснополянский мудрец?» [7, с. 17]. Риторический вопрос и обозначение имени Л. Толстого перифразой «яснополянский мудрец» создаёт эффект иронической двусмысленности позиции автора, намекающего на идиллическое начало изображения семьи в «Войне и мире» Л. Толстого и утопическую концовку новеллы, организованной позицией рассказчика. Инаковость позиции нарратора, однако, автором акцентируется однозначно («лет семьдесят *до него*»), то есть до условно изображённого писателем нарратора, воспринимаемого автором как «третье лицо». В данном случае метатекст функционирует как маркер смены повествовательных инстанций, или игровой авторской позиции.

Присутствие личностно обозначенного рассказчика в новелле «Горы» делает его повествование более «изображаемым» и двуголосым с повышением объектности: нарратор уравнивается в правах с героем, а присутствие абстрактного автора становится более опосредованным. Позиция абстрактного автора выявляется через противопоставленное ему изображённое чужое слово – речь нарратора: «<...> вечно там (в шашлычной) крутились бичи, мелкие торговцы с базара, стилиаги, спившиеся рабочие и другие гнусные личности, которых никак не возможно будет нам взять с собой *в то грядущее светлое будущее, которое уже не за горами*» [6, с. 56].

Рассказчик по признакам своей речи является рядовым носителем советского сознания, так как использует газетные штампы и характерную лексику официального советского дискурса: «Да и сам *ассортимент, качество пищи* в этом мерзком заведении *оставляли желать много лучшего*. <...> Странно, что *районная санэпидслужба* до сих пор не зачеркнула этот гнусный рассадник крепкими досками крест-накрест!» [6, с. 56-57]. Примечательно, что повествование здесь становится не двуголосым, а трёхголосым (что реализуется и в диалогах): автор не перевоплощается в «нейтрального повествователя», а изображает изображающее сознание,

нарратора, который в свою очередь изображает внутреннюю речь говорящего, героини. Поэтому в рамках одного высказывания совмещаются три голоса: автора – нарратора – персонажа.

В сказовом повествовании несобственно-прямая речь может иметь противоположную коммуникативную и стилистическую функцию, нежели в повествовании «от третьего лица»: нарратор делает процесс передачи чужой речи естественным и наглядным, а не демонстрирует иллюзию «всеведения» и панорамности. При этом представляется, что несобственно-прямая речь имеет своим источником как устную, так и письменную речь. Различие её стилистической и коммуникативной функций в разных повествовательно-стилистических произведениях обусловлено лишь контекстом целого высказывания.

В рассмотренной новелле «Жестокость» несобственно-прямая речь становится средством создания иллюзии всеведения за счёт безличного нарратора, который тяготеет к функциональности объективного повествователя. В новелле «Горы» несобственно-прямая речь, напротив, не нейтрализует процесс рассказывания, а актуализирует его за счёт активной диалогической позиции личного рассказчика. Таким образом, фигура лично обозначенного рассказчика делает наглядным и осязаемым миметический (подражательный) процесс порождения несобственно-прямой речи как спонтанной имитации именно чужой внутренней речи.

Это обнажает факт использования чужой речи в рамках нарраторского высказывания, тогда как в прямой речи диалогов персонажей эффект обнажения процесса подражания рассказчиком чужой речи отсутствует. Тем самым представляется, что несобственно-прямая речь отличается от других повествовательных форм именно своей вскрытой подражательной изображённостью, поскольку в рамках неё как единицы высказывания сливаются тот, кто подражает (субъект-нарратор), и тот, кому подражают (объект-персонаж). По справедливому замечанию Б. О. Кормана, «<...> чем в большей степени субъект сознания становится определённой личностью со своим особым складом речи, характером, биографией, тем в меньшей степени он выражает авторскую позицию» [4, с. 316-317. – Словарные сокращения изменены нами].

Как уже отмечалось, новеллистика Евг. Попова построена по принципу персонализации и деперсонализации повествования. Причем первый тип обладает повышенной объектностью субъекта наррации, второй – наоборот, пониженной. Однако существует и другой тип – сказовое я-повествование, которое в новеллистике прозаика занимает промежуточное положение между первыми двумя типами. Говоря о соотношении я-рассказа и употребляемого в нём приёма несобственно-прямой речи, следует вспомнить суждение Цв. Тодорова о я-повествователе: «Как только субъект процесса высказывания становится субъектом событий, о которых

идёт речь, – это уже не тот же самый субъект высказывания. Говорить о самом себе – значит больше уже не быть тем же самым я» [8, с. 76].

Так, в новелле «В вихре вальса», организованной точкой зрения я-повествователя, несобственно-прямая речь функционирует и как маркер различения, по терминологии В. Шмида, повествующего и повествуемого «я», которые в диегетическом повествовании (я-повествовании) отнюдь не совпадают [9, с. 94-97]. Герой-рассказчик, выступая в качестве участника повествуемого события и повествующего «я», то есть нарратора, маркирует данное противопоставление актуализацией приёма несобственно-прямой речи. Это связано ещё и со спецификой коммуникативного условия как предмета нарраторского изображения: герой-рассказчик в новелле общается через толстое звукоизоляционное стекло с «детинкой», который во время свадьбы исследует чужие карманы в раздевалке, что непосредственно и наблюдает герой-повествователь. Таким образом, их общение становится общением двух «глухонемых», отчего естественно изображение нарратором именно внутренней речи: «Тогда я привёл в действие очевидный факт, что он – сыт, одежда – славная, волосы красиво подстрижены. *И что ему, дескать, ещё надо?»*; «Я напомнил ему сквозь стекло, что он учился в советской школе, был пионером, а сейчас, возможно, является комсомольцем. *И если он – студент, то каким же он станет командиром производства? А если работает, то как будет глядеть по временам в честные глаза своих товарищей по станку, простых рабочих хлопцев? А родители? Родители его умерли бы от позора, узнав про это. Что бы они испытали, оказавшись на моём месте? О! Об этом страшно даже и подумать!»* [2, с. 209].

Показательно, что косвенная речь плавно перетекает в несобственно-прямую, завершая целое высказывание как речь внутреннюю, причем последний абзацовый фрагмент является полностью несобственно-прямой речью. Последняя обозначает нарастание коммуникативного провала между молодым вором и немолодым рассказчиком, поскольку – вследствие явной непередаваемости неспециальными жестами содержания внутренней речи – оно становится фактом лишь внутреннего мира героя-рассказчика.

Конечно, внимательный читатель увидит скрытый комический и сатирический смысл такого «глухонемого общения», причём на фоне упоминания нарратором нравоучительных концептов социалистического дискурса типа «советская школа», «пионер», «комсомолец», «командир производства». Новелла завершается резонёрским пассажем в форме несобственно-прямой речи: «И я вглядывался до боли в глазах, но давешний ворюга уж весь растворился в хорошей массе. Все были хорошие, все имели каштановые волосы и длинные пиджаки, всех любили сиятельные девушки. *Да и какое я право имею огульно обвинять? Как я могу выискивать? Ведь я могу оскорбить хорошего, допустим, парня. Перечеркнуть целую человеческую судьбу! А ведь нет ничего хуже несправедливого навета, как учил*

кто-то знаменитый, не помню кто. И что я делаю, безумец, когда все вокруг танцуют вальс?» [6, с. 210]. Очевидно, что вопросы из цитаты, обращённые к самому герою, передают ситуацию повествуемого, а не повествующего «я», как и в первом примере. Таким образом, несобственно-прямая речь в данной новелле маркирует уже не только своё миметическое значение, но и наличие дистанцированности между прошедшим событием и событием рассказывания, а также, в связи с этим, отличие повествуемого от повествующего «я». Это отличие может выявляться и прямым внутренним монологом, что по В. Шмиду – «дословное воспроизведение внутренней речи персонажа, с сохранением не только ее содержания, но и всех особенностей грамматики, лексики, синтаксиса и языковой функции» [9, с. 213]. Так, в новелле «Ошибки молодости» я-повествователь воспроизводит свои мысли в форме прямого внутреннего монолога: «Как они начали меня метелить! “Ах, Господи Иисусе, – думаю. – Бейте, раз на вашей стороне танки, пушки и пулемёты! Только бы с ног не сбили. Ведь затопчут. В котлету превратят. В фарш...”» [6, с. 205].

Использование нарратором прямого внутреннего монолога усиливает трагикомическую автотематичность я-повествования в рамках сказовой формы. При этом в финале новеллы оказывается, что мстители, которые затеяли самосуд над героем, ошиблись, приняв его за другого. Неожиданность и парадоксальность развязки новеллы акцентируется карнавально-утопическим выводом рассказчика: «...И наливались синим чудесным светом синяки на моей физиономии, и подсыхали кровоподтёки, и затухали боли. Жизнь опять стала прекрасна и удивительна. Я оказался не он. Ошибки молодости. Хотелось кричать от радости существования, но нельзя было, ибо на дворе стояла глубокая ночь. Было темно» [3, с. 207].

Показательно, что приведённые примеры использования несобственно-прямой речи и прямого внутреннего монолога в диегетическом сказовом повествовании эксплицируют сугубо функциональный смысл наррации, при котором повествуемое «я» неизбежно становится объектом изображения и подражания нарратора. Это согласуется, но на внутритекстовом уровне, с суждением М. Бахтина о том, что «<...> образ автора может быть только одним из образов данного произведения <...>. Автор-создающий не может быть создан в той сфере, в которой он сам является создателем» [1, с. 363].

Отметим также, что коммуникативное поле нарративного текста новелл сборника Евг. Попова может конструироваться и авторефлексивными приёмами повествования, важнейшими из которых становятся «активизация читателя» (М. Липовецкий) и метаповествование рассказчика. Эти взаимообусловленные приёмы значительно отличаются от повествовательных компонентов нерелективного типа (несобственно-прямая речь, прямой внутренний монолог, диалоги персонажей, реплики-описания, реплики-характеристики рассказчика и т.д.), которые не являются текстом,

повествующем о тексте. Метаповествование рассказчика становится модусом повествования, в котором особо подчёркиваются коммуникативность, образ читателя, образ текста, образ автора-творца: рассказчика, двойника автора [см., например: 5, с. 44-52].

По нашему мнению, метаповествование активизирует повествующее «я»; творческое «я»; событие рассказывания; творческий процесс. Все названные аспекты пересекаются, но не являются синонимичными. Это связано с различием в нарратологии фиктивного нарратора, абстрактного и конкретного автора. Повествующее «я» становится фиктивным творческим «я»; событие рассказывания также становится фиктивным творческим процессом. Наиболее примечательна в этом плане новелла «Высшая мудрость». Фиктивный нарратор в новелле выступает как автор этого текста, который параллельно повествованию развёртывает и другое повествование, комментирующее процесс создания текста: «Это ещё не конец рассказа, так как треугольник – жёсткая конструкция, и, чтобы окончательно укрепиться в своей мудрости, персонаж мой должен был претерпеть ещё один случай, подтверждающий правоту его высшей мудрости, – третий» [6, с. 238].

На протяжении сюжетной части рассказа нарратор не маркирован как я-повествователь, хотя лично обозначен и обращается к предполагаемым слушателям: «Ведь вы, может быть, и не знаете, да вы и наверняка не знаете, а он вот теперь никогда больше не будет прислоняться к дверям автотранспорта...» [6, с.236]. Евг. Попов строит свою новеллу по принципу усиления фиктивных повествовательных инстанций: образ фиктивного нарратора; образ фиктивного автора (самого же рассказчика); образ фиктивного читателя. Эти фиктивные инстанции определяют в свою очередь вторичный (или разыгранный) образ текста; образ творческого процесса, создающий иллюзию создания текста на глазах читателя.

В сборнике в качестве стратегии коммуникации автора с читателем выступает приём авторского повествования в рамках сказовой формы. Игровое предназначение имеют намеренно ориентированная на восприятие читателя автопортретность и отождествление повествователя с конкретным автором и элементами его биографии. Так, в новелле «Отрицание жила» автор и герой-рассказчик отождествлены: в начале повествования я-рассказчик анонимен; однако, знакомясь в вагоне поезда с мальчиком, начинающим писателем-вундеркиндом, герой представляется ему: «А я – молодой писатель. Моё имя тебе ничего не скажет». Далее, в процессе их общения, к этому прибавляются более конкретные автобиографические черты писателя Евг. Попова: «<...> настоящий роман сегодня написать невозможно. Это раз. А во-вторых, если еще подумать, сколько времени уйдет на роман – полгода, год, два, три, то становится страшно. Поэтому я пишу короткие рассказы, а также потому, что больше я ничего писать не умею» [6, с. 291-292].

Этот же приём в новелле «Свиные шашлычки» функционирует как отождествление уже не героя-рассказчика, а нарратора с конкретным автором. Этому способствуют метаповествование рассказчика и, главным образом, финальная реплика новеллы: метаповествовательные сигналы, разрушающие фикциональную установку стилизованности рассказа под устный монолог («<...> не сердись, а *прочитай, как послушай*, мою грустную историю <...>») и откровенная метаповествовательность, в данном случае призванная отождествить пишущего (скриптора) с автором текста («Эх! При простом перенесении на бумагу воспоминаний об испытанных вкусовых ощущениях рот пишущего эти строки наполняется высококачественной густой слюной») [6, с. 303-304].

Таким образом, сборник новелл «Жду любви не вероломной» является собой демонстрацию причастности прозы Евг. Попова не только к классической повествовательной традиции XIX века, но и к отечественным и зарубежным метаповествовательным экспериментам модернизма. В целом же эксперименты Евг. Попова в области диалогизации повествования – усиление фиктивного творческого хронотопа, его пародирование, метатекстуальность, метаповествовательность, метакоммуникативные сигналы, игра в условных фиктивных авторов и рассказчиков – как приёмы диалога с читателем, – все эти эксперименты автора призваны усилить карнавальную атмосферу его новелл, то есть идейно-тематический аспект рассказов распространить на формальные, сугубо функциональные стороны текстовой реальности. «Обнажение приёма» в области повествования для Евг. Попова становится основным средством рефлексии над условной, игровой природой словесного искусства.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1990.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979.
3. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН-INTRADA, 2001.
4. Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы / ред.-сост. Е. А. Подшивалова, Н. А. Ремизова, Д. И. Черашняя, В. И. Чулков. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006.
5. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 1997.
6. Попов Е. А. Песня первой любви: рассказы. – М.: АСТ: Астрель, 2009.
7. Попов Е. А. Калёным железом: повести, рассказы. – М.: АСТ: Астрель, 2009.
8. Тодоров Цв. Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 37 - 113.
9. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003.

УДК 808.1

А. И. Байрамукова

Корреляция писательской и лексикографической деятельности В. И. Даля в контексте лексикографической работы писателей XVIII-XIX веков

В статье описывается лексикографическая практика русских писателей XVIII–XIX веков. В контексте писательской лексикографической парадигмы выявляется закономерная корреляция писательской и творческой деятельности художников слова, анализируется перспективный комплексный и новаторский характер лексикографической концепции В. И. Даля на фоне многогранной писательской деятельности.

Article is devoted lexicographic experts of Russian writers XVIII-XIX centuries In a context of a literary lexicographic paradigm natural correlation of literary and creative activity of artists of a word comes to light, is analyzed перспективный complex and innovative character of V. I. Dal's lexicographic concept against many-sided literary activity.

Ключевые слова: писатель-лексикограф, словарь, толкование, лексикографическая стратегия, лексикографический мотив, лексикографический сценарий, писательская лексикография.

Key words: the writer-leksikograf, the dictionary, interpretation, lexicographic strategy, lexicographic motive, the lexicographic scenario, a literary lexicography.

Интересным является факт создания русскими писателями лингвистических словарей. Это тенденция для многих писателей была закономерностью. Рассмотрим лексикографические практики знаменитых русских писателей XVIII-XIX веков, выясним основные мотивы и причины, их лексикографической деятельности. Объединяет лексикографическую деятельность писателей общий мотив – зафиксировать силу живого русского слова посредством словаря. Лексикографическая деятельность писателей была многоплановой и включала создание словарей различных типов, рецензирование словарей, комментирование лексики в структуре художественных произведений.

Охарактеризуем лексикографическую деятельность В. И. Даля в контексте лексикографических практик Н. В. Гоголя, А. Н. Островского и Н. Г. Чернышевского. Обратимся также к лексикографическим изысканиям писателей XVIII века, которые участвовали в составлении словарей разного типа.

М. В. Ломоносов (1711-1765) с большим интересом занимался вопросами лексикографии. Во время работы над «Риторикой» и «Российской

грамматикой» сформировался глубокий интерес ученого и писателя к словарному составу русского языка. Эта деятельность велась по следующим направлениям: 1) составление проекта словаря и самих словарей; 2) лексикографическая инициатива и руководство созданием словарей в Академии наук; 3) рецензирование словарей. Собственно лексикографическая деятельность М. В. Ломоносова связана с его авторским проектом «Лексикон русских примитивов». «Собирая материалы для «Российской грамматики», – отмечает В. Н. Макеева, – Ломоносов пишет о необходимости заняться подготовкой словаря, причем прежде всего намечает составление его проекта – «Лексикона русских примитивов», т.е. по терминологии Ломоносова «коренных» или «первообразных» слов, и «проекта, как сочинять лексикон» [6, с. 109-110]. К сожалению, проект не сохранился, но лексикографический замысел говорит сам за себя: М. В. Ломоносов-лексикограф стремился зафиксировать посредством лексикона корпус первообразной исконной русской лексики.

Канцелярия Академии наук поручила М. В. Ломоносову проанализировать словопроизводный этимологический словарь Кондратовича К. А. «Лексикон, по образцу Целлариёву и Фаброву». Ученый сделал существенные замечания следующего характера: 1) недостаточное количество производных и в особенности «сложенных» слов; 2) неправильное расположение производных слов «не под их своими первообразными» и наряду с этим; 3) «нарочитое число весьма новых и неупотребительных производных же слов» [5, IX, с. 616]. После подробной рецензии М. В. Ломоносова Академия наук просит ученого руководить лексикографической работой К. А. Кондратовича по созданию «Лексикона, по образцу Целлариёву и Фаброву». По всей вероятности, Кондратович занимался дополнительным подбором «первообразных» слов для лексикона, а также «производных и сложенных», после чего предполагалось «прикладывать» иностранные слова. Историческое собрание и Академическая канцелярия неоднократно предписывали Кондратовичу продолжать работать «под присмотром господина профессора Ломоносова» и «безоговорочно исполнять его приказания. <...> В начале 50-х годов Ломоносов отошел от руководства словарной работой Кондратовича» [6, с. 110]. М. В. Ломоносов также высказал свое мнение о лексиконе, переведенном «с русского на латинский, итальянский и французский языки» Г. Дандоло. Объектом критики стало: 1) указание только лишь «по одному знаменованию и часто отдаленному» «почти у всех многознаменательных слов»; 2) пропуск многих «первообразных, или коренных слов»; 3) включение в состав словаря «нововымышленных слов, в русском языке неупотребительных» [5, IX, с. 623]. С большим вниманием отнесся ученый к лексикографическим изысканиям А. И. Богданова, автора незаконченного «Российского лексикона». «По-видимому, толковый словарь Богданова, – отмечает В.Н. Макеева, – удовлетворял лексикографическим требованиям Ломоно-

сова; прежде всего он был достаточно полон. Использование в качестве источников словаря книжной и народной речи и терминов, употребляемых речений, безусловно, импонировало Ломоносову» [6, с. 112]. Впоследствии словарные материалы лексикона А. И. Богданова вошли в состав «Словаря Академии Российской».

Как видно из анализа лексикографической деятельности М. В. Ломоносова, мы можем адекватно реконструировать лексикографическую идею ученого-писателя с помощью прямого пути исследования – анализа его собственного проекта словаря – и опосредованным путем, анализируя рецензии Ломоносова на лексикографические работы современников. Лексикографические требования М. В. Ломоносова сводятся к следующему: «1) толковый словарь русского языка должен быть достаточно полным и включать в себя по возможности весь словарный состав русского языка (слова «первообразные», производные и «сложенные»); 2) «новомышленные» и малоупотребительные слова не должны включаться в словарь; 3) кроме отдельных слов в словарь должны входить фразеологические сочетания и идиомы; 4) определения значений слов должны быть достаточно полными: для слов многозначных следует приводить несколько значений; 5) основными элементами словарной статьи, помимо определения значения слов, должны быть: а) грамматическая характеристика или помета; б) стилистическая помета; в) этимологическая помета; г) иллюстрация значения слова в виде цитат и речений» [6, с. 112-113].

Таким образом, М. В. Ломоносов в своей лексикографической практике стремился запечатлеть богатство русского языка, отсюда проистекает четкий лексикографический сценарий, требования к словарным материалам и продуманность структуры словарной статьи. Единство действенной любви к русскому слову и способность запечатлеть слово посредством словаря – одна из граней энциклопедической натуры М.В. Ломоносова.

Д. И. Фонвизин (1744-1792) был автором словаря синонимов «Опыт Российского сословника» (1783). Писатель приходит к проблеме создания синонимического словаря на пике своего творчества, уже после создания комедий «Недоросль» и «Бригадир». Каковы же истоки и мотивы его словарной деятельности? На наш взгляд, истоки лексикографической деятельности Д. И. Фонвизина связаны непосредственно с писательской деятельностью: каждый писатель вольно или невольно приходит в ходе своей творческой практики по созданию различных текстов к проблеме, связанной с объемом лексического значения того или иного слова, с его верным употреблением. Приведем некоторые словарные данные из «Опыта Российского сословника» для презентации взглядов писателя-лексикографа. При толковании синонимического ряда «*Понятие, мысль, мнение*» мы видим четкие лексикографические границы, которые проводит Д. И. Фонвизин: «*Понятие* есть то опознание, которое разум имеет о какой-нибудь вещи или деле. *Мысль* есть действие существа разумного.

Мнение есть следствие размышлений» [10, I, с. 225]. После процедуры истолкования автор словаря приводит лингвофилософские рассуждения по поводу этих слов: «Нельзя иметь *понятия* о вещи, если не обратишь к ней *мыслей* своих; *появ* же ее ясным образом, нельзя ошибиться в своем об ней *мнении*» [10, I, с. 225]. В качестве словарной иллюстрации автор приводит утверждение: «Сколько судей, которые, не имея о делах ясного *понятия*, подавали на своем роду весьма много *мнений*, в которых весьма мало *мыслей*» [10, I, с. 225]. Словарь Д. И. Фонвизина даёт обобщенное представление об этих понятиях, формируя понятийную сферу вокруг слов. В своем словаре Д. И. Фонвизин толкует базовые понятия, определяя нюансы значений.

Следует отметить, что в качестве слов, входящих в предполагаемые синонимические ряды, Д. И. Фонвизин включает концептуально значимые для человека понятия. Приведем некоторые примеры синонимических рядов из «Опыта»: «*Обида, притеснение*», «*Несчастье, напасть, беда, бедствие*», «*Проступок, вина, преступление, злодеяние, грех*», «*Помогать, пособлять, вспомоществовать, давать помочь*», «*Ленивый, праздный*», «*Правота, правосудие*», «*Суевер, ханжа, пустосвят, святоша, лицемер*» и т.д. Материалы Словаря Д. И. Фонвизина формируют верное человеческое мировосприятие. Художник слова Д. И. Фонвизин в своих дефинициях поднимается до глубоких лексикографических обобщений, например: «*Суевер* есть тот, которого вера противна рассудку и здравым понятиям о вышнем существе. *Ханжа* считает в душе своей угодить богу наблюдением всех мелочей, изобретенных суеверием. *Пустосвят* полагает святость в одной пустоте, то есть в действиях, не составляющих никакого истинного богу угождения. *Святоша* выдает себя всенародно за человека, прилепленного к единой святости. Притворно набожный называется *лицемер*» [10, I, с. 230]. Формат дефиниций характеризуется мастерством Д. И. Фонвизина-драматурга, знатока человеческих душ. Лексикограф расширяет границы толкования примером и одновременно характеристикой подобных типов: «*Ханжа* таскается вседневно по церквам, поет молебны не святым, но образам, ибо к одному образу святого имеет всю теплую веру, а к другому того же святого никакой. *Пустосвят* почти никогда к обедне не поспекает. Он бежит в церковь отнюдь не затем, чтоб с умилением сердечным богу помолиться, но чтоб перецеловать все иконы, которые губами достать может. *Святоша* бродит босиком, в волосяной рубашке, иногда и в веригах. *Суевер* есть несчастнейшее создание. Он всеминутно боится бога, не как судию праведного, но как судию грозного. <...> Подкреплять и распространять суеверие есть ремесло *лицемеров*» [10, I, с. 230]. Как видно из примеров, иллюстративный материал служит для демонстрации нюансов семантики слов, входящих в синонимический ряд. Д. И. Фонвизина как писателя и впоследствии лексикографа, очевидно, интересовала

проблема точного облечения мысли в конкретную соответствующую словесную ткань.

Словарь Д. И. Фонвизина по своей лексикографической идее напоминает современные толково-понятийные словари (например, «Толково-понятийный словарь русского языка» А. А. Шушкова), в которых «весь лексикографический материал словаря представлен в виде семантических групп» [12, с. 7]. В предисловии к словарю А. А. Шушков оговаривает понятие семантическая группа – «ряд слов и устойчивых сочетаний, которые тесно связаны по смыслу и в целом представляют фрагмент «семантической» карты реального мира. Вычленяемые в Словаре группы представляют систему основных концептов русского языка» [12, с. 7]. Таким образом, Словарь Д. И. Фонвизина характеризуется перспективным способом описания лексикографического материала.

В своей лексикографической практике Д. И. Фонвизин приходит также к интересному лексикографическому замыслу – пишет «Начертание для составления Толкового словаря славяно-российского языка». В этом «Начертании» Д. И. Фонвизин определяет формат словаря: «Толковый словарь славяно-российского языка должен содержать в себе по алфавиту, порядком этимологическим, все известные славяно-российского языка слова и речения, с истолкованием оных употребления и знаменования» [10, I, с. 240]. «Из сего явствует, – продолжает писатель-лексикограф, – что в составлении Толкового словаря надлежит принять во уважение: 1-е, выбор слов и речений; 2-е, грамматическое оных употребление; 3-е, объяснение их знаменования; 4-е, порядок алфавитный» [10, I, с. 240]. Свой лексикографический проект такого словаря автор проясняет в четырех статьях «Начертания»: «Статья 1-я. О выборе слов и речений, долженствующих войти в толковый словарь славяно-российского языка», «Статья 2-я. О грамматическом словоупотреблении», «Статья 3-я. О знаменовании слов и речений», «Статья 4-я. О порядке алфавитном».

Лексикографический идеал подобного словаря имеет следующий лексикографический сценарий, реконструируемый по данным «Начертания»:

1) объектом лексикографирования не должны быть: «1-е) Собственные имена людей, городов, морей и проч. 2-е) Все те названия технические наук, художеств и ремесл, кои, не находясь в собственном употреблении, мало известны и одним только ученым, художникам и ремесленникам сведомы. 3-е) Все неблагопристойные слова и речения. 4-е) Все те иностранные слова, кои не пошли еще в такое употребление, чтоб объяснение их в российском словаре необходимо было нужно. 5-е) Как *московское наречие*, не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты, прочим справедливо предпочитается, то провинциальные неизвестные в столицах слова и речения не должны иметь в словаре места, ибо величина книги была бы безмерная и для большей части россиян бесплодна. Из сего правила исключаются те провинциальные слова и речения, кои силою

и красотой могут служить к обогащению русского языка. б-е) Все *длинные* пословицы и присловицы, ибо оные особый словарь составить могут» [10, I, с. 240-241];

2) необходимость введения грамматических помет: верное определение части речи толкуемого слова и т.д.;

3) толкование слов с помощью синонимов: «Удобнейший к сему способ составляют сослова (sinonim). Надлежит к каждому слову приписать столько сослов, сколько найти можно; но при сем примечается, что сослова не заключают в себе с точностию одинакого смысла и что не всегда одно за другое употребляться может. После сослов следует объяснение (definito); но как сии объяснения состоят в истолковании одного слова чрез другое, то и следует, что [объяснение] должно быть необходимо таким словом, которого никогда объяснять не надлежит, ибо иначе объяснения составили бы круг, в котором одно слово было бы толкуемо другим, коему оно само равным же образом служило бы толкованием. Но какие же те слова, кои не могут и не должны быть объясняемы? На сие правило делать невозможно, ибо от иных те слова почитаются могущими быть объясняемы, но таковыми от других не почитаются; например: *душа, расстояние* и проч. Со всем тем, много слов есть таких, коим, по общему всех согласию, не надлежит делать объяснения. Такие слова по большей части бывают те, кои означают всеобщие существа собственности, например: *бытие, пространство, время* и проч.» [10, I, с. 243].

4) алфавитный принцип словаря;

5) принцип построения словарной статьи: «1) Коренное слово имеет первое место и отличается большими буквами. За ним его производные с своими сложными. За ними сложные с своими производными, за коими следуют их сложные, и так далее, до тех пор, пока все от коренного происходящие и сложные слова помещены будут. 2) После каждого слова следует грамматическое место с истолкованием; например: *рука руку моет*, то есть один другому пособляет взаимно. 3) Все различные употребительные выражения и присловицы должны быть так же истолкованы, например: *ни дать ни взять*, т. е. точно; *любить красное словцо*, то есть любить лгать. При именах, от глаголов и при глаголах от имен происходящих, для избежания повторения никаких сослов и объяснений прибавлять не надобно, разве смысл производимых бывает больше или меньше распространен, нежели смысл первообразного, или же и вовсе в различном с ним разуме употребляется [10, I, с. 245].

б) различная метаграфемика словаря. Д. И. Фонвизин предлагает использовать 4 шрифта: «Для текста словаря четырех шрифтов довольно: один крупный, для коренных слов; другой мельче, для повторения слов в новых строках; третий еще мельче, для грамматических примечаний, для сослов и объяснений; четвертый курсив, для пословиц, присловиц...» [10, I, с. 247].

Как видно из анализа лексикографической программы Д. И. Фонвизина, разработанной для составления «Толкового словаря славяно-русского языка», писатель обладает комплексным мышлением лексикографа. Д. И. Фонвизин очерчивает весь лексикографический сценарий для составителей «Толкового словаря славяно-русского языка». Впоследствии он уточнит для ученых конкретные лексикографические действия в «Способе, коим работа Толкового словаря славяно-русского языка скорее и удобнее производиться может».

Таким образом, именно писательская деятельность привела Д. И. Фонвизина к составлению «Опыта Российского сословника» и другим лексикографическим действиям. Лексикографическая практика стала следствием писательской деятельности Д. И. Фонвизина – работа с художественным словом перешла в сознательную лингвистическую (лексикографическую) работу.

Проанализируем лексикографические практики писателей XIX века.

Н. В. Гоголь (1809-1852) начал свой лексикографический путь со словарика малорусского (украинского языка), в котором он фиксировал неизвестные или малоизвестные украинские слова. Следующий лексикографический шаг автора – «Сборник слов простонародных, старинных и малоупотребительных». Впоследствии словарик был издан под другим заглавием «Материалы для словаря русского языка». Лексикографическая работа стала одним из способов усовершенствования русского языка и стиля Н. В. Гоголя. Н. С. Тихонравов отмечал: «Письма Гоголя к родным и знакомым, относящиеся к его школьному периоду, дают нам возможность составить себе ясное понятие, в чем именно состояли недостатки гоголевского языка: письма богаты провинциализмами; слова употребляются в них нередко совсем не в том значении, какое закреплено за ними в русском литературном языке, немало слов искусственно и неправильно образованных; глаголы, оканчивающиеся на *ся*, употребляются почти постоянно без этого местоимения; правила орфографии как будто неизвестны Гоголю» [9, с. 102]. Но главными лингвистическими и лексикографическими импульсами Н. В. Гоголя по созданию словарей разного типа является стремление выразить любовь к русскому слову, закрепленную на высшем уровне – словарном. Писатель мечтал создать «Объяснительный словарь великорусского языка», руководствуясь следующими причинами: «В продолжение многих лет занимаясь русским языком, поражаясь все более и более меткостью и разумом слов его, я убеждался более и более в существенной необходимости такого объяснительного словаря, который бы выставил, так сказать, лицом русское слово в его прямом значении, осветил бы его, высказал бы ощутительней его достоинство, так часто не замечаемое, и обнаружил бы отчасти самое происхождение. Тем более казался мне необходимым такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, так мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значение коренных русских слов <...>. Не по-

тому, чтобы я чувствовал в себе большие способности к языкознательному делу... Нет, другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительным словарем: ничего более, <как> любовь, просто одна любовь к русскому слову, которая жила во мне от младенчества и заставляла меня останавливаться над внутренним его существом и выраженьем» [2, с. 441-442]. Как отмечает М. Н. Приемышева, «мечту о создании такого словаря Н.В. Гоголь не воплотил, но все здесь сказанное о будущем словаре напрямую относится к словарю, материалы которого в это время уже начинали в России собираться, – к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля. Вероятно, потребность в таком масштабном словаре была не только мечтой отдельных равнодушных к судьбе русского слова писателей и ученых, но и закономерной необходимостью развития всей русской словесности и культуры» [8, с. 89].

Незавершенный лексикографический проект Н. В. Гоголя представляет собой свод устаревших, диалектных, неизвестных, просторечных слов. Толкование в словаре предельно кратки, но очень ясно определяют смысл неизвестных просторечных русских слов. Лексикографические действия Н.В. Гоголя по созданию словаря важны в контексте общей парадигмальной установки на писательство и словарное дело. Словари Н. В. Гоголя зримо фиксируют любовь к русскому самобытному слову.

Таким образом, лексикографические изыскания Н. В. Гоголя шли параллельно с художественной практикой писателя. Этот процесс в творчестве Н. В. Гоголя можно назвать непрерывным и взаимнопроницаемым.

А. Н. Островский (1823-1886) интересовался вопросами русской народной речи, что привело его к составлению словаря русской народной речи. Как отмечал С. В. Максимов, «родную речь он любил до обожания, и ничем нельзя было больше порадовать его, как сообщением нового слова или не слыханного им такого выражения, в которых рисовался новый порядок живых образов или за которыми скрывался неизвестный цикл новых идей. Это привело его к серьезной работе составления особого словаря со своеобразным толкованием, которая, конечно, за недосугом не могла быть доведена до конца» [7, с. 109]. Первой лексикографической пробой А.Н. Островского-писателя следует считать «Опыт волжского словаря», впоследствии вошедший в «Материалы для словаря русского народного языка». Публикация «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля укрепила лексикографические замыслы А. Н. Островского. С большим интересом писатель фиксировал слова, связанные с рыболовецким, судоходным и другими промыслами. Лексикографический интерес А. Н. Островского сводился к живому русскому языку. Как верно отмечает М. Н. Приемышева, «словарь, хоть и небольшой по объему (более 1100 словарных статей на 1040 карточках), представляет собой уникальный фрагмент малоизвестной русской народной жизни с описанием растений, кушаний, рыб, игр (детских, карточных), видов деятельности рыбаков, с названиями мошенников, названиями различных предметов разных уездов

и губерний Российской империи» [8, с. 91]. Судьба словарных материалов А. Н. Островского интересна для истории русской лексикографии: «... материалы А. Н. Островского вошли в «Словарь русского языка», издаваемый Академией наук с 1891 по 1920-е годы, во все тома от *Е* до *К*, которые редактировал А. А. Шахматов, с пометой (*Островский*)» [8, с. 92].

Лексикографическая программа словаря А. Н. Островского уникальна: словарь содержит установки на отражение русской бытовой и профессиональной языковой картины мира. Дефиниции словаря характеризуются многослойностью: на лингвистическую часть толкования наслаивается энциклопедическое, культурологическое, историческое, бытовое комментирование. Словарь А. Н. Островского можно охарактеризовать как небольшую лингвоэнциклопедию русской жизни, презентующую русскую народную речь. Художественная практика А. Н. Островского-писателя, знакомство с «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля продемонстрировали силу русского слова и привели писателя к созданию собственного словаря.

Н. Г. Чернышевский (1828-1889) с молодых лет занимался серьезными лексикографическими изысканиями, составлял словарь Начальной летописи. В дневниковой записи от 26 июля 1848 года находим мысли Н. Г. Чернышевского о трудностях словарного дела: «Мелькнула мысль и утвердилась, что, может быть, времени на словарь нужно будет слишком много. Так сколько бы ни было нужно, может быть полтора, два года, буду делать, и верно, не утомлюсь. Вообще делать, сколько бы времени ни понадобилось, но делать хорошо и аккуратно это необходимо» [11, I, с. 56]. Таким образом, интерес к лексикографической деятельности возник у Н. Г. Чернышевского во время обучения на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

Профессор И. И. Срезневский предложил Н. Г. Чернышевскому составить словарь Ипатьевской летописи. В 1853 году Н. Г. Чернышевский издает «Опыт словаря из Ипатьевской летописи. Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и славянских наречий». Интерес к словарному делу у Н. Г. Чернышевского связан с изучением прошлого русского народа посредством русского слова. Е. А. Василевская в статье «Чернышевский-языковед» пишет о кропотливой лексикографической работе будущего знаменитого писателя: «Работа над Ипатьевской летописью глубоко заинтересовала Чернышевского. Он внес в свой словарь все слова, встречающиеся в летописи, за исключением служебных, частиц и собственных имен. Слова эти были размещены по гнездам в корнесловном порядке с указанием страниц и строк печатного издания. В гнездо помещались слова, связанные общностью происхождения или принадлежащие к одному корню. Это был первый словарь, посвященный языку древнерусского памятника, после словаря, составленного А. Х. Востоковым к Остромирову евангелию» [1, с. 72]. Толкования в «Опыте словаря» очень разнообразны: 1) объяснение путем контекста; 2) толкование слова с помощью синонимических рядов; 3) классическое

дефинирование. В «Опыте» встречаются стилистические пометы. Н. Г. Чернышевский скрупулезно и аналитично относился к своей лексикографической работе, после выхода «Опыта словаря» он опубликовал в «Отечественных записках» (№ 1 за 1854 г.) метафилологическую авторецензию на словарь. Е. А. Василевская обобщает металексикографические взгляды Н. Г. Чернышевского на словарь: «Чернышевский отмечает как крупный недостаток своей работы отсутствие алфавитного списка слов в нем, что затрудняет пользование словарем. Отмечает Чернышевский и свои погрешности в разнесении слов по гнездам. Далее он указывает, что при объяснении слов необходимо привлекать контексты из других памятников, между тем некоторые слова оставлены без объяснений только потому, что примеры из Ипатьевской летописи не дают должного материала» [1, с. 73]. Авторецензия Н. Г. Чернышевского говорит о продуманной лексикографической деятельности писателя. Лексикографическая деятельность Н. Г. Чернышевского опередила его писательский труд. Следует отметить тот факт, что Н. Г. Чернышевский признавал титанический труд В. И. Даля по составлению «Толкового словаря живого великорусского языка».

В. И. Даль (1801-1872) в писательстве и других видах деятельности готовился к реализации глобального жизненного и творческого замысла – составлению «Толкового словаря живого великорусского языка». Современник В. И. Даля В. Р. Зотов отмечал: «Каждый из наших лучших писателей обращался к народному языку как источнику богатых оборотов, блестящих выражений. Фонвизин, Крылов, Жуковский, Грибоедов, Пушкин обильно черпали из этого источника, сознавая важное значение его. Даль прямо утверждал, что без него писатель не может сделать правильного шага. Он признавался, что все его произведения служили для него не целью, а только средством – познакомить русского человека с народным говором» [4, с. 418]. В высшей степени совершенной можно назвать презентацию любого языка, воплощенную словарно. Следует отметить, что собирание словарных материалов В. И. Даль начал еще 18-летним мичманом, поэтому лексикографическая (собирательская) деятельность шла у него параллельно с другими видами деятельности. Сознательное решение о составлении «Толкового словаря живого великорусского языка» [3] пришло уже в зрелом возрасте, когда В. И. Даль уже четко наметил для себя лексикографические приоритеты и стратегии. Энциклопедическим содержанием характеризуются мышление и работы В. И. Даля, отсюда вытекает возможность создания «Толкового словаря живого великорусского языка» и точность его дефиниций. Языкотворчество В. И. Даля было эмпирической базой для создания такого эпохального явления, как словарь. Словарь В. И. Даля относится к словарям активного типа, так как формирует множеством лексикографических эффектов в сознании читателя систему различных знаний. В. И. Даль использовал лексикографическую идею активного словаря при описании слов – установку на комплексность.

Лексикографическую практику В. И. Даля среди вышеназванных лексикографических действий других писателей можно назвать более успешной, так как по замыслу и реализации подобного лексикографического труда русская лексикография, а тем более писательская лексикография не знает – это единоличный четырехтомный словарный труд, уникальный по своему лексикографическому замыслу и комплексному лингвоэнциклопедическому исполнению.

Таким образом, проанализировав лексикографические практики русских писателей, можно говорить об универсальной закономерной идее составления различных словарей в творческой и лингвистической палитре писателей. Новаторским подходом отличаются лексикографические практики русских писателей, словарная работа становится венцом всей творческой деятельности писателей. Главным мотивом лексикографической деятельности вышеназванных писателей является стремление проникнуть в жизнь русского слова и передать ее посредством словаря. Проникнув в «творческую лабораторию» русских писателей-лексикографов, приходим к выводу, что лексикографические доминанты были различными, лексикографические импульсы возникали в разные периоды творчества писателей, но объединяющим лексикографическим началом является желание зафиксировать силу, самобытность и красоту русского слова. Писательская лексикография – творческий способ запечатлеть жизнь русского слова в рамках творческой (художественной) концепции писателя и его интерпретации мира.

Список литературы

1. Василевская Е. А. Чернышевский-языковед // Русский язык в школе. – 1953. – № 3. – С. 69 - 76.
2. Гоголь Н. В. Материалы для словаря русского языка // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М., 1952. – Т. IX. – С. 439 - 485.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русск. яз., 2002.
4. Зотов В. Р. Русский Литтре (по поводу нового издания «Словаря» Даля) // Исторический вестник. – 1882. – № 11. – С. 410 - 421.
5. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. – М.-Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1955.
6. Макеева В. Н. М. В. Ломоносов – составитель, редактор и рецензент лексикографических работ // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5. – С. 109 - 114.
7. Максимов С. В. Александр Николаевич Островский (По моим воспоминаниям) // А. Н. Островский в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1966.
8. Приемьшева М. Н. Из истории русской лексикографии: словари Н. В. Гоголя и А. Н. Островского // Русский язык в школе. – 2009. – № 1. – С. 88 - 92.
9. Тихонравов Н. С. Заметки о словаре, составленном Гоголем // Сборник Общества Любителей российской словесности за 1891 год. – М., 1891.
10. Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2 т. – М.-Л.: ГИХЛ, 1959.
11. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. – М.: Гослитиздат, 1939.
12. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: ок. 16 500 слов и устойчивых выражений / ИЛИ РАН. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008.

Смоленские ономастические единицы в Большом лингвострановедческом словаре «Россия»

В статье рассматривается соотношение смоленских онимов в структуре общенациональных фоновых знаний (в словаре «Россия») и в структуре фоновых знаний смолян. Используемый подход позволяет получить представление о месте конкретного регионального ономастического материала в системе общенациональных ономастических знаний.

The article discusses the relation of Smolensk onims in the structure of national background knowledge (in the dictionary «Russia») and in the structure of the background knowledge of Smolyan. The used approach gives an idea about the place of the exact regional onomastic material in the system of the national onomastic knowledge.

Ключевые слова: имя собственное, региональные и общенациональные фоновые знания, ассоциативно-культурный фон, ассоциативный эксперимент.

Key words: proper name, regional and national background knowledge, associative-cultural background, associative experiment.

Одним из актуальных направлений современной отечественной лингвистики в русле антропоцентрического подхода является изучение имени собственного. Имя – это та «парадоксальнейшая часть языка, где причина и следствие неразличимы, где «последний» смысл преформирует «первые»; имя – импульс культуры, поскольку оно вводит человека в знаковый космос, но оно и результат ее, поскольку его смыслы возрастают в пространстве культуры, ею держатся и ею же контролируются» [9, с. 382].

Интерес к имени собственному как культурному знаку сегодня в значительной мере обусловлен усилением общего интереса к национальной истории и культуре, одним из хранителей которых является оним в силу своей природы уникального именованного единичного объекта. Способность имени собственного накапливать и передавать информацию об особенностях культуры, истории, этнографии, мировоззрения и мировосприятия народа – носителя языка активно исследуется не только в ономастике, но и в лингвокультурологии, психолингвистике и других смежных дисциплинах (В. И. Бондалетов, Е. М. Верещагин, М. В. Горбаневский, В. Г. Костома-ров, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров, А. В. Суперанская, В. И. Супрун и др.). Результаты таких исследований все чаще получают лексикографическое воплощение, что открывает доступ читателю к их содержанию и способствует реализации культурно-просветительского потенциала ономастики.

Одним из наиболее авторитетных современных словарей, отражающих национально-культурную специфику русского слова, является Боль-

шой лингвострановедческий словарь «Россия», созданный в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина и изданный в серии «Фундаментальные словари» [5]. В его словнике отражены «единицы языка, которые обладают национально-культурным фоном (далее – НКФ), то есть некоторым набором дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем русским» [6, с. 4]. В связи с этим данный словарь можно рассматривать как достоверный источник общенациональных лингвострановедческих фоновых знаний, являющихся «основой языкового общения» [1, с. 498]. Существенная особенность и новизна Словаря (по замечанию его авторов) в том, что в его словник наряду с именами нарицательными включено большое количество имен собственных: из 586 заголовочных единиц Словаря 323 единицы (55 %) – онимы, носители многоплановой историко-культурной информации, и 263 (45 %) – апеллятивы.

При анализе мы использовали классификацию онимов, предложенную Н. А. Максимчук [3], дополнив ее (с учетом специфики анализируемого материала) двумя разрядами: урбанонимы (названия внутригородских топографических объектов) и эргонимы (наименования деловых объединений людей). Особенностью этой антропоцентрической по сути классификации является то, что в ее основе лежит именно понимание онима как одной из опорных единиц в структуре фоновых знаний носителей языка. По принадлежности к разряду заголовочные ономастические единицы Словаря формируют следующие группы (в скобках указано количество онимов для каждого разряда): хремотонимы (74), антропонимы (61), топонимы (57), литературные имена (49), хрононимы (28), эргонимы (23), религионимы (12), мифонимы (9), урбанонимы (4). Единично представлен разряд фитонимов (*Иван-да-Марья* – народное название нескольких видов травянистых растений). Кроме того, к единицам, опосредованно связанным с онимами, относятся также 2 этнонима – *варяги* и *русские*.

Приведенные данные показывают, что наиболее широко в словаре «Россия» представлены хремотонимы, антропонимы и топонимы. Многочисленность группы хремотонимов можно объяснить тем, что к данному разряду онимов относится широкий спектр названий предметов материальной и духовной культуры (названия фильмов, полотен художников, памятников архитектуры и т. п.) [2, с. 8]. Количественные показатели антропонимов, являющихся носителями разнопланового НКФ, соответствуют их ядерному месту в ономастическом пространстве, которое определяется моделью мира, существующей в представлениях данного народа в конкретное время, при этом всегда сохраняет элементы прежних эпох [10]. Топонимы не просто называют географические координаты страны, а в своем соотношении являются «проекцией времени на плоскость карты» [4, с. 111], с чем связано значительное количество единиц данного разряда ономастической лексики в словарях лингвострановедческого типа.

Общенациональное ономастическое пространство, представленное в словаре «Россия», состоит из фрагментов, формируемых региональными (краеведческими) онимами. Цель данной работы – рассмотрение места и роли смоленских ономастических единиц в структуре общенациональных фоновых знаний и в структуре фоновых знаний смолян. Приступая к анализу, отметим, что под смоленскими онимами мы понимаем: 1) имена людей, которые родились и/или жили/работали и умерли на Смоленщине; 2) областные географические названия и 3) литературные имена, так или иначе связанные со Смоленским краем.

Ономастические единицы занимают различное место в структуре Словаря и выступают в роли: 1) заголовочных слов; 2) ключевых слов, которые определены авторами Словаря как связанные с названной заголовочным словом реалией и важные для понимания ее роли в жизни России [6, с. 3]; 3) лексических единиц, включенных в описательную часть словарных статей. В соответствии с перечисленными признаками и на основании наличия / отсутствия в Словаре смоленских связей ономастические единицы словаря «Россия» образуют следующие группы.

I. Смоленские онимы, имеющие статус заголовочных единиц и одновременно ключевых слов в текстах других словарных статей, с выраженным в Словаре отношением к Смоленщине (9)¹:

а) антропонимы (5):

– *Владимир Мономах* (князь смоленский в 1067 – 1078 гг.): великий князь; Владимир, шапка Мономаха / *Княгиня, Князь, Соболь, Царь, Шапка; «Борис Годунов», «Золотое кольцо»;*

– *Ю. А. Гагарин* (космонавт, родился в семье колхозника в селе под Смоленском): «Восток», «Звездный городок» / *Самара;*

– *М. И. Кутузов* (генерал-фельдмаршал, после сражения под Смоленском в 1812-ом году получил титул *Смоленский*): георгиевский кавалер, дворянство, ополчение; С. Ф. Бондарчук, Казанский собор, А. Д. Кившенко, М. О. Микешин, Русская армия, Э. А. Рязанов / *Князь; Бородино, «Война и мир», Георгиевский крест, Отечественная война 1812-го года, А. В. Суворов;*

– *П. С. Нахимов* (адмирал, родился в с. Городок Вяземского уезда Смоленской губернии): нахимовец; В. И. Истомина, В. А. Корнилов, Крымская война, М. П. Лазарев, Малахов курган, Нахимовское училище, оборона Севастополя, Н. В. Томский / *Школа; «Аврора», Георгиевский крест;*

---

¹ Для каждого заголовочного онима в скобках нами указаны сфера профессиональной деятельности его носителя и смоленские связи, представленные в Словаре, после двоеточия – ключевые апеллятивы его НКФ, затем – ключевые онимы его НКФ; после знака / обозначены другие заголовочные апеллятивы и онимы Словаря (*курсивом*), в текстах статей которых данный смоленский оним является ключевым.

– *Г. А. Потёмкин* (государственный и военный деятель, родился в семье отставного офицера в с. Чижево Смоленской губернии): И. П. Матрос, Очаков / *«Броненосец Потёмкин»*, *Екатерина II*, *А. В. Суворов*;

б) литературные имена (2):

– *Василий Тёркин* (литературный герой А. Т. Твардовского, в Смоленске, на родине автора и его героя, установлена скульптура А. Г. Сергеева «Александр Твардовский и Василий Тёркин»): А. Т. Твардовский / *«Василий Тёркин»*, *Великая Отечественная война*;

– «*Василий Тёркин*» (поэма А. Т. Твардовского): А. Т. Твардовский / *Гармонь*; *Василий Тёркин*, *Великая Отечественная война*, *Красная Армия*;

в) топонимы (2):

– *Смоленск* (город, центр Смоленской области): город-герой, княжество; М. И. Глинка / *Грамота*, *Копейка*, *Кремль*, *Летопись*; *Арбат*, *Василий Теркин*, *Великая Отечественная война*, *Ю. А. Гагарин*, *День защитников Отечества*, *Днепр*, *М. И. Кутузов*, *П. С. Нахимов*, *Г. А. Потемкин*, *Русь*;

– *Днепр* (река, берет начало в Смоленской области; на реке стоит один из самых древних русских городов – Смоленск): Н. В. Гоголь / *Казак*; «*Запорожцы пишут письмо турецкому султану*», *Крещение Руси*, *Русь*, *Смоленск*.

Таким образом, статус заголовочных единиц и одновременно ключевых слов словаря «Россия» с выраженными «смоленскими связями» имеют 9 имен собственных. К числу антропонимов данной группы относятся имена трех россиян, родившихся на Смоленщине. Здесь обращает на себя внимание, каким образом обозначено место их рождения: указано подробно (*П. С. Нахимов*), указан только населенный пункт (*Г. А. Потемкин*), указано формально (*Ю. А. Гагарин*). Возникает вопрос: что является более содержательно значимым элементом НКФ онима Ю. А. Гагарин: то, что он родился в семье колхозника, или конкретное место рождения первого космонавта – д. Клушино Гжатского уезда (ныне – Гагаринского района), расположение которой на границе Смоленской и Московской областей вряд ли соответствует понятию «под Смоленском». Два других заголовочных антропонима называют исторических деятелей (*М. И. Кутузов* и *Вл. Мономах*), которых объединяет титул *Смоленский*, отражающий вклад этих людей в историю Смоленского края.

Литературные имена данной группы называют поэму А. Т. Твардовского «*Василий Теркин*» и ее литературного героя. В качестве «смоленских связей» данных онимов в тексте статьи указано наличие скульптурной группы А. Г. Сергеева «Александр Твардовский и Василий Теркин» в Смоленске, «на родине автора поэмы и его героя». Однако смолянам известно, что точным местом рождения А. Т. Твардовского является хутор Загорье Рославльского уезда Смоленской губернии (ныне – Починковского района Смоленской области).

К числу топонимов данной группы относятся названия административного центра и главной реки области. Для Смоленского края особо ценно то, что в словаре «Россия» в состав НКФ онима *Днепр* входят Смоленск и Смоленская область. Традиционно Днепр (за пределами Смоленщины) ассоциируют, прежде всего, с Украиной. Так, например, в Русском ассоциативном словаре – в числе реакций на стимул Днепр (Днепрогэс, Днепрпетровск, Украина и др.) Смоленск и его производные отсутствуют [7, с. 168]. Однако для Смоленщины Днепр является главной рекой, и его роль на региональном уровне сопоставима с ролью Волги для Волгограда, Дона для Ростова-на-Дону, а роль Днепра на территории нашего края во время военных исторических событий значима не только на региональном, но и на общенациональном уровне.

II. Смоленские онимы, имеющие статус заголовочных единиц и одновременно ключевых слов в текстах других словарных статей, без указания «смоленских связей» в Словаре (4)¹:

а) антропонимы (3):

– *Ермак* (казачий атаман, командовал казачьей сотней в сражении с литовцами за Смоленск в ходе Ливонской войны 1558 – 1583 годов): станция; М. М. Антокольский, В. А. Беклемишев, К. Ф. Рылеев, В. И. Суриков, хан Кучум / *Казак*; *Иван Грозный*, *Сибирь*;

– *Петр I* (первый российский император, в 1708 году издал указ о создании Смоленской губернии²): гражданский шрифт, губерния, коллегии, Сенат, стрельцы, 1 января; Азовские походы, Академия наук, Алексей Михайлович, «Великое посольство», Н. Н. Ге, Иван V, А. Д. Меншиков, Петропавловский собор, Русская армия, Русская Православная Церковь, Священный Синод, Северная война, В. И. Суриков, Табель о рангах, А. Н. Толстой, царевна Софья Алексеевна / *Азбука*, *Армия*, *Боярин*, *Губернатор*, *Двор*, *Западники*, *Князь*, *Копейка*, *Медь*, *Монастырь*, *Паспорт*, *Рубль*, *Русский язык*, *Славянофилы*, *Царевич*, *Царь*, *Чин*; *Азовское море*, *Андреевский флаг*, *Балтийское море*, *Белое море*, *Екатерина II*, *Елизавета Петровна*, *Исаакиевский собор*, *Кунсткамера*, *М. В. Ломоносов*, «*Медный всадник*», *Нева*, *Новый год*, *Павел I*, *Петербург*, *Петропавловская крепость*, *Полтавская битва*, *А. С. Пушкин*, *Тула*, *Урал*;

– *А. В. Суворов* (генералиссимус, в 1768 – 1769 годы жил в г. Смоленске): суворовцы; Александро-Невская лавра, П. И. Багратион, А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский, Суворовское училище, В. И. Суриков / *Екатерина II*, *М. И. Кутузов*, *Павел I*, *Е. И. Пугачев*;

---

¹ Принцип подачи материала такой же, как в группе I, только «смоленские связи» онимов взяты не из Словаря, а восстановлены нами дополнительно.

² В тексте словарной статьи указано, что Петром I проведено деление страны на административно-территориальные единицы – губернии – без конкретизации их региональной принадлежности.

б) литературное имя (1):

– «*Катюша*» (песня на стихи М. В. Исаковского, родившегося в д. Глотовка Угранского района Смоленской области): советская массовая песня; М. И. Блантер, М. В. Исаковский / *Русские имена, Яблоны*;

III. Смоленские онимы, имеющие статус ключевых слов в текстах других словарных статей, без указания смоленских связей в Словаре (17)¹:

а) имена людей, родившихся и живших на Смоленщине (6):

– *Б. Л. Васильев* (писатель, г. Смоленск): *Армия, Великая Отечественная война*;

– *М. И. Глинка* (композитор, с. Новоспасское): *Дорога, Колокол; Большой театр, Иван Сусанин, «Мариинка», «Могучая кучка», А. С. Пушкин, Русь, Смоленск, Ф. И. Шаляпин*;

– *М. В. Исаковский* (поэт, д. Глотовка): *Орел; «Катюша», Кубань*;

– *П. Г. Каховский* (декабрист, с. Преображенское): *Декабристы*;

– *М. О. Микешин* (скульптор, д. Максимково): *Царица; Дмитрий Донской, М. И. Кутузов*;

– *А. Т. Твардовский* (поэт, хутор Загорье): *Гармонь, Деревня, Дорога, Крестьянин, Частушка; Василий Теркин, «Василий Теркин», Великая Отечественная война, Красная Армия, В. И. Ленин, Русская равнина*;

б) имена людей, жизнь или деятельность которых связана со Смоленским краем (7):

– *Е. А. Баратынский* (поэт, с. Подвойское): *Славянофилы*;

– *М. А. Булгаков* (писатель, с. Никольское, г. Вязьма): *Армия, Диссидент, Квартира, Кот, Собака; Белая гвардия, Иван Грозный, «Мастер и Маргарита», «Мёртвые души», Москва, МХАТ, К. С. Станиславский, «Таганка»*;

– *А. С. Грибоедов* (писатель, с. Хмелита): *Барин, Княгиня, Крепостной; «Александринка», «Горе от ума», «Идиот», Москва, МХАТ*;

– *А. С. Даргомыжский* (композитор, д. Твердуново): *Язычество; Большой театр, «Мариинка», «Могучая кучка», А. С. Пушкин, Ф. И. Шаляпин*;

– *М. М. Зощенко* (писатель, пгт Красный): *Квартира, Мещанин, Чин; «Оттепель»*;

– *П. И. Пестель* (декабрист, д. Васильево): *Декабристы; Б. Ш. Окуджава*;

---

¹ В скобках указаны восстановленные нами «смоленские связи» имен и сфера профессиональной деятельности их носителей; после двоеточия (*курсивом*) – заголовочные апеллятивы и онимы, для текстов словарных статей которых данные имена являются ключевыми.

– *Н. К. Рерих* (живописец, г. Смоленск, с. Талашкино): *Алтай, Валаам, Сергей Радонежский, «Слово о полку Игореве»*;

в) имена участников военных действий на территории Смоленщины (3):

– *П. И. Багратион* (генерал от инфантерии, Отечественная война 1812 года): *Князь; Кавказ, А. В. Суворов*;

– *Г. К. Жуков* (Маршал СССР, Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов): *Битва за Москву, Великая Отечественная война, Георгиевский крест*;

– *М. И. Платов* (генерал от кавалерии, Отечественная война 1812 года): *Атаман; Левша*;

г) имя царя, который в 1667 году приобрел Смоленск у Польши, – *Алексей Михайлович Тишайший: Боярыня, Верста, Колокол, Соль, Терем, Царевна, Царица, Царь; Никон, Петр I.*

IV. Смоленские онимы, представленные в текстах статей, без указания смоленских связей в Словаре (6)¹:

а) антропонимы (5):

– *Ф. Н. Глинка* (поэт, родился в с. Сутоки): *Декабристы*;

– *В. К. Кюхельбекер* (декабрист, жил в д. Закуп): *Декабристы*;

– *Афанасий Никитин* (путешественник, умер близ Смоленска): *Купец*;

– *Ю. В. Никулин* (актер, родился в г. Демидове): *«Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»*;

– *А. Д. Папанов* (актер, родился в г. Вязьме): *«Бриллиантовая рука»*;

б) топоним (1):

– *Старая Смоленская дорога* (одна из старейших смоленских дорог, возникновение которой относится к XIV – XV векам): *Бородино, Смоленск.*

В результате анализа ономастического материала названных четырех групп нами был сделан вывод о том, что в Большом лингвострановедческом словаре «Россия» представлены онимы, имеющие как непосредственное, так и опосредованное отношение к Смоленскому краю. Общее количество смоленских имен – 36, однако они занимают различное место в структуре Словаря: являются заголовочными словами и одновременно ключевыми словами для текстов других статей – 13; являются только ключевыми словами – 17; не являются ни заголовочными, ни ключевыми сло-

---

¹ В скобках для каждого онима указана профессиональная сфера его носителя (для антропонимов) и связь со Смоленщиной (населенный пункт); после двоеточия – заголовочное слово статьи, к которой он относится.

вами, но представлены в текстах словарных статей – 6¹. Из 36 онимов, относящихся к Смоленщине, только 9 (*Смоленск, Днепр, Владимир Мономах, Ю. А. Гагарин, М. И. Кутузов, П. С. Нахимов, Г. А. Потемкин, Василий Теркин* и «*Василий Теркин*») имеют выраженные в Словаре смоленские связи.

Абсолютное большинство (30 из 36) смоленских онимов словаря «Россия» относится к разряду антропонимов, что подтверждает мысль академика А. Н. Сахарова о том, что история слагается из истории отдельных людей, ведь именно они цивилизованно окрашивают эту историю и делают ее историей своей страны [8]. Смоленские антропонимы в Словаре представляют различные сферы общественной жизни России: военную, политическую, творческую, что является показателем вклада Смоленской земли в историю страны. Также в Словаре представлены 3 топонима (*Смоленск, Днепр и Старая смоленская дорога*) и 3 литературных имени (*Василий Тёркин, «Василий Тёркин» и «Катюша»*), относящиеся к Смоленскому краю.

Такое представление о Смоленщине могут получить читатели Словаря из других регионов. Для того чтобы сравнить его с представлением о своем крае самих смолян, обратимся к результатам проведенного нами исследования, целью которого было выявление ономастического компонента ассоциативно-культурного фона (далее – АКФ) топонима *Смоленщина*. Под АКФ онима мы понимаем совокупность всех порождаемых им ассоциаций, т. е. всю сопутствующую информацию, не входящую в непосредственное содержание онима, при этом «компонент культурный указывает на то, что фоновые знания, сопровождающие имя собственное, носят прежде всего культурологический характер (культура в данном случае понимается максимально широко); компонент ассоциативный называет основной путь формирования, расширения и затем выявления фоновых знаний» [3, с. 166–167]. В результате проведенного ассоциативного эксперимента с 1650 респондентами-смолянами нами составлена база данных, включающая 1211 онимов-реакций на стимул *Смоленщина* (13612 употреблений).

В числе названных смолянами онимов представлено 29 из 36 смоленских ономастических единиц Большого лингвострановедческого словаря

---

¹ Таким образом, из 36 смоленских онимов 30 являются ключевыми, а из этих 30 только 13 заголовочными. У читателей-смолян может закономерно возникнуть вопрос: почему в словнике представлено, например, имя генерала-фельдмаршала *Г. А. Потемкина*, а имя основоположника русской классической музыки *М. И. Глинки* отсутствует? Авторы объясняют это тем, что заголовочными словами статей являются лишь те имена выдающихся деятелей истории и культуры России, НКФ которых выражен в конкретных, всем известных языковых единицах, имеющих производящую основу данного имени. Например, в статье *Г. А. Потемкин* упоминается крейсер «*Князь Потемкин Таврический*», фильм «*Броненосец Потемкин*», *потемкинские деревни* и *потемкинская лестница*.

«Россия» (78 %). В их число вошли (в скобках указан индекс частотности): *Днепр* (953), *Ю. А. Гагарин* (603), *М. И. Глинка* (495), *А. Т. Твардовский* (469), *Смоленск* (345), *М. В. Исаковский* (277), *М. И. Кутузов* (125), *Василий Теркин* (124), *А. С. Грибоедов* (95), *Ю. В. Никулин* (68), *П. С. Нахимов* (60), *Г. А. Потемкин*, *Старая Смоленская дорога* (по 39), *М. А. Булгаков*, «*Катюша*» (по 20), *П. И. Багратион* (18), *А. Д. Папанов* (12), *Г. К. Жуков* (7), *М. О. Микешин* (6), *Б. Л. Васильев* (4), *А. В. Суворов* (4), *Владимир Мономах*, *А. С. Даргомыжский*, *М. М. Зоценко*, *П. Г. Каховский*, *П. И. Пестель* (по 2), *Петр I*, *В. К. Кюхельбекер*, *Н. К. Рерих* (по 1). Особо отметим, что 7 из этих 29 онимов (*Днепр*, *Ю. А. Гагарин*, *М. И. Глинка*, *А. Т. Твардовский*, *Смоленск*, *М. В. Исаковский*, *Василий Теркин*) относятся к выявленному нами по итогам эксперимента ядру ономастической составляющей АКФ топонима *Смоленщина*, то есть входят в состав фоновых знаний респондентов всех групп, принявших участие в эксперименте. Также к ядру АКФ топонима *Смоленщина* относится еще 5 онимов: *Успенский собор*, *Крепостная стена*, *М. К. Тенишева* (названы в статье «Смоленск», *Крепостная стена – Смоленский кремль*), *Федор Конь* и *Н. И. Рыленков* (в Словаре не упомянуты).

К числу онимов, имеющих смоленские связи, не явные для респондентов-смолян и, как следствие, отсутствующих в составе их фоновых знаний, относятся 7 имен собственных словаря «Россия» (12 %): *Алексей Михайлович Тишайший*, *Е. А. Баратынский*, «*Василий Теркин*», *Ф. Н. Глинка*, *Ермак*, *Афанасий Никитин*, *М. И. Платов*. Отсутствие в составе фоновых знаний смолян таких имен, как *Алексей Михайлович Тишайший*, *Е. А. Баратынский*, *Ермак*, *Афанасий Никитин* и *М. И. Платов* можно объяснить тем, что лишь отдельные эпизоды жизни и деятельности их носителей связаны со Смоленщиной. Имя поэта-декабриста *Ф. Н. Глинки* в представлениях смолян о своем крае уступает место имени композитора *М. И. Глинки*. Название поэмы «*Василий Тёркин*» в составе фоновых знаний смолян настолько тесно связано с именем ее одноименного литературного героя *Василия Тёркина*, что эти две ономастические единицы смолянами, как правило, не дифференцируются (только на основании отсутствия кавычек в написании респондентами мы отнесли данный оним к именам литературных персонажей).

Таким образом, результаты данной работы, с одной стороны, позволяют определить соотношение региональных и общенациональных ономастических единиц в структуре общенациональных фоновых знаний, а с другой – демонстрируют необходимость целенаправленного описания национально-культурного фона региональных онимов, одним из способов представления которого является лингвокраеведческий ономастический словарь.

Создание серии лингвокраеведческих ономастических словарей может предоставить полноценный достоверный источник региональных фо-

новых знаний, которые могут быть положены в основу Большого общенационального лингвокультурологического словаря. В таком словаре более детально может быть раскрыто содержание региональных компонентов общенациональных фоновых знаний, что позволит получить широкое представление об особенностях историко-культурного развития России и всех ее регионов.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983.
3. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. – Смоленск: СГПУ, 2002. – Часть 1.
4. Никонов В. А. Драгоценные свидетели // Этимология 1988 – 1990. – М.: Наука, 1992. – С. 109 – 114.
5. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
6. Ростова Е. Г. Предисловие // Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – С. 4 – 8.
7. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Том I. От стимула к реакции.
8. Сахаров А. Н. Предисловие // Имя Россия. Исторический выбор 2008. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – С. 3 – 4.
9. Топоров В. Н. Имя как фактор культуры // Исследования по этимологии и семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – С. 380 – 383.
10. Топоров В. Н. О палийской топономастике // Топонимика Востока: Исследование и материалы. – М.: Наука, 1969. – С. 31 – 50.

**Особенности русской философской терминологии
конца XIX – начала XX веков**

В статье анализируется специфика философского термина, во многом обусловленная особенностью философского языка. Естественность языковой семантики может лишать философский термин точности и однозначности. В философских текстах часто наблюдается отсутствие строгих родовидовых терминологических определений и преобладают определения контекстуальные, постепенно расширяющие и варьирующие смысловое поле термина. Кроме того, философские термины оказываются терминами с «мягкой» понятийной семантикой, что проявляется в полиморфизме их определений.

In this article the author examines a philosophical term's specifics, principally shaped and developed by peculiarities of philosophical language. The naturalness of the linguistic semantics can sometimes deprive philosophical terms of their exactness and accuracy. There is often a lack of strict gender and aspectual terminological definitions in philosophical texts, with the dominance of contextual definitions, gradually widening and varying the semantic field of a term. In addition, philosophical terms are often terms with a "soft" conceptual semantics, which often results in a polymorphism of their definitions.

Ключевые слова: философский термин, контекстуальное определение, смысловое поле термина, полиморфные определения.

Key words: philosophical term, contextual definitions, semantic field of a term, polymorphic definitions

Философский термин в семантическом и функциональном планах весьма существенно отличается от научного термина в строгом смысле этого слова; философский термин настолько самобытен и сложен, что его специфика может и должна стать предметом отдельного научного исследования.

Отметим, что в классификациях работ по терминологии философские термины как особый разряд выделяются не всегда. Так, например, по классификации Ю. В. Рождественского, с точки зрения внешних правил словесности все термины распадаются на следующие разновидности: 1. философские термины, 2. научные термины, 3. технические термины, 4. мерительные термины, 5. термины-команды, 6. термины искусств, 7. удостоверительная терминология (номенклатура), 8. прогностические термины [7, с. 55]. В. В. Акуленко предлагает следующую классификацию терминов: «а) официально-деловые термины, б) научные термины, в) технические (в широком смысле слова) термины, г) общественно-политические термины» [1, с. 129]. Здесь для философских терминов не выделен особый разряд – по всей вероятности, предполагается их включение в состав научных или общественно-политических терминов.

Объектами референции философского термина являются непредметные недискретные объекты (например, свобода, истина, дух, бытие, смысл). Сигнификативная семантика и интенциональная неопределенность употребления философского термина как знака создают особую сложность изучения данных единиц. Учитывая известную дискуссию о лексическом значении термина и о понятии, называемом термином, считаем необходимым обозначить, что автор статьи является сторонником терминоведческого подхода к изучаемому явлению: термины имеют лексическое значение, которое и есть понятие. Для термина как языкового знака характерны следующие свойства: связь с понятием, точность, однозначность в пределах терминосистемы, отсутствие эмоциональности, номинативность, дефинитивность (в силу этого свойства значение термина формулируется в виде логического определения) и системность.

Говоря о связи термина с понятием и о точности понятийной семантики термина, вспомним слова А. А. Реформатского: «за термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной мысли, ограниченной определенным полем» [7, с. 3]. Однако философский термин часто оказывается соотнесен не только со специальной мыслью, но и с мыслью вообще, то есть оказывается соотнесен со словами общеупотребительного языка. Кроме того, к философскому термину не следует применять строгое требование однозначности в пределах терминосистемы. Семантический объем философского термина значительно превышает семантический объем термина другой специальной области знания.

Казалось бы, если новая философская концепция создается на базе уже существующих, то философ должен учитывать те значения и смыслы, которые уже были вложены в термин. Но не получается ли так, что собственно термины, в терминологичности которых никто и не сомневается (к примеру, трансцендентность), обладающие в системе философской терминологии рода предикатной семантикой, используются именно с учетом предшествующей философской традиции, а термины, номинации которых совпадают с обычными словами естественного языка (например, свобода), именуемые обсуждаемые в философии концепты сферы бытия и духа, как раз и предполагают эту принципиальную неоднозначность (или, точнее, полиинтерпретируемость)? Иначе, зачем вообще нужна философия? Каждый философ наделяет философский термин сугубо индивидуальным, авторским содержанием, поэтому понимание философского термина возможно лишь в контексте всего творчества философа. При этом исследователь часто имеет дело не с явлением полисемии, а с наличием нескольких интерпретационных вариантов.

Конкретные семантические исследования в рамках этих представлений могут быть основаны на изучении семантической стороны терминов, базирующейся на каком-либо предлагаемом автором философской концепции объяснении значений терминов, как правило, определении, дефи-

нии. Но именно строгих родовидовых терминологических дефиниций в работах русских философов изучаемого периода очень мало.

Специфика философского языка конца XIX – начала XX веков заключается, в частности, в полном отсутствии или необычайном своеобразии дефиниций, которые, на первый взгляд, не дают полного представления о сути явления. Например, у П. А. Флоренского: «Имя – новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна»; «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» [9].

Отсутствие в тексте привычного для нас родовидового определения термина «имя» вовсе не означает отсутствия определения вообще. Во многих философских текстах оно является контекстуальным и не имеет точных границ, пронизывая весь текст. Учитывая онтологическую близость философского и художественного текстов, можно говорить о постепенном накоплении смысла термина, о росте терминологического «заряда» языковой единицы в пределах текста или его завершенного фрагмента. Проследим это на примере выдержек из первой части книги П. А. Флоренского «Имена» («Ономатология»). Нами выбраны предложения, в которых содержится расширение и дополнение понятия «имя»:

«Имя есть **последняя выразимость в слове начала личного** (как *число* – безличного), нежнейшая, а потому наиболее адекватная *плоть* личности.<...> Мы разоблачаем личность от роскоши ее проявлений и постепенно подходим к ее самосвидетельствам, менее богатым, но более прорисованным и монументальным. Пределом всех разоблачений окажется то самое внутреннее из наслоений тела, без которого личность уже немыслима, ибо она фактически не может мыслиться и как призрак ускользает из объятий мысли. **Имя есть этот предел.** <...> Как некоторая идеальная конкретность, имя не может быть определено, описано или рассказано – помощью перечисления отдельных признаков, отдельных черт. Порознь взятые, такие признаки – черты, как бы их ни накапливать, не способны передать *главного* в имени – его структуры, строения его как целого, его – как формы, – короче – его самого. **Имя постигается только чрез себя самого, per se intelligitur.** <...> Можно ли между тем допустить, чтобы институт столь всеобщий и столь устойчивый, как имена, мог быть несоответствующим своему назначению, – а назначение имен – выражать и словесно закреплять типы духовной организации? <...> Имена и должны быть рассматриваемы, как такие **инварианты личности.** Чрезвычайно далекие от какой-либо прямой связи с внешне учитываемыми признаками, даже с группами таких признаков, невыразимые слова, они, однако, определеннее всего ухватывают самые главные линии личностного строения в их индивидуальной целостности.<...> Имя, как разъяснено, есть **форма внутренней организации.** Ей соответствует *число* как форма организации внешней. Иначе говоря, инварианту субъективности противостоит инвари-

ант объективности ... И еще: **имя – инвариант личностный**, а число – вещный. <...> Итак, имеем четыре начала, два во внешнем мире и два – во внутреннем: *количество* и *качество*, *усия* и *ипостась*. Они возглавляются попарно еще двумя началами – верховными началами соответственных миров: это – *число* и *имя*. И наконец, эти последние иерархически подчинены верховному онтологическому началу – *идее*. Итого – *семь* основоначал знания, они же – и **начала бытия**» [9].

Итак, философский термин способен к приращению терминологичности в рамках всего текста. Термину нигде не дается строгое определение, смысл термина наращивается постепенно и извлекается из всего текста. Означает ли это, что философскому термину не присуща дефинитивность? Скорее всего, нет – но значение термина в виде логического определения может быть сформулировано не автором концепции, а исследователем философской терминосистемы.

Еще одна важная особенность философских определений – их качественный полиморфизм. В лингвистике принято выделять два типа терминов и их определений – мономорфные и полиморфные [10, с. 82]. Мономорфные определения предельно жестко очерчивают понятийное содержание определяемого термина, не предполагая возможности каких бы то ни было интерпретационных вариантов; полиморфные, напротив, предполагают наличие таковых. Приведем примеры полиморфных определений, понимание которых зависит от интерпретации содержательного компонента. В определениях выделен тот компонент смысла, который может иметь несколько различных интерпретаций: свобода – универсалия культуры субъектного ряда, фиксирующая **возможность** деятельности и поведения в условиях отсутствия внешнего целеполагания; философия – **особая** форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о **фундаментальных** принципах и основах человеческого бытия, о **наиболее общих сущностных** характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни **во всех ее основных проявлениях**.

Дефиниции таких терминов обычно включают слова и словосочетания, допускающие различные интерпретации: *обычный порядок*, *похожий*, *специфический*, *близкий*, *характерный* – и задающие «мягкую» понятийную семантику. Речь идет не о языковой многозначности, а о различной интерпретации одних и тех же языковых выражений. Д. С. Лотте считал, что из-за понятийной расплывчатости полиморфные термины «нельзя называть терминами вообще» [5, с. 56]. С. Д. Шелов, напротив, считает полиморфизм отражением многослойности естественной семантики, при которой, «сохраняя одно содержание в одном слое, слова и термины допускают различные интерпретации в другом слое» [10, с. 78]. Он также различает количественно полиморфные (разный объем понятия) и качественно полиморфные определения: «здесь различные интерпретации могут

менять сами признаки, их шкалы и, соответственно, код, состав принятых номинаций» [10, с. 82].

Понятие полиморфизма терминологии и полиморфных терминов в какой-то мере соотносится с рассматриваемой в общей семантике категорией «неопределенной», «расплывчатой», «смутной» семантики. Здесь уместно вспомнить сетования Рассела, Витгенштейна и других ученых на естественность языковой семантики как помеху объективной строгости и дискурсивности науки, философии в частности. Для Бертрона Рассела важным было то, что такая «изменчивая субъективность» естественной речи мешает объективной силе дискурсивной (логической) мысли, а потому должна преодолеваться в языке наук и в философии [6, с. 35].

Людвиг Витгенштейн в «Философских исследованиях» писал:

«116. Когда философы употребляют слово "знание", "бытие", "объект", "я", "предложение", "имя" и пытаются схватить сущность вещи, то всегда следует спрашивать: так ли фактически употребляется это слово в языке, откуда оно родом? Мы возвращаем слова от метафизического к их повседневному употреблению.

120. Говоря о языке (слове, предложении и т. д.), я должен говорить о повседневном языке. Не слишком ли груб, материален этот язык для выражения того, что мы хотим сказать? Ну, а как тогда построить другой язык? И как странно в таком случае, что мы вообще можем что-то делать с этим своим языком!» [4].

Для целей нашего исследования принципиален факт наличия терминологической лексики, обладающей качественным понятийным полиморфизмом, факт, не подтверждающий традиционных представлений о точности значения термина. Исследуемый материал позволяет утверждать, что качественный полиморфизм философских терминов может быть обусловлен необычной жанровой природой текстов, в рамках которых они создаются, а также уже обозначенной нами онтологической близостью философского и художественного текстов. Видимо, именно здесь кроется принципиальная причина неопределенности философского термина. Об этом прекрасно пишет П. Флоренский в самом начале своей статьи «Антиномии языка»: «И наука, и философия – описание действительности, т. е. язык, тут и там имеющий свой особый закал. Словесная природа, как науки, так и философии, – это их общее, родовая стихия их жизни. Но они противоположны и противоречивы в своих устремлениях. Несокрушимым кристаллом хотела бы отвердеть наука; огненным вихрем, ветром вьющимся, коловращением, упругим, как гиростаты, – явит свою определенность философия. Неизменности и окончательности противостоит пульсирование и рост» [9, с. 142].

«Пульсирование и рост» – так метафорически можно передать основную идею бытования философского понятия (и термина) в тексте: вводи-

мое автором понятие все время получает дополнительное обоснование для того, чтобы стать в результате одним из краеугольных камней в теории.

Произведение Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности» написано в жанре философского афоризма, единственного, по мнению автора, жанра, который не сковывает свободу мысли. Афоризм потому является «лучшей литературной формой», что освобождает от последовательности и синтеза», позволяет «вытравить» общую идею – «самое обременительное и тягостное в книге» [11, с. 33]. Если бы речь шла о художественном тексте, то мы могли бы сказать, что ключевое слово этого текста – беспочвенность. В данном случае проблематично говорить о концепте, поскольку это входит в противоречие с замыслом Шестова: «вытравить» общую идею, т. е. с установкой на антиконцептуальность. Однако намерение и его реализация у автора не всегда совпадают: можно ли вытравить идею из философского трактата? В таком случае – зачем он пишется?

В функции языка для специальных целей у Шестова выступает естественный язык, основной единицей текста – по идее – должен быть термин. Слово *беспочвенность* – это слово, терминологичность которого задается жанром текста и самим философским дискурсом и создается в рамках текста.

Рассмотрим все случаи употребления слова *беспочвенность* в тексте – видимо, важно, что оно употребляется 4 раза в самом начале текста, при этом дефиниция заменяется последовательно развертывающейся в тексте цепочкой предикатов. Начнем с небольшой цитаты: «Нет идеи, нет идей, нет последовательности, есть противоречия, но ведь этого именно я и добивался, как, может быть, читатель уже и угадал из самого заглавия. **Беспочвенность, даже апофеоз беспочвенности,** – может ли тут быть разговор о внешней законченности, когда вся моя задача состояла именно в том, чтоб раз навсегда избавиться от всякого рода начал и концов, с таким непонятным упорством навязываемых нам всевозможными основателями великих и не очень великих философских систем. <...> Законы – все – имеют регулирующее значение и нужны ищущему отдыха и поддержки человеку. Но первое и существенное условие жизни – это беззаконие. Закон – укрепляющий сон. Беззаконие – творческая деятельность» [11, с. 8].

Перед нами вновь контекстуальное определение, особенностью которого является отсутствие спецификации определяемого, то есть автор не указывает даже того, к какой категории понятий (объектов) относится определяемое. Контекст задает смысловое поле термина «беспочвенность»: свободная мысль, отказ от принятой формы изложения, главенство идеи, отсутствие последовательности, наличие противоречий, отсутствия внешней законченности, избавление от начал и концов, отказ от опоры на философские системы, неверие в определенные приемы искания, аксиомы научного познания нельзя считать истинами, знание не является знанием, основа для творческой деятельности.

Правило «роста терминологичности» [10, с. 57] сопоставимо, на наш взгляд, с механизмом приращения смысла ключевого слова в художественном тексте. Термину нигде не дается строгого определения, смысл его наращивается постепенно с изложением научной концепции, понятие варьирует свое смысловое поле, непрерывно расширяя его. Приведем примеры фрагментов книги, в которых расширяется смысловое поле термина.

(9) Мы не можем ничего знать о последних вопросах нашего существования и ничего о них знать не будем: это – дело решенное. Но отсюда вовсе не следует, что каждый человек обязан принять как *modus vivendi* какое бы то ни было из существующих догматических учений или даже имеющий такой скептический вид позитивизм. Отсюда только следует, что **человек волен так же часто менять свое «мировоззрение»**, как ботинки или перчатки, и что прочность убеждения нужно сохранять лишь в сношениях с другими людьми, которым ведь необходимо знать, в каких случаях и в какой мере они могут на нас рассчитывать. И потому «как принцип» – **уважение к порядку извне и полнейший внутренний хаос**. Ну, а для тех, кому трудно выносить такую двойственность, можно учреждать порядок и внутри себя. Только не гордиться этим, а всегда помнить, что в этом называется человеческая слабость, ограниченность, тяжесть [11, с. 51].

(15) Тайна «внутренней гармонии» Пушкина. – **Для Пушкина не было ничего безнадежно дурного. Даже больше: все было для него пригодным. Хорошо согрешить, хорошо и раскаяться. Хорошо сомневаться – еще лучше верить.** Весело, «обув железом ноги», мчаться по льду, уйти побродить с цыганами, помолиться в храме, поссориться с другом, помириться с врагом, упиться гармонией, облиться слезами над вымыслом, вспомнить о прошлом, заглянуть в будущее. Пушкин умел плакать, а кто умеет плакать, тот умеет и надеяться. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», – говорит он, и кажется, что слово «страдать», так украсившее стихотворение, появилось случайно, ввиду того, что не нашлось более подходящей рифмы к слову «умирать». Дальнейшие стихи, предназначенные объяснить слова «мыслить и страдать», служат тому доказательством. Пушкин мог бы повторить за древним героем: «Опасность опасна для других, а не для меня». В этом тайна его гармонических настроений [11, с. 53].

(120) Немцы все добиваются *Allgemeingültigkeit*. Меж тем, если задача познания – исчерпать всю глубину действительной жизни – то ведь опыт, поскольку он повторяется, не интересен или, по крайней мере, имеет ограниченный интерес. Важно узнать то, чего еще никто не знает, даже не предчувствует, а потому **нужно идти не по общей дороге *Allgemeingültigkeit*, а по новым, еще не видавшим человеческой ноги тропинкам**. Оттого мораль, дающая известные правила и тем оберегаю-

щая на некоторое время жизнь от сюрпризов, имеет условное значение и в конце концов пасует перед аморальной своеобразностью отдельных человеческих стремлений. Законы – все – имеют регулирующее значение и нужны ищущему отдыха и поддержки человеку. **Но первое и существенное условие жизни – это беззаконие.** Закон – укрепляющий сон. **Беззаконие – творческая деятельность** [11, с. 108].

Расширяясь и варьируясь, понятийное поле «беспочвенность» вбирает дополнительные компоненты смысла: можно часто менять мировоззрение, полнейший внутренний хаос – принцип, порядок внутри себя – это слабость, ограниченность, тяжесть, нет безнадежно дурного, философия Канта не помогает постичь счастья, нужно идти не по общей дороге *Allgemeingültigkeit*, беззаконие – условие жизни и творческой деятельности. Можно сказать, что, становясь термином в философии Шестова, слово *беспочвенность* утрачивает свою прагматическую коннотацию (со знаком минус), свойственную ему как общеязыковой лексеме (Ср.: **БЕСПОЧВЕННЫЙ**, -ая, -ое; -вен, -венна. *Необоснованный, не подтвержденный фактами, доказательствами. Беспочвенное обвинение.* || *сущ. беспочвенность, -и, ж.*). У Шестова беспочвенность – это та идея, которую защищает и «навязывает» читателю автор – лишь на почве беспочвенности рождается творчество и оказывается возможным познанием.

Представленный материал позволяет подвергнуть некоторому сомнению тезис о понятийной точности термина как условия, необходимом для признания языкового знака термином, ибо философская терминологическая лексика обладает качественным полиморфизмом. Наиболее ярко он проявляется в контекстуальных определениях, так как языковое существенно преобладает в них над логическим. Кроме того, текстовая природа философских трудов такова, что полиморфность термина неизбежно создается за счет использования общеязыковых, никак не уточненных выражений с их смысловыми оттенками и размытой семантикой... Показательна в этом отношении полемическая работа Б. Ю. Городецкого. «Свойство нечеткости термина относится к числу фоновых, сущностных его свойств»; «нечеткость термина имеет многообразные проявления»; «непредвзятое рассмотрение термина заставляет нас признать такие его сущностные характеристики, как семантическая нечеткость, прагматичность, динамичность и зависимость от структуры подъязыка» [3, с. 12]. Поскольку метафизические объекты отсутствуют в эмпирическом пространстве, они не могут быть познаны до конца, поэтому целью философа является континуальный процесс познания (состояние «философского удивления»), который не стремится к завершению, ибо в этом случае философия пришла бы к своему логическому завершению. Наверное, в этом принципиальная причина особой природы философского термина и его определения.

Список литературы

1. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка – Харьков, 1972.
2. Городецкий Б. Ю. Термин и его лингвистические свойства // Структурная и прикладная лингвистика. – Л., 1987. – Вып. 3. – С. 17 – 22.
3. Витгенштейн Л.. Философские исследования. – [Электронный ресурс]: <http://kant.narod.ru/witt.htm>
4. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М., 1982.
5. Рассел Б. Исследование значения и истины. – М., 1999.
6. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. – М., 1959.
7. Рождественский Ю. В. О смысловой систематизации терминов // Методологические проблемы социальной лингвистики. – М., 1986.
8. Флоренский П. Иконостас. Имена. – М., 2009.
9. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. – СПб., 2003.
10. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – Л., 1991.

Референция имён собственных в немецком языке

В статье исследуется явление лингвистической референции, производимой с помощью имён собственных. Проведён анализ языковых выражений, содержащих имя собственное и какое-либо сопроводительное слово (определённый/неопределённый артикль, детерминант, притяжательное местоимение и пр.) при нём. Выявлена специфика референции, осуществляемой с помощью указанных средств.

This paper deals with the investigation of the phenomenon of the linguistic reference, realized with the help of proper names. The analysis of linguistic expressions, which contain a proper name and an accompanying word (the definite or the indefinite article, a determinant, a possessive pronoun and so on), is done. The specificity of reference, realized with the help of such means, is revealed.

Ключевые слова: референция, референт, имя собственное, определённый артикль, неопределённый артикль.

Key words: reference, referent, proper name, definite article, indefinite article.

Лингвистическая референция – соотнесение и соотнесённость актуализованных языковых выражений с объектами/предметами, лицами, а также событиями внеязыковой действительности – была и остаётся одним из интереснейших языковых явлений. Референция выступает неотъемлемой составляющей любого акта вербальной коммуникации, вследствие чего можно утверждать, что с помощью всех или почти всех языковых выражений можно осуществить референцию. Это обусловило тот факт, что материал для исследования референции чрезвычайно разнообразен. В данной публикации мы остановимся на освещении вопроса, связанного с референцией имён собственных (далее – ИС), под которыми мы понимаем индивидуальные объекты (в широком смысле), обладающие признаками определённости и конкретности, не связанные с понятием, но, возможно, имеющие какие-либо коннотации [ср.: 3]. Вопрос референции ИС – один из самых проблематичных в теории референции. До сих пор не существует единого мнения по поводу того, каким образом реализуется референциальная соотнесённость имени собственного (ср. позиции Дж. Ст. Милля; Г. Фреге, Б. Рассела, Р. Карнапа; С. Крипке [2]). Важно заметить, что понимание вопроса референции даёт возможность правильно идентифицировать ИС в тексте и адекватно их интерпретировать.

Во многих языках, в том числе и в немецком, ИС чаще всего употребляются без сопроводительных слов и в референциальном отношении соотносятся с конкретными лицами, объектами (например, географическими) внеязыковой действительности, что закономерно, предсказуемо и не пред-

ставляет интереса в референциальном отношении. Однако часто, как в письменной, так и в устной речи, ИС употребляются с сопроводительными словами. В этой роли могут выступать артикли; детерминанты – слова, придающие языковому выражению признак определённости; кванторы – слова, указывающие на количество референтов данного языкового выражения. В этой связи зададимся вопросом: вносят ли сопроводительные слова, употреблённые в комбинации с ИС, какие-либо изменения в референцию, осуществляемую с помощью данных языковых выражений? Рассмотрим это подробнее.

Приведём пример использования определённого артикля с ИС: (1) *Hallo ihr! Ich bin die Susanne, bald Physikstudentin an der RWTH und suche ein Zimmer zum 1.9.04.* [10, с. 309]. Употребление определённого артикля в данном случае не изменяет референцию по отношению к конкретному лицу внеязыковой действительности, однако придаёт тексту определённый стилистический оттенок – дистанцированность продуцента речи, иногда – его критическое отношение, отрицательную позицию [10, с. 309]. Пример (1) иллюстрирует использование определённого артикля перед ИС при переписке в сети Интернет. Но подобные случаи нередки и в художественной литературе, в особенности для придания тексту окраски разговорного стиля. В примерах (2), (3) определённый артикль также не меняет референцию ИС: (2) *Als Frau Kürmann die beiden erkannte, nickte sie ihnen zu und sagte: Der Michel ist in seinem Zimmer. Gehen Sie nur rein* [13, с. 287]; (3) *...die Martha auch, die Martha haben sie observiert, die eigene Frau von ihrem eigenen Mitarbeiter...* [16, с. 305].

Определённый артикль может употребляться с ИС для определения падежа косвенного дополнения с целью избежать двойственности в понимании высказывания (4), обозначения принадлежности (5) или пола (6), например: (4) *Peter stellt (die) Anna der Berta vor*; (5) *Das ist das Ei des Kolumbus* [14, с. 11]; (6) *Luise Rinser gefiel mir vom ersten Wort an... Die Rinser gefiel mir beim ersten Blick, in München oder in Frankfurt oder in Berlin 1949... Die epische Welt der Rinser ist eine weibliche Welt, wo die Männer nur Nebenfiguren sind...* [20, с. 387, 392].

Следует указать на то, что многие географические названия, являясь именами собственными, также употребляются с определённым артиклем, к примеру: (7) *Ich bin bereit, dem Rhein alles zu glauben, nur seine sommerliche Heiterkeit habe ich ihm nie glauben können...* [6, с. 114]. В этом случае ИС не употребляется без артикля в принципе, и артикль входит в состав ИС на правах лексемы [3, с. 119].

Заметим также, что при добавлении определения, выраженного изменяемой частью речи, обычно употребляемые без артикля ИС используются с определённым артиклем: (8) *Die divablonde Millicent Naish befand sich um diese stunde bereits in der zehn meilen weiter südlich im dschungel liegenden*

steinstadt Nkw... [4, с. 36] (пунктуация авторская. – В.П.); (9) *Der kleine miese Otto war ein ganz überzeugter Nazi* [5, с. 95].

В примерах (8), (9) референты ИС – определённые лица внеязыковой действительности. Такие ИС, употреблённые в комбинации с определением, выражают постоянные свойства референтов языковых выражений. С референциальной точки зрения, определённый артикль или другой детерминант придают ИС единичность, конкретность, а определения – выразительность, оценочность, индивидуальность, неповторимость, способствуют выражению авторского отношения.

Таким образом, употребление определённого артикля перед ИС не вносит изменений в референцию, реализуемую с помощью этих языковых выражений.

В языке имеются случаи использования ИС с другими сопроводительными словами – неопределённым артиклем, кванторами, числительными, притяжательными местоимениями; также возможно употребление ИС во множественном числе. Приведем лишь несколько примеров: (10) *Er kommt alle Monate nach Deutschland, seit neustem hat er einen „Golf“* [17, с. 339]; (11) *Ich machte in dem Jahr den Führerschein und kaufte vom Reichsbahngeld eine 350er „Java“* [26, с. 622].

В примерах (10), (11) референция осуществляется не по отношению к фирме-производителю товаров, носящих данные ИС, а по отношению к товарам этих фирм, ассоциативно обозначаемых так же. Известный немецкий лингвист Х. Фатер подчёркивает, что языковые выражения *ein, kein, mancher, jeder, beide, drei* и т. п. перед ИС автоматически переводят данное ИС в разряд имен нарицательных, в частности, родовых понятий [29, с. 211], что подтверждают примеры (10), (11). На этом основании предположим, что употребление ИС в комбинации с подобными словами вносит существенные изменения в семантику ИС и, следовательно, в референцию, реализуемую с помощью этих языковых выражений.

Немецкие лингвисты К. фон Хойзингер и Й. Веспель установили, что существует несколько видов перехода ИС в комбинации с определённым, неопределённым артиклем, другими возможными сопроводительными словами в класс имен нарицательных. Они предлагают делать различие между простыми и модифицированными именами собственными. ИС называются модифицированными, если с их помощью осуществляется референция не по отношению к носителям этих имен, как это происходит при использовании простых ИС, а по отношению к объектам/предметам внеязыковой действительности, к классу однородных в каком-либо отношении предметов/лиц, обозначенных этими именами, то есть во всевозможных случаях «сдвинутой» референции. Сюда следует отнести случаи перехода ИС в разряд имен нарицательных, в частности, в разряд обозначений родовых понятий (Appellative, Gattungsbezeichnungen), а также обозначение с помощью ИС состояния именуемого этим ИС лица в оп-

ределённый момент времени, в определённый момент его проявления [15, с. 8]. К. фон Хойзингер выделяет различные способы употребления модифицированных неопределённых ИС (то есть ИС с неопределённым артиклем, кванторами, притяжательными местоимениями, ИС во множественном числе), а именно: апеллятивное употребление ИС (*appellativ*), к которому он относит именование (*benennend*), метонимическое (*metonymisch*) и метафорическое (*metaphorisch*) употребления; и субиндивидуальное употребление ИС, включающее стадии (*Stadien*) и манифестации ИС (*Manifestationen*) [14, с. 17]. Основываясь на классификации вышеупомянутого немецкого лингвиста, приведём примеры различных модифицированных неопределённых ИС, а также дополним эту классификацию примерами модифицированных ИС без сопроводительных слов и в комбинации с определённым артиклем, что, согласно данным «Граматики современного немецкого языка» [9, с. 309], вполне допустимо. Проследим референциальные функции данных языковых выражений в контексте. Приведём примеры, где ИС употребляются с сопроводительными словами в функции именованья: (12) *An einem Morgen im September 1940...erfuhr eine gewisse Luise Meunier, Frau eines Drehers, Mutter von drei Kindern, dass man in einem Geschäft im XIV. Arrondissement Eier kaufen konnte* [25, с. 610]; (13) *Sie glaubt dem Fremden nicht seine sechs Jahre von damals, sie überhört seine germanische Aussprache, denn er soll ein Charlie Baker sein, der blickte wie er, der ging wie er* [18, с. 363]. Важно отметить, что в данной функции невозможно употребление ИС с определённым артиклем, а только с неопределённым или во множественном числе [14, с. 18]. Референция с помощью ИС в примерах (12), (13) отличается от обыкновенного употребления ИС тем, что здесь производится референция не по отношению к единственному, наиболее известному носителю данного имени, а по отношению к каждому носителю имени, ко всем носителям данного имени одновременно. Подобное ИС приобретает значение «человек по имени N», «люди, носящие имя N».

Метонимическое употребление модифицированных ИС можно проиллюстрировать следующими примерами. ИС без сопроводительных слов: (14) *... der Rhein der lieblichen mitterrheinischen Madonnen fließt auf Rembrandt zu und verliert sich in den Nebeln der Nordsee* [4, с. 116]; (15) *An Karl May habe ich lesen gelernt, im schulmäßigen und im literarischen Sinn* [8, с. 150]; (16) *Am nächsten Morgen im Radio Mendelssohn wie Schumann gespielt von einem Pianisten der zum Schluss nicht genannt wird* [21, с. 404].

ИС с определённым артиклем (в примере (17) имеется в виду название кафе): (17) *Bald werden diese sanften Machthaber ihre Schanze auf der Chantarelle verlassen und wohl einzeln, jeder für sich in verschiedene Weltrichtungen und –märkte verschwinden...* [11, с. 279].

ИС с неопределённым артиклем: (18) *... und ob er schon einen 12 bändigen Pierer besaß...* [24, с. 586]. В примерах (14)-(18) происходит перенос

референции с конкретного лица на некоторый объект, имеющий какое-либо отношение к данному лицу. Имена известных писателей, художников, композиторов часто соотносятся в речи с их произведениями, производителями товаров – с их продукцией и т. п. [14, с. 18]. Подобные случаи употребления ИС наглядно доказывают разницу в референции ИС с сопроводительными словами и без сопроводительных слов.

Метафорическое употребление ИС отличается от метонимического тем, что основой переноса в данном случае выступает сходство (некоторых) качеств, черт характера изначального обладателя ИС и лица, в отношении которого производится референция в тексте [14, с. 19]. К примеру, ИС в данной функции без артикля: (19) *Diese Konstellation, soviel war schon abzusehen, ließ ihren Kindern gar keine andere Chance, als opportunistisch sich zu unterwerfen oder fehlgerichtet zu rebellieren, Abel und Kain zu werden...* [22, с. 444].

ИС с определённым артиклем: (20) *Der scheinheilige Tartuffe kann in unserer Gesellschaft nicht überleben...* [12, с. 286].

ИС с неопределённым артиклем: (21) *Stattdessen habe ich aufzunehmen das große schwere „Ja“ (eines Rilke zum Beispiel)* [27, с. 633]; (22) *Aber hatten die Amerikaner nicht auch einen Thoreau?* [28, с. 638]

В примерах (19)-(22) между понятиями существенных признаков и объектами, обладающими (или способными, вознамерившимися обладать) этими признаками, существует устойчивая взаимосвязь, что выступает основой переноса обозначения признака на предмет/лицо внеязыковой действительности [1, с. 25]. Строго говоря, метонимическую и метафорическую референциальные функции ИС можно объединить в одну, с той лишь разницей, что в первом случае производится референция по отношению к объектам/предметам внеязыковой действительности, а во втором – к лицам. Метонимическое использование ИС в речи – благодатная тема для исследований, которой посвящено значительное количество работ, в том числе на диссертационном уровне (см. подробнее [1]).

К. фон Хойзингер уделяет особое внимание субиндивидуальному употреблению ИС (с определённым и неопределённым артиклем, различными кванторами), т.е. такому использованию ИС, когда референция осуществляется к изначальному обладателю имени, представленному на определённом этапе своего развития, на определённой возрастной стадии, в определённой социальной роли. Сообразно этому указанный автор различает стадийное употребление ИС и манифестационное (от англ. *manifestation* – проявление, пример) [14, с. 21-22]. Приведем несколько примеров и проанализируем их. ИС в стадийной функции с определённым артиклем: (23) *Zweiffellos, gibt es zwei Rheine: den oberen, den Weintrinkerrhein, den unteren, den Schnapstrinkerrhein...* [6, с. 115]; (24) *Diese bekehrte Nina ist eine tragische Figur* [20, с. 394]. В примере (23) производится референция по отношению к реально существующему объекту действительности (река

Рейн), представленному, однако, не полностью, а частями, отрезками своего течения, которые мы и рассматриваем в качестве «стадий». В примере (24) с помощью выделенного выражения осуществляется соотнесенность с новой стадией в духовном развитии данного лица, неким новым состоянием.

ИС в стадийной функции с неопределённым артиклем, притяжательным местоимением: (25) *Mein Rhein fängt hier an, er wechselt in Gelassenheit und Schwermut über...* [6, с. 116]; (26) *Ein ehemaliger Melker, jetzt drei Monate hier, sagt mir...* [30, с. 656]. В (25), так же как и в (24), подчёркнутое выражение референциально соотносится лишь с определённой частью объекта внеязыковой действительности. Кроме того, этой части присваиваются черты, заметные лишь автору высказывания и связанные с чувством привязанности. Пример (26) демонстрирует возрастную стадию некоего лица, референция производится по отношению к прошлому, на данный момент неактуальному состоянию человека. Референция подобных ИС отличается от референции простых ИС тем, что происходит соотнесённость данных выражений не только с конкретным лицом, объектом внеязыковой действительности, но и с конкретным этапом в жизни данных лиц, существовании данных объектов. Поэтому здесь важно значение каждого сопроводительного слова при ИС.

Приведём примеры ИС в функции манифестации с определённым артиклем и другими детерминантами: (27) *...ich habe während des Winters in feinen Hotels gewohnt, die nahe am Fluß lagen, und mein Rhein war nie der Sommer-Rhein* [6, с. 115]; (28) *Und ich habe immer noch Angst vor dem Rhein, der im Frühjahr böse werden kann...* [6, с. 117]; (29) *Mein Rhein ist der Winterrhein, der Rhein der Krähen...* [6, с. 116-117]; (30) *Wie der asoziale Kleinbürger May beim Schreiben, reagierte das Kind beim Lesen sich Komplexe ab* [8, с. 149]; (31) *Er war vor die von namenlosem grauen durchflutete Millicent hingetreten und rief ihr diese Worte buchstäblich ins gesicht* [4, с. 40]. (пунктуация авторская. – В.П.). Примеры (27)-(29) демонстрируют объект внеязыковой действительности, по отношению к которому производится референция, в четырёх манифестациях, три из которых соответствуют временам года, а четвертая представляет собой, вероятно, наиболее запомнившееся автору текста проявление реки Рейн. В примере (30) К. Май, знаменитый немецкий писатель, выступает в одной из ипостасей человека – в роли мелкого буржуа. В примере (31) героиня произведения показана в состоянии страха, которое также можно рассматривать как одну из возможных манифестаций человека.

ИС в функции манифестации с неопределённым артиклем и притяжательными местоимениями: (32) *Mein Rhein ist dunkel und schwermütig...* [6, с. 114]; (33) *...der Genosse Kuhnt also hat mit dem Finger auf meine Person gewiesen, deutlich und unmissverständlich, und gesagt, der Genosse Bobrich ist der Zuverlässigsten einer, unser Arno, jawohl...* [16, с. 301]; (34) *Meine Ottakringerstraße gibt es nicht mehr* [23, с. 526]. В примерах (32)-(34) референ-

ция по отношению к объектам внеязыковой действительности дополняется своеобразной коннотацией – проявлением свойств, характерных черт данных объектов в глазах людей. Связь свойств и объекта действительности постепенно индивидуализируется, благодаря чему можно сказать «мой Рейн» и т.п.

(35) *Man darf... nicht vergessen, dass Johathan Swift, sein Verfasser, noch keine Demokratie erlebt hatte: wie sollte sein Gulliver sich äußern über Militär-Justiz in der heutigen Schweiz!* [9, с. 228]. С референциальной точки зрения с помощью языкового выражения *Gulliver* производится референция по отношению к литературному персонажу; употребление притяжательного местоимения при данном ИС, в свою очередь, свидетельствует об определённых характерных чертах, которыми он наделен. Следовательно, данное ИС в комбинации с притяжательным местоимением следует рассматривать как совокупность определённых черт, присущих Гулливеру и отличающих его от других литературных героев. Выражение *sein Gulliver* следует интерпретировать именно как персонажа произведения Дж. Свифта, обладающего теми качествами, которыми его наделил автор.

(36) *Mein Rhein ist der Winterrhein, der Rhein der Krähen, ... ein Breughel Rhein, ... der stille Rhein...* [6, с. 116-117]. С помощью подчеркнутого языкового выражения в примере (36) осуществляется референция по отношению к реальному объекту внеязыковой действительности, представленному, однако, сквозь призму восприятия голландского живописца П. Брейгеля.

Таким образом, использование ИС в функции манифестаций имплицитно референциальную соотнесённость данных языковых выражений не только с конкретным лицом/объектом внеязыковой действительности, но и с определённым его проявлением, что отличает подобное употребление ИС от соответствующего без сопроводительных слов.

Подведём итог. Анализ употребления ИС показал, что они могут использоваться, во-первых, без сопроводительных слов и быть соотнесёнными с конкретными лицами/объектами внеязыковой действительности. Во-вторых, ИС могут выступать в комбинации с определённым артиклем или другим детерминантом, а также с неопределённым артиклем, притяжательным местоимением, несогласованным определением, что вносит существенные изменения в референцию, осуществляемую с помощью таких языковых выражений. Как показала интерпретация приведённых в работе примеров, эти отличия заключаются в том, что референция может производиться по отношению к: каждому лицу/объекту, носящему данное ИС; некоему объекту, именуемому с помощью ИС лица; лицу/объекту, перенявшему характерные черты обладателя ИС; лицу/объекту на определённой стадии своего развития; лицу/объекту в определённой манифестации.

Ниже приведена сводная таблица использования ИС в речи. Таблица составлена методом сплошной выборки из 31 произведения современной немецкоязычной прозы (всего 94 примера).

модифицированные ИС		ИС без сопроводительных слов	ИС с определённым артиклем и другими детерминантами	ИС с неопределённым артиклем, притяжательными местоимениями
	именование	—	—	+
	метонимия	+	+	+
	метафоры	+	—	+
	стадии	—	+	+
	манифестации	—	+	+

В соответствии с тем, каким образом употреблено ИС, наблюдаются различия в референции этих языковых выражений. Так, с помощью ИС без сопроводительных слов может осуществляться референция как по отношению к действительным носителям этих ИС, так и по отношению к объектам, предметам реальности, обозначенным этими ИС ассоциативно (в функции метонимического и метафорического переноса). С помощью ИС, употреблённых с определённым артиклем или иными детерминантами, также может осуществляться референция прямо по отношению к носителям этих ИС, по отношению к обозначаемым этими ИС объектам/предметам действительности и, кроме того, различным стадиям и манифестациям носителей ИС. Отметим, что ИС без сопроводительных слов не могут выполнять последнюю функцию, поскольку обязательное употребление определения (согласованного или несогласованного) в комбинации с ИС влечёт за собой и употребление сопроводительного слова. Исследование также показало, что ИС в сочетании с неопределённым артиклем, притяжательными местоимениями никогда (или практически никогда) не выступают в своём прямом значении. С референциальной точки зрения подобные ИС соотносятся либо с объектами/предметами действительности, ассоциативно перенявшими свойства, характеристики обозначаемых с помощью данных ИС лиц, географических названий и т.п., либо с определёнными стадиями и манифестациями объектов-носителей ИС.

Таким образом, референциальные возможности имён собственных, на наш взгляд, шире, чем таковые остальных языковых выражений: выступая в речи без сопроводительных слов или с ними, ИС могут соотноситься как индивидуальными лицами, объектами/предметами внеязыковой действительности, так и с их определёнными проявлениями, стадиями, а также они могут указывать на типичных представителей какого-либо класса объектов при переходе в разряд имён нарицательных.

Список литературы

1. Бич М. Я. Метонимическое использование имен собственных в современных русском, испанском и английском языках: На материале газетных текстов: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995.

2. Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1982. – Вып. 13. Логика и лингвистика. Проблемы референции.
3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.
4. Artmann H. C. Im Golg von Carpentaria // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 35-42.
5. Bichsel P. Der Oberst und sein Otto // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 92-95.
6. Böll H. Undines gewaltiger Vater // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 114-117.
7. Böll H. Bekenntnis zur Trümmerliteratur // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 117-121.
8. Bruyn de G. Wie ich zur Literatur kam // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 148-152.
9. Frisch M. Glück // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л.Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 232-237.
10. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Duden Bd. 4). – Dudenverlag Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2006.
11. Handke P. Eine Erzählung aus vierzehn und einem Guß // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 277-279.
12. Hein Ch. Eure Freiheit ist unser Auftrag // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 282-286.
13. Hein Ch. Unverhofftes Wiedersehen // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 287-291.
14. Heusinger v. K. Zur Grammatik indefiniter Eigennamen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – Stuttgart, 2010. – S. 1-30.
15. Heusinger v. K., Wespel J. Indefinite Eigennamen in generischen Sätzen: Quantifikation über Manifestationen von Individuen // Linguistische Berichte, 2009. – S. 1-34.
16. Heym S. Der Zuverlässigsten einer // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 301-306.
17. Jaeggi U. Renate // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л.Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 339-343.
18. Johnson U. Ach! Sie sind ein Deutscher? // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 362-363.
19. Kempowski W. Immer so durchgemoggelt // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 380-386.
20. Kesten H. Luise Rinser // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 387-395.
21. Kirsch S. Mainacht // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л.Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 404.

22. Kunert G. Bibel // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 444-445.
23. Nöstlinger Ch. Die Ottakringerstraße // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 524-529.
24. Schmidt A. Meine Bibliothek // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 584-591.
25. Seghers A. Das Obdach // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 610-615.
26. Steinke U. Ich kannte Talmann // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 620-629.
27. Strauss B. Paare (Auszug) // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 630-636.
28. Strittmatter E. Bei Tolstois // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 637-639.
29. Vater H. Eigennamen und Gattungsbezeichnungen // Muttersprache, 75. – Lüneburg: Heliand, 1965. – S. 207-213.
30. Wallraff G. Im Akkord // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1. – С. 652-661.

Словообразовательное калькирование заимствованных слов с конфиксом как источник синонимии в немецком языке

В статье рассматриваются калькируемые сложные заимствованные слова, имеющие в своем составе такие словообразовательные элементы, как конфиксы, и их автохтонные эквиваленты. Проводится структурный анализ заимствованных и автохтонных слов. Выявляются синонимичные пары, образованные в результате словообразовательного калькирования, а также предпочтительное употребление того или иного слова.

The article deals with complex traced borrowed words, having in its composition such derivational elements as confixes and their autochthonous equivalents. Carried out a structural analysis of borrowed and autochthonous words and compare their structural composition. Identifies synonymous pairs, formed by derivational tracing, with their preferable usage.

Ключевые слова: калька, словообразовательное калькирование, точная калька, неточная калька, полукалька, конфикс, полные синонимы, квазисинонимы, стилистические синонимы.

Key words: calque, word-formating calques, accurate calque, inaccurate calque, half-calque, confix, full synonyms, quasisynonyms, stylistic synonyms.

В современной лингвистике существует немало определений термина калька. Термин калька происходит от французского *calque* – «копия на прозрачном листе; подражание» [13, с. 31]. Многие определения кальки содержат такой компонент, как перевод. Так, В. В. Виноградов считает кальку буквальным переводом морфологических элементов иноязычного слова, «точной съемкой морфемы за морфемой» [5, с. 162]. О. С. Ахманова также рассматривает кальку как «заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота речи» [3, с. 188]. В. А. Ткаченко причисляет кальку к заимствованиям, но не прямым, а «скрытым», то есть переводным [11, с. 178]. Румынский исследователь Ч. Апреотесей наряду с технической стороной учитывает также влияние внешних факторов на процесс калькирования: «кальки – явление языкового контакта, сознательное или стихийное, реализованное внутренними ресурсами по внешней модели, при котором более или менее точно перемещаются из одного языка в другой лексико-семантические, фразеологические и морфосинтаксические структурные единицы [2, с. 85-86].

Необходимо отметить, что не следует отождествлять калькирование и перевод. Посредством калькирования образовывается новое слово, возникает новая модель. Калькирование имеет существенное отличие: «оно само создает средства перевода» [6, с. 41]. В основе калькирования в отличие от перевода лежит использование мотивированности, то есть внутренней

формы калькируемого объекта. Различно рассматриваются калькированные единицы относительно принадлежности их к категории заимствованных слов. Многие лингвисты единогласно считают кальку заимствованием, но не прямым, а «скрытым» [11, с. 178], «опосредованным» [12, с. 17]. Но ряд авторов противопоставляют кальки и заимствования. Н. М. Шанский пишет, что словообразовательные кальки, несмотря на то, что они заимствуют структуру иноязычного слова, не являются заимствованиями [13, с. 106]. Вслед за ним Ефремов утверждает, что в результате процесса калькирования «заимствование происходит не прямо, а опосредствуется использованием мотивированности калькируемого объекта и актом калькирования» [6, с. 30], и не причисляет кальки к заимствованиям. Автор считает, что калькирование и лексическое заимствование явления «разные», «смежные», ввиду того, что лексическое заимствование является «немотивирующим». Возникновение калек обусловлено тесными контактами носителей языков и их билингвизмом, то есть хорошим знакомством с языком, с его лексико-семантической системой и синтаксическим строем [8, с. 20]. Немаловажным условием для возникновения калек в языке является также хорошо развитая деривация и словосложение.

Предметом нашего внимания в статье является словообразовательное калькирование, которое является источником создания синонимии, если калькируемое иноязычное слово и его словообразовательная калька одновременно функционируют в языке-реципиенте. Актуальность исследуемого вопроса обусловлена тем, что в немецком языке обнаружены синонимы типа «иноязычное слово» – «автохтонное слово», являющееся словообразовательной калькой иноязычного, а также «иноязычное слово» – «гибридное слово», состоящее из иноязычного и автохтонного компонентов как результат частичного калькирования. Какое слово синонимичной пары (словообразовательная калька или ее иноязычный прототип) является предпочтительным в той или иной ситуации, более частотным, до сих пор не выяснено. Актуальность заключается и в повышенном интересе к проблеме словообразования с заимствованными элементами, гибридным образованиям, которые занимают промежуточную позицию между иноязычным и автохтонным словом.

Под словообразовательным калькированием понимается образование нового слова из материала родного языка под влиянием иностранного слова [9, с. 63]. Словообразовательное калькирование слова возможно только в том случае, если структура калькируемого объекта многоморфемна, то есть, помимо корневой, она должна включать «как минимум одну аффиксальную морфему» [1, с. 17]. Широко известна традиционная классификация словообразовательных калек, разработанная В. Бетцем. В. Бетц делит словообразовательные кальки на две группы: структурные кальки и кальки-образования. Структурная калька представляет собой поморфемный перевод иноязычного слова (*Lehnübersetzung*): *Flaschenhals* от англ. *bottle-*

neck. Если же словообразовательная калька является формально независимым от иноязычного слова новообразованием, то речь идет о калькеобразовании (*Lehnschöpfung*): *Kontaktpflege* или *Meinungspflege* от англ. *public relation*. В свою очередь структурные кальки подразделяются на такие, которые строго соответствуют объекту калькирования, то есть переводные кальки и кальки-толкования (*Lehnübertragung*), которые менее точно воспроизводят иноязычное слово: *Wolkenkratzer* от англ. *skyscraper*.

Структурная классификация словообразовательных калек выделяет кальки «точные» или совпадающие с калькируемым объектом и «неточные», то есть имеющие расхождения в структуре с оригиналом [7, с. 61]. Здесь следует различать кальку неточную и полукальку.

Э. Хауген, который занимается исследованием проблемы внешних и внутренних заимствований, различает с точки зрения структурной дифференциации заимствований наряду с прямым заимствованием и полной морфологической подстановкой случаи частичной морфологической подстановки, которые являются гибридными образованиями: слова, не обнаруживающие какой-либо морфологической субституции, соответствующие полностью прототипу в языке источнике (заимствования); слова с полной морфологической подстановкой (кальки); слова с частичной морфологической субституцией, частично состоящие из иноязычных элементов, гибридные образования [14, с. 350-352]. В процессе калькирования обязательно происходит перевод корневой морфемы, выбор аффикса зависит от сочетаемости «деривационно-мотивирующих единиц» языка-реципиента. И, как указывает Л. П. Ефремов, калькирование может быть осуществлено при помощи аффикса «если не совсем эквивалентного, то во многом соответствующего как деривационно-мотивирующая единица аффиксу, входящего в состав калькируемого объекта» [6, с. 47].

В данной статье мы рассматриваем в качестве калькируемых объектов сложные заимствованные слова, имеющие в своем составе такие словообразовательные элементы, как конфиксы, выявляем их синонимичные автохтонные соответствия, проводим анализ и сравниваем структурный состав объекта калькирования и автохтонного слова, степень их синонимичности, а также предпочтительное употребление того или иного слова.

Языками-донорами для большей части калек в немецком языке служат латинский и английский языки, в меньшей степени французский, итальянский, нидерландский и русский. Чаще всего калькируется лексика из научной сферы. Словообразовательные кальки в немецком языке – это в большинстве своем сложные слова, но нередки случаи образования производных слов. При образовании синонимичных автохтонных слов зачастую происходит точное «морфема в морфему» калькирование заимствованного слова: сложные слова – *Buchmacher* – *bookmaker* – английские существительные *book* и *maker* переводятся на немецкий язык *Buch* и *Macher*; *seegehend* – от англ. *seagoing*, где английское *sea* переводится немецким *See* и

причастие *going* переводится также причастием *gehend*; производные слова – *Missbündnis* – *mesalliance* – французская приставка *mes-* переводится немецкой *Miss-*, и корневые морфемы также соответствуют друг другу *alliance* и *Bündnis* (союз). В отдельных случаях при калькировании сложных слов меняется порядок компонентов, например: *Völkerwanderung* от латинского *migratio gentium*, где *migration* – переход, переезд и *gens* – народность. Иногда сложное слово образовывается в результате калькирования словосочетания: *Tagesordnung* – от англ. *order of the day* (распорядок дня).

При образовании калек в сфере науки языками-донорами являются латинский и греческий, объектами калькирования выступают чаще всего сложные слова, одним из структурных компонентов которых является конфикс. Под конфиксом (от лат. *configere* «соединять друг с другом») мы понимаем, вслед за немецкими германистами, такую связанную производящую основу, как *bio-*, *-therm-*, *-drom* [17, с. 144-159]. Вместе с лексемой/словом или другим конфиксом они образуют композиты (*Thermostat*), с суффиксом дериваты (*Thermik*).

Если объект калькирования имеет структуру «конфикс+основа», то кальки имеют структуру «основа+основа»: *Neurotoxin* (от греч.) – *Nervengift* (яд, действующий на нервную систему), где *Neuro-* – *Nerven-* (нерв) и *toxin* – *Gift* (яд). Как первый, так и второй компонент автохтонного слова являются существительными. Слово *Subdivision* (от лат.) соответствует автохтонному *Unterteilung* (деление, классификация), состоит из конфикса *sub-*, который соответствует автохтонному предлогу *unter* (под), и существительного *divisio* – *Teilung* (разделение), имеет помету в словаре (*Philos.*). В словах *Retrospektive* (от лат.) – *Rückschau*, *Rückblick* конфиксу *Retro-* соответствует автохтонный элемент *Rück-*, который восходит к наречию *zurück* (назад), в качестве производящей основы выступает основа глаголов *specere* – *schauen* (смотреть, видеть). Слово *Retrospektive* имеет словарную помету *bildungsspr.* – «книжное». Конфиксу в препозиции может соответствовать числительное, например: *Hexagon* – *Sechseck* (от лат.) где конфикс *Hexa-* переводится числительным *sechs*, и латинское слово *gonna* соответствует немецкому *Ecke* (угол), в словаре имеет помету *math.* – «матем. термин».

Если калькируемое слово имеет структуру «конфикс+конфикс», то образуемые кальки имеют структуру «основа+основа»: *Neurologe* – *Nervenarzt* заимствованное слово происходит от греческого конфикса *Neuro-*, который синонимичен автохтонному *Nerven-*(нерв), и постконфикса *-loge*, который используется для образования наименований лиц, а именно наименования профессии, рода деятельности и в данном случае эквивалентом выступает автохтонное слово *Arzt* (врач). Конфикс может выступать не только как один из элементов сложного слова, но и в качестве производящей основы в сочетании с суффиксом. Если объект калькирования имеет структуру «конфикс+суффикс» то есть является производным, то авто-

хтонное слово имеет структуру «основа+основа»: *Heliosis (Med.) – Sonnenstich* от греческого *helios – Sonne*; *Myom (med.) – Muskelgeschwulst* от греческого *mys – Muskel*. Слова, образованные автохтонными элементами, являются композитами.

Если структура иноязычного слова «основа+конфикс» *Orthographie* (от лат. *Ortho* (правильный) и греч. *grōphein – schreiben*), то автохтонное слово *Rechtschreibung* имеет структуру «основа+основа», где в качестве первого компонента выступает прилагательное, вторым компонентом является существительное.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что конфиксы переводятся на немецкий язык различными частями речи: существительным, предлогом, числительным, наречием, прилагательным. Все рассмотренные примеры являются двукомпонетными структурами, первый компонент которых и в иноязычном, и в автохтонном слове является определением второму. Представленные калькируемые объекты могут быть словами как сложными, так и производными, автохтонные слова образованы только словосложением. При словообразовательном калькировании заимствованных слов с конфиксом в качестве структурного компонента в большинстве случаев возникают точные кальки, то есть происходит поморфемный перевод калькируемого объекта и при этом перенимается словообразовательная структура. В случае, когда в калькируемом заимствованном слове конфикс выступает в качестве производящей основы и слово в целом является производным, образуются кальки неточные, то есть калькирование осуществляется соответствующими словообразовательными элементами, но не сохраняется структура калькируемого объекта, например: производное слово *Myom* – сложное слово *Muskelgeschwulst*. Таким образом, при калькировании заимствованных слов с конфиксом в качестве одного из компонентов сложного слова наблюдается точность передачи словообразовательной структуры, и структура автохтонной кальки не соответствует калькируемому объекту, в случае, когда конфикс является производящей основой деривата.

Словообразовательное калькирование является одним из способов возникновения синонимов. Как известно, пополнение словарного состава языка синонимами происходят по причинам внешним и внутренним. К внешним причинам можно отнести развитие науки и техники, расширение международных контактов, специализацию профессиональной деятельности людей. Среди внутренних причин появления синонимов мы, вслед за Ж. Вадриесом, выделяем тенденцию к табуизации, эвфемизации и дисфемизации, которую он объясняет как социальными причинами, так и психологией говорящего [4, с. 199-215]. Так, все представленные выше пары слов являются синонимами: *Neurotoxin – Nervengift*, *Subdivision – Unterteilung*, *Retrospektive – Rückschau, Rückblick*, *Hexagon – Sechseck*, *Neurologe – Nervenarzt*, *Heliosis – Sonnenstich*, *Myom – Muskelgeschwulst*, *Orthographie –*

Rechtschreibung. Необходимо отметить то, что если заимствованное слово более узкое и специальное, то калька получает более общее, широкое значение. Сравним: «...ist das kein Beweis für eine Demenz, wohl aber ein Grund, sich von einem *Nervenarzt* beraten zu lassen.» и «Zu dieser Erkenntnis gelangte der *Neurologe* Alan Hirsch aus Chicago in einer Studie mit 750 Personen» [20].

Существует общепринятая классификация синонимов, данная В. В. Виноградовым: синонимы могут быть полными, или абсолютными, и неполными, частичными. Неполные, частичные синонимы в свою очередь можно отнести к идеографическим (смысловым) и/или стилистическим [10, с. 53-55]. Слова в синонимичных парах *Neurologe* – *Nervenarzt*, *Orthographie* – *Rechtschreibung* являются полными, или точными синонимами, так как толкование значения иноязычных и автохтонных слов в словаре полностью совпадает, более того, заимствованные слова объясняются через значение автохтонных слов. Слова в синонимичных парах *Retrospektive* – *Rückschau*, *Rückblick* и *Heliosis* – *Sonnenstich* мы относим к неполным (неточным), или квазисинонимам. Слово *Retrospektive* совпадает со словами *Rückschau*, *Rückblick* в первом значении (взгляд в прошлое), второе его значение *Präsentation* (представление). Слово *Retrospektive* имеет словарную помету *bildungsspr.* – «книжное», поэтому мы определяем слова *Retrospektive* – *Rückschau*, *Rückblick* как стилистические синонимы. Слово *Heliosis* имеет также два значения *Sonnenstich* (солнечный удар) и *Hitzschlag* (тепловой удар) и также отмечено словарной пометой *med.*, то есть оно является медицинским термином, поэтому синонимичную пару *Heliosis* – *Sonnenstich* следует считать стилистическими синонимами. В следующих примерах иноязычные слова являются терминами: *Neurotoxin* (термин медицины) – *Nervengift*, *Subdivision* (термин философии) – *Unterteilung*, *Hexagon* (термин математики) – *Sechseck*, *Myom* (термин медицины) – *Muskelgeschwulst*, а словообразовательные кальки – общеупотребительными словами. Следовательно, заимствованные слова и их кальки являются стилистическими синонимами.

Ввиду того, что большинство заимствованных слов имеют терминологическое значение, частотность их употребления значительно ниже, чем у автохтонных слов в текстах современной немецкоязычной прессы, сравним: *Neurotoxin* – *Nervengift* – 20 случаев употребления слова к 554 соответственно; *Subdivision* – *Unterteilung* – 13:1262; *Retrospektive* – *Rückschau*, *Rückblick* – 9421:46565; *Heliosis* – *Sonnenstich* – 1:546; *Orthographie* – *Rechtschreibung* – 861:9057 [20]. А частотность таких заимствованных слов, как *Neurologe*, *Hexagon* и *Myom*, выше, чем у их автохтонных синонимов. Более высокую частотность употребления заимствованного слова *Hexagon* можно объяснить тем, что у говорящего возникает потребность уточнить, детализировать понятия, сравним: «Wer den Luxus eines Kofferraumes genießen möchte, für den gibt's nun die *Hexagon* ebenfalls mit 125 ccm» и «Ein blaues *Sechseck* weist den Weg auf der „Metropolroute“ durch das einst größte

Steinkohlegebiet Europas» [20]. В случае со словами *Neurologe* и *Myom* столь высокая частотность связана скорее с психологическими причинами, так как данные слова послужили переобозначением чего-то неприятного и внушающего страх, то есть являются эвфемизмами, сравним: *Myom* (миома) – *Muskelgeschwulst* (досл. опухоль мышцы); *Neurologe* (невролог) – *Nervenarzt* (врач, лечащий заболевания нервной системы).

В заключение отметим, что в большинстве случаев образованные в результате словообразовательного калькирования синонимы являются стилистическими синонимами и частотность употребления калек в общепотребительном языке выше, чем у объектов калькирования, которые относятся к терминологии языков для специальных целей. В результате исследования мы обратили внимание на различие синонимов типа «заимствованное слово – автохтонное слово», образованных путем словообразовательного калькирования, показали нюансы их употребления, выявили возможные условия их взаимозамены.

Список литературы

1. Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
2. Апреотесей Ч. Кальки славянского происхождения в румынском языке // *Romanoslovia*. – 1983 – Т. 21 – С. 85 - 95.
3. Ахманова О. С. О принципах и методах лингвостилистического исследования. – М., 1966.
4. Вадриес Ж. Язык. – М., 2001.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
6. Ефремов Л. П. Основы теории лексического калькирования. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1974.
7. Жабина Е. В. Англо-американские заимствования в лексике современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2001.
8. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968.
9. Матвеева О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005.
10. Ольшанский И. Г. Гусева А. Е. Лексикология. Современный немецкий язык. – М.: Академия, 2005.
11. Ткаченко В. А. Теоретические и практические аспекты калькирования // *Языковые ситуации и взаимодействие языков*. – Киев: Наукова Думка, 1989. – С. 178 - 193.
12. Федорцова В. Н. Интернациональные модели в современном немецком словообразовании. Учебн. пособие по спецкурсу. – Самара. 1991.
13. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972.
14. Хауген Э. Языковой контекст // *Новое в лингвистике*. – М.: Прогресс, 1972. – С. 344-388.
15. Betz W. Deutsch und Lateinisch. Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. – Bonn, 1949.

16. Carstensen B. Galinsky H. Amerikanismen der deutschen Gegenwartssprache. Entlehnungsvorgänge und ihre stilistischen Aspekte – 3. Aufl. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1975.

17. Donalies E. Das Konfix. Zur Definition einer zentralen Einheit der deutschen Wortbildung // Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. – Berlin, 2000. – H. 2. – S. 144-159.

Источники примеров

18. DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bänden. – Mannheim, Wien, Leipzig: Dudenverlag, 1999.

19. Онлайн-словарь немецкого языка информационно-справочной системы института немецкого языка. – [Электронный ресурс]: <http://www.owid.de>.

20. Корпус письменных текстов Института немецкого языка. – [Электронный ресурс]: <http://www.ids-mannheim.de>.

К вопросу о главном члене односоставного глагольного предложения в славянских языках

В статье рассматриваются способы выражения главного члена славянского глагольного односоставного предложения, подробно описывается безличное предложение.

The article discusses the main member of the one-membered sentence in Slavic languages; the impersonal sentence is investigated in detail.

Ключевые слова: односоставное предложение, безличное предложение, инфинитивное предложение, безличный предикатив, безличный глагол, результативное состояние.

Key words: one-membered sentence, impersonal sentence, infinitive sentence, impersonal predicative, impersonal verb, result state.

При характеристике главного члена односоставного предложения учитывается прежде всего его глагольный или неглагольный характер и возможность подстановки формы со значением носителя действия/состояния в предложение лично-глагольной структуры.

Во всех славянских языках среди глагольных предложений различают лично-глагольные, безличные и инфинитивные предложения, хотя терминологическое единство при обозначении разных типов соблюдается не всегда, и круг предложений, подводимых под соответствующий разряд, включает разное количество структур. Так, при характеристике односоставного глагольного предложения в белорусистике, наряду с термином «няпэўна-асабовыя сказы» и «пэўна-асабовыя сказы», в справочнике «Беларуская мова: Сінтаксіс і пунктуацыя» У. К. Андрееенко и М. С. Явневича употребляются термины «неазначальна-асабовыя» (неопределённо-личные) и «азначальна-асабовыя» (определённо-личные) предложения [5, с. 186]. Русскими сербскохорватистами в сербском/хорватском языке отмечаются те же типы односоставных предложений, что и в русском, при этом отмечается спорность данной классификации у зарубежных лингвистов. Так, М. Минович выделяет три типа односоставных предложений: безличные, номинативные и инфинитивные, а М. Стеванович, Ж. Станойчич, Л. Попович и С. Мицич выделяют как односоставные лишь безличные предложения, называя прочие предложениями с невыраженным главным членом [10, с. 104 – 105].

Следует сказать о разной степени распространённости односоставного предложения в славянских языках: так, в сербском/хорватском языке этот тип предложения менее распространён, чем в русском, и обладает выраженной книжно-стилистической окрашенностью.

Специфической особенностью украинского языка является наличие односоставного предложения с несклоняемыми формами на *-но/-то* от причастного происхождения в роли главного члена и зависимым от данного члена объектным дополнением в форме винительного падежа, причём на русский язык указанные формы переводятся краткими страдательными причастиями прошедшего времени, а объектное дополнение заменяется подлежащим с объектным значением: *крамницю зачинено* «магазин закрыт», *склянку розбито* «стакан разбит», *їх засуджено* «они осуждены» [3, с. 107]; исходно подобные сказуемые на *-но/-то* представляют собой застывшие формы нечленного страдательного причастия прошедшего времени, выступающие в безличном предложении со значением результативного состояния. Встречаются формы на *-но/-то* в безличном предложении и в диалектах белорусского языка: Тут *їх поселяно* за паншчыны; стог *украджено* [7, с. 303].

В славянских языках среди односоставных глагольных предложений первое место занимают определённо-личные с главным членом – личной глагольной формой 1–2 лица обоих чисел изъявительного или повелительного наклонений; указание на конкретное лицо/конкретные лица содержится в глагольных окончаниях, поэтому данные предложения не нуждаются в наличии субъектно-местоимённой формы, если только речь не идет об акцентировании лица, противопоставленности лиц или же, с другой стороны, об официально-деловом тексте. Подобные предложения лаконичны и динамичны по сравнению с полными двусоставными предложениями: рус. Тогда раздался сорванный, хрипловатый голос прокуратора, по-латыни сказавшего: – *Развяжите* ему руки (БЛГ 21); белор. *Выйду. Гукаю. Маўклівы прастор. Пахне чабор* (Ков 188); укр. На безоружного з бартков *не йду!*. (Коц 148).

Неопределённо-личное предложение в роли главного члена содержит глагол в форме 3 лица мн.ч. настоящего/будущего времени, в форме мн.ч. прошедшего времени или сослагательного наклонения, что свидетельствует об акцентировании именно действия, а не лиц – производителей его. Подобное лицо может быть конкретно неопределённым, неизвестным, хотя ближайший контекст или ситуация речи, с одной стороны, ограничивают круг причастных к происходящему/ происходившему/ потенциальному действию, а с другой, помогают определить конкретных исполнителей действия, причём за формой множественного числа может реально скрываться как несколько лиц, так и одно лицо: рус. А в половине одиннадцатого явилась милиция. Первый же и совершенно резонный её вопрос был: – Что у вас тут происходит, граждане? В чём дело? <...> Рыдающую мадам Римскую, сколько можно успокоив, *отправили* домой и более всего *заинтересовались* рассказом уборщицы о том, в каком виде был найден кабинет финдиректора. Служащих *попросили* отправиться к своим местам и заняться делом... (БЛГ 170–171); белор. І Юрку ўжо *не бяруць* у кіно (Ков

186); серб./хорв. Пошто је био много цењен у војсци, *додељиваху* му важне послове у народу. *Премештаху* га сваки час, да умирује тај свет, који се сваки час селио (ЦС 1 – 20); болг. – Видях те от прозораца – рече той – зле куцаш. Защо не остана в болницата? – *Изписаха* ме. Место нямало. *Докараха* тежко ранении, а нас – по-здравите – ни *изритаха* (Паш 392).

В сербском/хорватском языке неопределённо-личные предложения употребляются реже, чем в русском, и часто выступают в роли вводных предложений, содержащих ссылку на источник сообщения: Пођоше, дакле, по снегу и вихору у саоницама. *Кажу* ни сузу пустио нисам (ЦД 44). – ср.: *Крстили су* ме негде далеко, у некој старој грчкој, цинцарској, цркви (ЦД 44).

Более характерны для сербского/хорватского языка следующие конструкции, синонимичные неопределённо-личным предложениям:

1) безличные предложения со сказуемым, выраженным безличной формой личного глагола с частицей *се*: Међутим *се* у кући Комесаровој, где је спавао предводитель пука, *сазнало* за све што беху ноћас по Печују «пандури» починили (ЦС 1 – 30);

2) двусоставные предложения с объектным подлежащим и сказуемым – глаголом в форме страдательного залога: Укор је био «ex Consilio Bellico» и тежак удар за старог војника. Један од оних удараца који скраћају живот, а *који се*, у старости, више *не очекују*, *не схватају*, *не заслужују* (ЦС 2 – 13);

3) двусоставные предложения со сказуемым – страдательным причастием в сочетании со вспомогательным глаголом: Кад *су* из затвора *изведени затвореници*, окренуо је главу и наставио да одбија густе димове на свом, швапском, камишу (ЦС 2 – 20).

В польском языке употребляются так называемые безличные обороты, образуемые прибавлением частицы *się* к форме 3 л. ед. ч. невозвратного глагола, управляющего той же падежной формой, что и в личной конструкции. Управляемая именная/местоимённая форма выступает в обоих числах, тогда как глагольная форма всегда употребляется в единственном числе: *W stołowym jadło się, spało, robiło się* “egzersysy” (Putr 6). При образовании форм прошедшего времени используются формы на *-o*, образованные от основы страдательных причастий переходных и непереходных глаголов: *Usadzono* ich według alfabetu (Putr 128); *Grali* po obiedzie. *Volka nie wzięto*, stał pod bramką (Putr 51).

Славянское обобщённо-личное предложение имеет в качестве главного члена личную глагольную форму 2 л. ед. ч., 3 л. мн. ч. или форму 2 л. повелительного наклонения, причём действие может быть отнесено как к говорящему, так и к любому другому лицу. Главный член подобных предложений может быть выражен также формами 1 л. мн. ч. и 3 л. мн. ч. Подобные предложения отличает значение вневременности: рус. – О, город Ершалаим! Чего только *не услышишь* в нём (БЛГ 19); белор. Хваробы *ле-*

чаць і атрутамі (Ков 186); укр. Але Палагна була фудульна, її силком *не візьмеш* (Коц 13); серб./хорв. У кожи сваког правог Шибенчанина живи њежан трубадур, крут ускок и вриједан тежак; како кад *дирнеш* коју жицу, искочиће један од тројства (Серб 28); болг. Добрият човек *ще познаеш* по огњя. Злите хора оставят подир себе си пожарища; добрият човек оставя отподире си огнища (Паш 344).

Широко распространены в славянских языках пословицы, представляющие по форме обобщённо-личные предложения: рус. Без труда *не вытацишь* и рыбки из пруда (КП 159); белор. Агню, любві і кашулю *не ўтоіш* (КП 273); укр. Не в свої сани *не сідай* (КП 332); болг. Од себе си *не можеш да избягаш* (КП 292); серб./хорв. *Пружи се* према губеру (КП 313); чеш. *Nechval dne před večerem* (КП 345).

Славянское безличное предложение отличается от вышперечисленных типов тем, что в него нельзя подставить субъектной формы с агентивным значением, поскольку этого не позволяет структура, и действие мыслится само по себе происходящим; если же речь идет о лице, то это лицо является носителем состояния, воспринимаемого извне. Выделяются две разновидности безличных предложений в зависимости от способа выражения главного члена: 1) глагольное безличное предложение и 2) глагольно-именное безличное предложение.

Наиболее типичные формы выражения главного члена в них можно свести к следующим.

1) Безличный глагол: рус. Крючок отскочил, и Иван оказался именно в ванной и подумал о том, что ему *повезло* (БЛГ 45); белор. Толькі аднаму музыку ноччу месячнай *не спіцца* (Ков 188); укр. Палагна збудилась, як тільки *почало дніти* (Коц 125); серб./хорв. Већ *се* прилично *одјутри* (Серб 23). Следует отметить, что в славянских языках собственно безличных глаголов меньше, чем глаголов, способных выступать в личном и безличном употреблении.

2) Личный глагол в безличном употреблении: рус. Рюхина *трясло и швыряло*, какой-то обрубок, на котором он поместился, то и дело пытался выскользнуть из-под него (БЛГ 65); белор. Так і з вечара было: і *грымела*, і *ліло* (Ков 187); болг. Така *не се говори* (Паш 282). В южных и западнославянских языках главный член подобных предложений, выраженный личным глаголом в безличном употреблении, выступает в конструкциях субъектного типа с модальным значением: серб./хорв. Признавао је тасту *да се* ни *њему не иде* у Росију, али, ето, зарекао се братучеду, а потписао списак Шевичу, па му је тешко (ЦС 2 – 74); польск.: *Poszło źle. Przygodny samochód zepsuł się na szosie, szofer był pijany, nie śpieszyło mu się z naprawianiem* (Putr 195).

3) Глагол с модальным значением в сочетании с инфинитивом /*да* + презент: рус. Белые и светлые шампиньоны обязательно *следует проверять* – не белая ли это поганка (Опр 67); белор. Вясне так *хочацца*

присесци на сакавітую траву (Ков 188); болг. – Е, ти прощавай, братче Павле, ние да вървим, че денят напредва, – рече Петровица, – пратили сме жътварки на нивата, *трябва да се бърза* (Пел 250). – ср.: Той имаше широко безгрижно сърдце, беше голям нехайник, денгубише се по лов, напиваше се и пушаще вересия – и комуто *трябва* и комуто *не трябва* (Пел 247). Отсутствие инфинитивной формы или *да*-конструкции может быть продиктовано требованием закона экономии языковых средств, когда опускается известный из предыдущего контекста компонент.

Нужно сказать, что формы с модальным значением в славянских языках квалифицируются по-разному: в сербском/хорватском – это формы глаголов *треба ти, морати, моћи, смети* с отрицанием и без, или так называемые «модальные маркеры» [12, с. 166]; в западнославянских языках, например в словацком, употребительны модальные наречия *treba* ‘нужно’, *neslobodno* ‘нельзя’ [12, с. 291]; применительно к польскому языку говорится о так называемых нефлективных глаголах типа *można* ‘можно’ и т.д., объединяющихся с глаголами под общим названием «предикативы» [12, с. 368]; в белорусском языке формы *трэба, нельга* относятся к собственно безличным предикативам [12, с. 570].

4) Вспомогательный глагол + слово с модальным/оценочным значением в сочетании с инфинитивом/ *да* + презент: рус. Прорезав длиннейшую очередь, начинавшуюся уже внизу в швейцарской, *можно было видеть* надпись на двери, в которую ежесекундно ломился народ: «Квартирный вопрос» (БЛГ 49); укр. – Овва! То вже мені *і погуляти не вольно*... Я хочу набутись. Раз жиємо на світі ... (Коц 144); серб./хорв. А Вековић разумео је да *је потребно да прихвати и узме озбиљно срицу* људска правила службе револуције... (ОДП 105).

Если речь идет о значении (не)целесообразности, то оценочные лексемы этого типа сближаются с формами модальных глаголов или словами с модальным значением: рус. Вчерашний день, таким образом, помаленьку высветлялся, но Стёпу сейчас гораздо более интересовал день сегодняшний и, в частности, появление в спальне неизвестного, да ещё с закуской и водкой. Вот что *недурно было бы разъяснить!* (БЛГ 71); укр. Одні питали, чи *не краще б вийти* назустріч війську з хлібом та сіллю, *упасть в ноги, скоритись* (Коц 510).

5) Безлично-предикативные слова (в другой терминологии – предикативные наречия, предикативы, слова категории состояния) в сочетании со вспомогательным глаголом, а также инфинитивом или без него: рус. Иван ничего и не пропускал, ему самому *было так легче рассказывать*, и постепенно добрался до того момента, как Понтий Пилат в белой мантии с кровавым подбоем вышел на балкон (БЛГ 123); белор. Валянціне *Андрэеўне стала і радасна, і балюча, і боязна* за дачку (Ков 187); укр. Черемош знизу шумів. Йому *твердо було лежати* на скелях, він перескакував з каменя на камінь (Коц 135); Так *було тепло, самотньо і лячно* у віковичній тиші, яку

беріг ліс, що діти чули власне дихання (Коц 33), ср. в аналогичной функции местоимённое предикативное наречие: Ще літом *нічого*: бурячок там, цибулька, рибки наловиш...(Коц 288); серб./хорв. И горе, и доле, и свуда су гореле свеће. Као да никада ње није било. Као да је она умрла, одавно је саранили и већ заборавили, тако *је* у кући *било* сада *мирно*, и осветљено (Серб 77); Драги мој течно, *тешко је сањати* у нашем горовитом невеселом завичају (Серб 146); болг. В килията *стана страшно* (Пел 174), ср.: – Жадувал си толко години за дете – господ ти праща две. Късмет. *Грешно е да го връщаш*...(Пел 236); польск. Wracali milcząc, *wstyd im było* za Jełopkę (Putr 46).

б) Безличные формы глагола *быть* и др. в сочетании с отрицанием, а также слово *нет*: рус. А может быть, *не было* никаких этих слов, а были другие на эту же музыку, какие-то неприличные крайне (БЛГ 120); укр. Звісно, шкода було б, якби пропало її ворожіння. Іншої думки в неї *не було* (Коц 126), ср.: Бо то, пане добродзею, чиста загибель тепереньки чоловікові: *заробити нема де, землі зроду не було*, комірне плати, кругом злидні, а їсти мусиш!(Коц 199); болг. За тази седмица *няма* повече билети (Паш 282).

Безличные генитивные конструкции с родительным падежом имени выражают различные значения: речь может идти о семантике наличия или отсутствия конкретного предмета или чего-то непредметного, но проявляющегося как наличное или свойственное; с другой стороны, отрицание одного признака ведёт к утверждению другого признака путём использования конструкции с иной, в других случаях аналогичной, синтаксической структурой, что говорит о явлении грамматической синонимии на уровне предиката простого предложения: На беспризорнике *не было даже рубашки* (Рыб 100), ср. Беспризорник *был без рубашки*; У Генки *не было денег*. У Славы тоже *не было ни копейки* (Рыб 125), ср. Генка *был без денег*. Да и Слава *был без копейки*; укр. Про найми *не було* більше розмови, проте нишком всі знали, що доведеться Гафійці служити (Коц 348), ср.: Про найми більше *не розмовляли*.

В болгарской лингвистике считается, что речь идет о безличном употреблении глаголов *имам* и *нямам* [8, с. 282]; в русистике состав главного члена подобных предложений квалифицируется по-разному: так, Н. С. Валгина говорит о безлично-генитивных предложениях, чьей структурной особенностью является наличие отрицательного слова в сочетании с родительным падежом; в роли отрицательных слов выступают *нет*, *нету*, безличные формы глаголов *быть*, *стать*, *показаться* с отрицанием [1, с. 168]; подобная точка зрения представлена авторами учебника «Современный русский язык»: сказуемое выражается глаголом бытия, существования в сочетании с родительным падежом имени: Мечтам и годам *нет возврата*...(П) [9, с. 331], ср.: Мечты и годы *невозвратны/невозвратимы*. А. В. Дудников добавляет к этому, что главный член может быть выражен

безличной формой глагола *быть* и других глаголов со значением бытия, наличия чего-либо с отрицанием *не* (в настоящем времени – слово *нет*) плюс родительный падеж существительного и других субстантивов, обозначающих отсутствующий предмет, явление, лицо [2, с. 361]; в русской сербокроатистике отмечается, что в предложениях с генитивным дополнением выражаются значения наличия/отсутствия, достатка/недостатка, увеличения/уменьшения, нехватки того, что обозначено генитивом [10, с. 110]: Његови Хртковци и Пањеви, никад му се, у сећању, не учинише лепши, и човека достојнији. Над њима *је било миријаду звезда* (ЦС 2 – 356); Унутра, по кућама, *није било убица*, него жена и љубавних гнезда (ЦС 2 – 224); *Било је нечег*, неизмерно *моћног*, *заносног*, у тој црномањастој жени, која није имала стида (ЦС 2 – 318), хотя существуют и следующие конструкции: На небу, обасјаном првим сунчевим зрацима, *није било ни једног облачка*. Све *је било у плаветнилу* (ЦС 2 – 129) – таким образом, утверждение положительного признака коррелирует с отрицанием первоначального признака, см. также: И то се, дакле, било свршило и сад у кући *нема никога* (ЦС 2 – 100). – А кад је, трчкајући насумце, по ходнику, наишао у трпезарију, виде да *је празна* (ЦС 2 – 175).

7) Неопределённая форма глагола в сочетании со вспомогательным глаголом, местоимением или местоимённым наречием: укр. *Буде що взяти*. Не заберемо ми, візьмуть чужі, а пан таки ж наш... (Коц 441); рус. Да уж и *было чего посмотреть!* Какая прекрасная табакерка! пёстренькая, из черепахи (Лит 330).

Подобным русским конструкциям в сербском/хорватском языке соответствуют личные конструкции с глаголом *имати/немати* и местоимением/местоимённым наречием в сочетании с инфинитивом или *да*-конструкцией: Сад има заштиту, совершену заштиту, росијског двора, и *нема шта више да брине* (ЦС 2 – 279). – Сейчас у него есть защита, он под полной защитой российского двора, и ему *больше не о чем беспокоиться*.

8) Вспомогательный глагол в сочетании с предложно-именной конструкцией (до + форма родительного падежа имени или местоимения, возможно с отрицанием): рус. – Буду я шутить такими вещами! *Не до шуток!* Я его по голосу узнал... (Рыб 92); серб./хорв. Исаковичи су тада већ били дознали да ће славонску ландмилицију да распусте, и отпусте, као што су се слуге отпуштале, па им *није било до игре* (ЦС 2 – 160); «Види прво и питај Павла. Чек! Чек! Ако ти *је до тога*, а ти се после хватај са њима, појаске! Није ово место, дебели, за заседу. А ако ти *је било до тога*, што си жене доводио?» (ЦС 2 – 641); болг. *Не ми е до годеника*, за него не мисля сега (Масл 350).

9) Причастие на *-но/-то* со значением результитивного состояния в сочетании со вспомогательным глаголом: рус. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь из льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам *убрано* снежными звёздочками; солнышко на них сияло, и всё в доме бле-

стело, как брильянты (Лит 348); болг. Дръпна връвта, с която се вдигаше железният език за отваряне на портата, и натисна. *Беше заключено* (Ала 80).

Инфинитивное предложение в славянских языках характеризуется наличием главного члена – независимого инфинитива – в сочетании с субъектным компонентом или без него; подобные предложения выражают:

1) значение потенциального (не)действия в будущем: рус. – Чего *мокнуть* под дождём? Переночуем, а завтра пойдём (Рыб 45); белор. *Ім пра вочы вясёлыя граць ды граць* на баяне (Ков 187);

2) ненужности действия: рус. Миша дремал. *Не вставать же* в первый день каникул в обычное время (Рыб 53); укр. *Що там журитись*, коли все йде на краще (Коц 304);

3) (не)возможность осуществления действия: рус. – Склеп завален. Мне одному *не справиться*. – Может быть, позвать других? (Рыб 407); белор. *Не паспець мне, не ўгнацца* сягоння за ім, нешта дзіўнае робіцца з сэрцам (Ков 187);

4) побуждение к (не)действию: рус. – Римского прокуратора *называть* – игемон. Других слов *не говорить*. *Смирно стоять* (БЛГ 17); польск. – *Odwrócić się, odwrócić!* – *wrzasnął*. – *Nie podglądać!* (Putr 117).

В болгарском языке, где инфинитив отсутствует, употребляется конструкция *да*+презент в контексте самоадресации потенциального действия: – *Да го надоя* ли? Ами Иванчо? – захленчи Пена. – И Иванчо ще надоиш... (Пел 236). В сербском/хорватском языке конструкция *да* + презент может употребляться в ситуации выражения возможного действия с негативным результатом: И да хотче, куда би могао бежати? *Да се дави* у вртлозима Бегеја? (ЦС 2 – 109).

5) (не)желательность действия: укр. А сон налягає. *Щоб одігнати* його, Іван встромлює очі в живий вогонь (Коц 96); Навіть Панас Кандзюба смачно чмока губами: – *Озуть би* тебе у постолі... (Коц 382); польск. *Upić się! Z zachwytem chwycił się tej miśli* (Putr 62);

6) риторический вопрос: серб./хорв. Ни браће не имамо, кад нас заокупи несрећа. Сам је чоек у беди. *Чему трошити речи* о томе? Мутав мутавог најбоље разуме (ЦС 2 – 110);

7) значение неизбежности действия: рус. – Николая твоего всё равно засудят, потому виноват. А тебе тут с людьми *оставаться*. Вот и подумай: как на тебя люди-то будут смотреть, ежели сын твой общество подводит? (Рыб 342)

Наблюдения над фактическим материалом приводят к следующим выводам:

1) в славянских языках выделяется односоставное предложение глагольного и глагольно-именного типов, субъектное или бессубъектное;

2) для лично-глагольных предложений является нормой опущение подлежащего, поскольку все личные категории выражаются глагольными окончаниями;

3) предложение инфинитивного типа не свойственно болгарскому и македонскому языкам, использующим конструкцию да + презент;

4) нет единства среди лингвистов относительно квалификации форм с модальным значением, исходно восходящих к глаголам, а также отсутствует единство в обозначении лексем, причисляемым к предикативным наречиям, категории состояния, безлично-предикативным словам, и в определении их состава: так, в последнее десятилетие в русистике используются термины «предикативное наречие» [11, с. 23] или «безлично-предикативные слова» в составе наречий, выступающих в предикативной функции в односоставном предложении [4, с. 45]; применительно к сербскому/хорватскому языку лингвисты говорят о наречии или существительном в предикативной функции [12, с. 166]; в русской болгаристике используется термин «безличные предикативы» в составе «неглагольных предикативов» [6, с. 290]; в белорусистике отмечается, что лексемы *час* 'пора, время', *грэх* 'грех', *сорам* 'стыд', *ахвота* 'охота' относятся к существительным, а слова *горача* 'жарко', *сумна* 'грустно' – к наречиям, причём все названные относятся к категории состояния, или предикативам [12, с. 569–570];

5) в славистике нет единства в рассмотрении состава главного члена в конструкциях типа русской «нет + родительный падеж имени/местоимения» и соответствующих инославянских, а также в конструкциях с местоимением/местоимённым наречием в сочетании с инфинитивом;

6) существуют конструкции, специфические для того или иного языка (например, украинского – с причастием и объектным дополнением), и конструкции, более употребительные для выражения тех или иных значений (неопределённо-личные предложения в русском языке и их синонимы в сербском языке).

Список литературы

1. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. – изд. 4-е, испр. – М.: Высш. шк., 2003.
2. Дудников А. В. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. вузов союзных и авт. респ. – М.: Высш. шк., 1990.
3. Жлуктенко Ю. А. Изучаем украинский язык: Самоучитель / Ю.А. Жлуктенко, Е. А. Карпиловская, В. И. Ярмач; под ред. В. М. Русановского. – изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Муравей, 2004.
4. Евтюхин В. Б. Наречие: Учебн. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
5. Кавалёва М. Ц., Падгайскі Л. П. Беларуская мова: Дапам. для вучняў стар. кл. – 5-е выд., дапрац. – Мн.: Нар. асвета, 1991.
6. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка: Для филол. фак-тов ун-тов. – М.: Высш. школа, 1981.

7. Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков / ред. колл.: доц. Н. И. Букатевич, И. Е. Грицютенко, С.А. Савицкая. – Одесса, 1958.
8. Пашов П., Пырвев Х., Радева В. Болгарский язык для иностранцев. – София, 1986.
9. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – изд. 5-е, испр. – М.: Айрис-пресс, 2003.
10. Трофимкина О. И. Синтаксис современного сербохорватского языка: Слово-сочетание и простое предложение: Учебное пособие для студентов-славистов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
11. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. – М.: Рус. яз., 2001.
12. Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания; ред. колл: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. – М.: Academia, 2005.

Использованные источники и сокращения

- Ала – Аладжов Ч. Часът на изпитанието. – София, 1982.
- БЛГ – М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита: Роман. – М.: Современник, 1984.
- КП – Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П. А. Дмитриева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
- Коц – Украинский с М. Коцюбинским. «Тени забытых предков». «Fata morgana» // Михайло Коцюбинський. «Тіні забутих предків». «Fata morgana». – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
- Лит – Литературная сказка пушкинского времени / сост., вступ. ст. и комм. Н. А. Тарховой. – М.: Правда, 1988.
- Масл – Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка: для филол. фак-тов ун-тов. – М.: Высш. школа, 1981.
- МК ГЛ – Крлежа М. Сабрана дела. Св. 4-5. – Загреб, 1954.
- ОДП – Давичо О. Песма: Роман. – Београд, 1974.
- Опр – Грибы в лесу, на столе, в аптечке. Справочник-определитель. – М.: Эксмо, 2006.
- Паш – Пашов П., Пырвев Х., Радева В. Болгарский язык для иностранцев. – София, 1986.
- Пел – Пелин Е. Разкази. Гераците. – София, 2004.
- Рыб – Рыбаков А. Н. Кортик. Бронзовая птица: повести. – М.: АСТ: Астрель, 2008.
- Серб – Сербская поэзия и проза 20 века: Хрестоматия / сост. С. В. Зайцева, Е. Стоянович, М. А. Милютина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- ЦД – Црњански М. Дневник о Чарнојевичу. – Београд, 1987.
- ЦС – Црњански М. Сеобе (в 2 кн.). – Београд, 1978.
- Putr – Putrament J. Święta kulo i inne opowiadania. – Warszawa, 1965.

Анализ модификационной семантики сложных предложений

В статье впервые предлагается анализ сложных синтаксических единиц (на примере сложноподчиненных предложений с придаточной предикативной частью) с позиций парадигматического синтаксиса на материале произведений английской литературы. Доказывается, что отражение категориальной совокупности предикативных значений исследуемых конструкций составляет основу их модификационной семантики. Смысловая нагрузка анализируется исходя из дифференциальных признаков предикативных категорий.

The article is devoted to the analysis of the complex syntax units (the compound sentences with the Predicate Clause) from the position of the paradigmatic syntax. The examples are taken from the English literature. The expression of the categorical exponent compose the basis of their modification semantics. The semantic loading is analyzed from the differential signs of the predicative categories.

Ключевые слова: синтаксическая парадигма, модификационная семантика, предикативные признаки, предикативные категории, функциональная семантика, маркированность, семантическая перегруженность.

Key-words: syntactic paradigm, modification semantics, predicative signs, predicative categories, functional semantics, marking, semantic overloading.

Предметом настоящего исследования является изучение предикативных функций английского сложноподчиненного предложения с придаточной предикативной частью, которое занимает особое положение в иерархии синтаксических конструкций и играет важную роль в построении суждений и умозаключений текста. Актуальность темы исследования определяется недостаточным изучением семантики сложноподчиненного предложения с придаточной предикативной частью в рамках синтаксической парадигматики.

В статье рассматривается сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью как двусторонняя сущность, обладающая не только формальной, но и содержательной стороной.

Сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью – структурный элемент определенной синтаксической парадигмы, построенный на принципе субординации. Его главная и придаточная части характеризуются смысловой и формальной синсемантизацией и образуют единое целое. Предикативная линия придаточного предложения оказывается подчиненной и входит в предикативную линию главного предложения. Таким образом, отношения между ними носят взаимозависимый характер. Сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью представляет собой монолитную конструкцию высокой степени

слитности и относится к одночленным предложениям, выражающим одно сложное суждение. По количественному составу входящих в него единиц сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью может быть двучастным и многочастным. Многочастное предложение отличается разветвлением однородных придаточных предикативных и других типов придаточных, наличием комплексного подчинения, сочетанием нескольких временных и модальных планов, разнообразием способов и средств связи (последовательное подчинение, однородное соподчинение, неоднородное соподчинение, переименование этих типов связи).

Интерес к анализу непосредственно предикативных функций предложения вызван тем фактом, что они реализуют отношение отражаемой в предложении предметной ситуации к объективной действительности [2, с. 123]. Отражение категориальной совокупности предикативных значений является обязательным для любого предложения и составляет основу его модификационной семантики, что непосредственно вытекает из коммуникативной природы предложения, выражающего облигаторную предикативную оценку отражаемой ситуации действительности. В исследуемом сложноподчиненном предложении придаточная предикативная часть, сочетая в себе формальные и семантические признаки подчиненного элемента, в то же время становится ведущей в плане семантики всего предложения. Выяснить же, какую смысловую нагрузку и в каком объеме несет придаточная предикативная часть, можно при помощи предикативных категорий, различаемых в теории парадигматического синтаксиса. Каждая предикативная категория характеризуется определенным набором экспонентов, образующих свою подпарадигму в рамках полной парадигмы предикативных функций. Существует двенадцать дифференциальных признаков предикативных категорий, по которым можно проанализировать семантическую нагрузку любого предложения. К ним относят: коммуникативную установку, расчленяемую на категориальные признаки вопроса и побуждения в раздельном соотнесении с повествованием и распадающуюся на коммуникативную установку 1 (вопрос) и коммуникативную установку 2 (побуждение); признак бытийная представленность, выделяющий отрицательные предложения в оппозиции к утвердительным (БП); модальность реализации (МР) – реальность /нереальность; модальность вероятности (МВ) – предложения вероятностные в оппозиции к предложениям констатационным; оценку тождества (ОцТ) – кажущееся, случайное, неожиданное тождество/констатация; модальное отношение субъекта к действию (МСД) – предложения субъектно-модального отношения в оппозиции к констатационным предложениям; актуальное отношение субъекта к действию (АСД) – попытка, удача, неудача относительно некоторого действия/констатация; субъектно-объектное отношение (СО) – пассивные предложения к неактивным; фазис действия (ФД) – фазисные предложения рассматриваются в оппозиции к констатационным; информа-

ционная перспектива (ИПс) – обычные субъектно-тематические предложения в оппозиции к предложениям с нетематическим субъектом; эмоциональная напряженность (ЭН) – предложения эмоционально напряженные к неэмоционально напряженным предложениям [1, с. 157]. Все перечисленные признаки определяют объем предикативной макропарадигмы предложения.

Парадигматизация множества предложений по категориям предикативных функций осуществляется посредством превращения этого множества в оппозиции с дифференциальными признаками, отражающими обобщенные предикативные значения предложения. Таким образом, дифференциальный признак реализуется оппозицией двух членов – сильного (маркированного) и слабого (немаркированного). Материал показывает, что предикативными признаками сложноподчиненного предложения с придаточной предикативной частью являются признаки КУ, БП, МВ, ЭН, ОцГ. Приведем примеры.

Признак КУ 1 (вопрос): *Is that why she's so pleased?* [12, с. 160]

Признак КУ 2 (побуждение): *And the next thing is, keep still* [14, с. 295].

Признак БП (отрицание): *This wasn't what I had come to Oxford to do - have hen parties with Christians I mean* [7, с. 35].

Согласно признаку ОцГ предложения могут быть оценочно-отождествленными и констатационными. Основными показателями признака являются глаголы *seem, appear, happen, turn*, например: *It seemed as though it were in another world, but it was a familiar world* [4, с. 74].

Как правило, это такие сложноподчиненные предложения с придаточной предикативной частью, в которых подлежащее главной части выражено формальным подлежащим *it*. Указанный признак тесно перекликается с признаком МВ, разбивающим предложения на предположительные и констатационные, например: *Perhaps the most attractive feature of the house, Gilei moreover mused, was that he wouldn't have to leave it until his mother called again* [5, с. 125].

Признак МВ проявляется тоже в основном в исследуемых конструкциях, в которых подлежащее главного предложения выражено формальным подлежащим, а главная и придаточная предикативная части связаны при помощи союзов *as if, as though*, содержащих в себе семы сравнения, предположения. В таких предложениях могут употребляться и модальные операторы (*perhaps, may be, might*), которые, наряду с вышеперечисленными показателями, придают всему сложноподчиненному предложению с придаточным предикативным значение предположения или колебания (хезитации).

Признак ЭН характеризует предложения как эмоционально напряженные и ненапряженные. Эмоционально напряженными предложениями чаще других оказываются предложения, в которых подлежащее главной части выражено указательными или личными местоимениями, например:

I was what I was but because I was the Friend of His Youth! [13, с. 220]. Предложения такого типа отличаются своеобразной экспрессивной окрашенностью. Экспрессивность используется как эффективный прием воздействия на слушающего, поскольку посредством эмоций говорящий выражает свою оценку происходящего. Действительно, «эмоциональность высказывания /степень его эмоциональности/ является чувственным самовыражением говорящего» [3, с. 87].

Различные маркируемые значения по разным предикативным признакам могут сочетаться друг с другом в одном придаточном предикативном предложении. Такое сочетание положительных значений синтаксикатегориальных предикативных признаков составляет синтаксическую нагрузку сложноподчиненного предложения с придаточной предикативной частью. Например, в приводимом ниже предложении предикативная нагрузка минимальная, то есть значение по всем предикативным признакам нулевое: This is where they have regular patrols [6, с. 11].

В следующем предложении сочетаются два предикативных признака – БП и МР. Модальный глагол *should* под влиянием отрицательного элемента реализует не просто значение нежелательности, а приобретает более категоричное значение, передающее неизбежность того, «что ничто не должно мешать работе писателя»: The great thing is it shouldn't interfere with Edward's work [11, с. 166]. Такая же численная отметка синтаксической предикативной нагрузки отличает следующее сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью: For a moment it seemed as though the Judge had not heard him [15, с. 245]. В результате сочетания в этом предложении двух предикативных признаков – БП и ОцТ (на что указывает глагол *seem*) отрицание приобретает некатегоричный оттенок.

Среди исследуемых предложений встречаются конструкции с сочетанием более двух предикативных признаков, например: All I was trying to say was that perhaps if we tried to our wits and think of a likely place ----- [8, с. 134]. Синтаксическая предикативная нагрузка этого предложения равна трем. В нее входит, во-первых, выражение вероятности (показатель *perhaps* по категории МВ); во-вторых, выражение попытки совершить действие (показатель *try* по категории АСД); в-третьих, выражение эмоциональности (предложение не закончено по смыслу, о чем свидетельствует пунктуационный знак зияние, употребленный для прерывания говорящего, доказывающего свою правоту).

Как показывают наблюдения, в сложноподчиненном предложении с придаточной предикативной частью максимально могут сочетаться четыре предикативных признака, как в примере: The trouble was that anybody whom Arabella might want to and whom Clara would regard as being suitable would almost certainly turned out to be somebody she wanted herself, and would therefore probably take [10, с. 85].

На четырехзначную предикативную нагрузку этого предложения указывает выражение нереальности (показатель *would* по категории МР); выражение субъектной модальности (показатель *might*); выражение вероятности (показатель *perhaps*); выражение кажимости (показатель *turn out* по категории ОцТ). Кроме того, приведенная конструкция перегружена по признаку МР, то есть речь идет о двойном и более выражении одного и того же предикативного признака. Однако такой случай не совсем типичен для сложноподчиненного предложения с придаточной предикативной частью. Если и встречаются такие конструкции, то, в основном с двойным выражением признака БП, известным в лингвистике под названием «отрицание отрицания»: It's not as if he doesn't know what the collection's worth [9, с. 71]. В этом предложении употреблены два формально-грамматических показателя, посредством которых передается некатегоричное утверждение с оттенком недоговоренности: «Не то, что он не знает цену коллекции». Или другой пример: But the fact doesn't remain that she was notoriously unfaithful to him [11, с. 183]. Здесь наряду с формально-грамматическим показателем отрицания используется и лексический показатель, а именно прилагательное с отрицательным префиксом *unfaithful*. Вместе оба показателя создают фон утвердительности: «Но дело не в том, что она явно неверна ему».

Итак, для сложноподчиненного предложения с придаточной предикативной частью наиболее релевантными являются следующие предикативные признаки: коммуникативная установка, бытийная представленность, оценка тождества и модальность вероятности. Некоторые предикативные категории отражаются в исследуемых конструкциях дважды. Таковы выражения двойного отрицания и двойной модальности вероятности. Кроме того, в сложноподчиненных предложениях с придаточным предикативным наблюдается сочетание положительных значений синтаксико-категориальных предикативных признаков. Исходя из фактической насыщенности анализируемых предложений предикативно-синтаксическим содержанием, их можно разбить на класс «легких» конструкций (с предикативной нагрузкой ля до двух) и на класс «тяжелых» (с предикативной нагрузкой от трех и выше). К разряду «легких» относятся, как правило, двучастные сложноподчиненные предложения с придаточной предикативной частью, а к разряду «тяжелых» – многочастные сложноподчиненные предложения с придаточной предикативной частью. Таким образом, усложнение знаменательно-ситуативной семантики анализируемого типа предложения осуществляется по линии развития системы его конструктивных функций обычно количественным наращиванием придаточной части. В целом, с точки зрения выражаемых ими предикативных признаков, сложноподчиненные предложения с придаточным предикативным характеризуются способностью передавать достаточно широкий диапазон функциональной семантики.

Список литературы

1. Блох М. Я. Предикативные функции предложения в теории парадигматического синтаксиса // Сопоставительный анализ лингвистических категорий: Сб. статей. – Томск, 1980. – Вып. 2. – С. 152 - 163.
2. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. шк., 1986.
3. Блох М. Я., Кашурникова Л. Д. Эмоциональность, экспрессивность и восклицательность как структурно-семантические параметры предложения // Структурно-семантические аспекты романо-германских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях: Сб. статей. – Киров, 1985.
4. Abrahams P. The path of Thunder. – М.: For. lang. publ. house, 1954.
5. Amis M. Money. – London: Penguin Books, 1987.
6. Aldridge J. The Sea Eagle. – Boston: Little, Brown Co., 1944.
7. Callaghan M. The Loved and the Lost. – London: McGibbon and Kee, 1961.
8. Christie A. Selected stories. – М.: Progress, 1976.
9. Fowls J. The Ebony Tower, Eludic. The Enigma. – М.: Progress, 1980.
10. Howard E. J. Odd Girl out. – Gr. Br.: Penguin Books, 1972.
11. Maugham W. S. Cakes and Ale: or the skeleton in the Cupboard. – М.: Progress, 1980.
12. Johnson P. H. An impossible marriage. – London: MacMillan, 1954.
13. Warren R. P. All the King's men. – N.Y.: A Bantam book, 1978.
14. Welles H. Y. The door In the wall and other stories. – М.: For. lang. publ. house, 1959.
15. Wilder T. The Cabala. Heaven's my Destination. Our Town. – М.: Raduga, 1988.

Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств и положение саамского языка на Кольском полуострове

В статье анализируется положение саамского языка в Российской Федерации с позиций Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств, предложены конкретные пути ревитализации саамского языка на Кольском полуострове.

The article is devoted to the Sami language in the Russian Federation in connection to the European Charter on regional and minority. It provides the reader with solutions of Sami revival.

Ключевые слова: социолингвистика, саамский язык, ревитализация.

Key words: sociolinguistics, Sami, revival.

Цель статьи – определить степень готовности Российской Федерации применить Европейскую Хартию о региональных языках и языках меньшинств на примере саамского языка. Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств принята в 1992 году, вступила в силу 1 марта 1998 года. Россия подписала Конвенцию 10 мая 2001 года, но до сих пор не ратифицировала ее. Хартия обязывает подписавшие государства признавать региональные языки или языки меньшинств в качестве отражения культурного богатства (ч. II, ст.7) [2]. Нами была предпринята попытка провести моделирование применения Хартии в Российской Федерации по образцу мониторинга, проведенного в Алтайском крае 27 июля 2010 года [6].

В настоящей статье предпринимается попытка показать, как может выглядеть отчет об оценке Комитета экспертов по Хартии, который контролирует ее применение в государствах-участниках, если бы Российская Федерация уже ратифицировала Хартию. Моделирование является частью мероприятий совместной программы Совета Европы, Европейского Союза и Российской Федерации «Национальные меньшинства в России». Данная Программа способствует подготовке российских органов власти к ратификации Хартии, а также оказывает поддержку неправительственным организациям, занимающимся сохранением языков национальных меньшинств. Обязательство ратифицировать Хартию было принято Российской Федерацией при вступлении в Совет Европы.

Необходимо отметить, что саамский язык, распространенный на территории Российской Федерации, не находится в списке языковых меньшинств в базе данных Хартии Совета Европы. Там есть саамский язык в Норвегии, Финляндии и Швеции, но нет саамского языка в России. В 2002 году в Мурманской области были зарегистрированы 1 995 представи-

телей коренных малочисленных народов Севера, что составляет 0,19 % общего числа населения. Саами составляли 88,6 % общего числа населения коренных народов Севера, ненцы – 8,1 %, эвенки – 0,6 %. По данным всероссийской переписи населения 2002 года в Мурманской области проживали и другие народы Севера: ханты, шорцы, чукчи, эвены, чуванцы, ульчи, юкагиры. Динамика численности населения коренных малочисленных народов Севера в Мурманской области очевидна. Увеличение численности связано с фактором национального самосознания: все больше и больше представителей народности осознают себя частью своего народа и заявляют свою национальность. Тем не менее, огромная работа, которая ведется общественными организациями, представляющими интересы народа саами, составляющего 0,15 % населения Мурманской области, не приводит к увеличению численности населения, свободно владеющего саамским языком. Бытовые функции, выполняемые языком, отсутствие мотивации к изучению кильдинского, иокангского и нотозерского диалекта у молодежи Мурманской области (по сравнению с интересом этой молодежи к изучению северосаамского диалекта, представленного на территории соседней Норвегии), старение носителей этого диалекта сводят на нет попытки ученых и педагогов возродить интерес к родному языку. Согласно статистическим данным за 1995 год большая часть опрошенных саамов, проживающих в селах Краснощелье и Ревда, назвала русский язык родным (85 % и 75 % соответственно). Преобладало мнение (92 % опрошенных), что в школе дети должны обучаться на языке саами и на русском языке. По итогам Всероссийской переписи 2002 года из 1769 саамов, проживающих в Мурманской области, 1766 владеют русским языком (99,8 %) [7].

Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 17.04.2006г. № 536-р «О едином перечне коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (в ред. Постановлений Правительства РФ от 13.10.2008 № 760, от 18.05.2010 № 352, от 7.06.2010 № 453, от 02.09.2010 № 669) [3] коренным малочисленным народом Мурманской области являются саами, что зафиксировано и в статье 21 Устава Мурманской области [8]. Таким образом, в Мурманской области Часть II Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств может быть применена только к саамскому языку.

Согласно Конституции Российской Федерации государственным языком нашей страны является русский язык. Статья 26 Конституции и Статья 2 Закона «О языках народов Российской Федерации» (редакция 2002 г.) предусматривает общее право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, использовать свои языки [5]. Часть II статьи 7 Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств гласит, что государство, ратифицировавшее Хартию, должно обеспечить а) признание региональных языков или языков меньшинств средством выражения культурного достояния; б) соблюдение географического пространства ка-

ждого регионального языка или языка меньшинства, следя за тем, чтобы уже существующее или возможное в будущем административное деление не создавало препятствий для развития этого регионального языка или языка меньшинства; в) необходимость решительных действий по развитию региональных языков или языков меньшинств для сохранения этих языков; г) содействие и/или поощрение устного или письменного использования региональных языков или языков меньшинств в общественной и в частной жизни; д) поддержание и развитие в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии, связей между группами, использующими региональный язык или язык меньшинства и другими группами того же государства, говорящими на том же или близком языке, а также установление культурных связей с другими группами в государстве, использующими другие языки; е) предоставление на всех этапах обучения соответствующих форм и средств преподавания и изучения региональных языков и языков меньшинств; ж) предоставление не говорящим на региональном языке или языке меньшинства средств для изучения этого языка, если они проживают в местности, где этот язык используется, и желают научиться ему; з) содействие развитию изучения и исследований региональных языков и языков меньшинств в университетах или аналогичных высших учебных заведениях; и) развитие соответствующих форм транснационального обмена в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии по региональным языкам или языкам меньшинств, используемых в одинаковой или близкой форме в двух или более государствах.

Посмотрим, как эти положения реализуются на практике по отношению к саамскому языку. Дальнейшее изложение строится по следующему плану: положение Хартии – положение дел – необходимые для выполнения положения Хартии меры.

Положение Хартии: признание региональных языков или языков меньшинств средством выражения культурного достояния.

Положение дел: хотя саамский народ как таковой признается и защищается в рамках специальной защиты, адресованной «малым коренным народам Российской Федерации», он не признается в качестве выразителя культурного богатства саамского народа, закона Мурманской области, напрямую касающегося сохранения саамского языка как уникального культурного наследия, нет.

Необходимо: признание саамского языка в качестве выразителя культурного богатства.

Положение Хартии: соблюдение географического пространства каждого регионального языка или языка меньшинства, с тем чтобы уже существующее или возможное в будущем административное деление не создавало препятствий для развития этого регионального языка или языка меньшинства.

Положение дел: в Мурманской области районами проживания коренных малочисленных народов Севера являются городской округ Ковдорский район, Кольский муниципальный район, Ловозерский муниципальный район, Терский муниципальный район. Хотя, по всей видимости, не существует прямых механизмов, гарантирующих уважение географического района саамского языка, нет никаких признаков того, чтобы в последние годы возникли проблемы в таком отношении.

Необходимо: по мнению председателя правления Мурманской областной молодежной саамской общественной организации саамов «Самь Нураш» О. Егоровой, районами проживания саами следует признать и города Мурманск и Североморск, где живут представители саамского народа.

Положение Хартии: необходимость активных действий по поддержке региональных языков или языков меньшинств в целях их сохранения.

Положение дел: естественная передача саамского языка имеет тенденцию к исчезновению. Естественной передачи саамского языка новым поколениям практически не существует, поскольку в семьях не говорят на этом языке.

Необходимо: принять срочные меры по ревитализации саамского языка, в частности распространение методики языковых гнезд, где весь воспитательный процесс и общение с детьми строится на языке. Такая методика уже реально помогла восстановлению северосаамского языка в Норвегии, маори в Новой Зеландии, по ней работают с саамским языком в Финляндии [4]. Саамская общественность активно предлагает меры сохранения своего языка (создание языковых центров, Центра саамских знаний, кружков и курсов по изучению саамского языка). Членами инициативной группы по сохранению и развитию саамского языка в декабре 2009 года в Мурманскую областную Думу было внесено предложение о создании «Центра практического языка» в с. Ловозеро. В задачи языкового центра включены организация языковых курсов и тренингов для разных возрастных групп, организация языковых встреч, дискуссий, лагерей, походов. Так, в июле 2009 года на острове Чарвин в озере Ловозеро функционировал Летний лагерь по изучению кильдинского диалекта саамского языка [1]. Заинтересованность в сохранении своего языка и передаче знаний поддерживалась организаторами (сотрудниками Берлинского университета им. В. Гумбольдта) в том числе и материально: за участие в лагере носителям кильдинского диалекта выплачивалась «зарплата».

Положение Хартии: содействие и/или поощрение использования региональных языков или языков меньшинств в устной и письменной речи, в общественной и личной жизни.

Положение дел: использование саамского языка в общественной жизни ограничено: это, пожалуй, только реализация проекта «Кольское саамское радио», который начался в 2003 году. Его инициаторами выступили Союз саамов стран Баренц-региона и саамские радиостанции Швеции,

Норвегии и Финляндии. Средства на проект выделили сами инициаторы, а также Министерства иностранных дел Норвегии и Финляндии, Совет Министров Северных стран, фонд «Евразия», норвежский Саамский парламент, Баренц-секретариат, Совет министров северных стран и программа Европейского союза Интеррег. Радиостанция разместилась в с. Ловозеро, где проживает более половины российских саамов. В 2005 году саамское радио вещало на национальном языке три раза в неделю по 10 минут. В штате радио работали шесть человек. В настоящее время саамское радио испытывает экономические трудности: в январе 2010 года было объявлено, что на протяжении длительного времени заработная плата работникам ЗАО «Кольское саамское радио» в полном объеме не выплачивается. Этот проект не был первой попыткой организовать радиовещание на саамском языке на территории Мурманской области. Ловозерские саамы впервые услышали радиопередачи в 1934 году. С 1990 года вещание на саамском языке осуществляло отделение ГТРК Мурман в Ловозеро, но в 2000 году эти передачи перестали выходить в эфир. Газет или телепередач на саамском радио в России в настоящее время не существует.

Необходимо: создание условий для использования саамского языка в общественной жизни – это, прежде всего, функционирование средств массовой информации

Положение Хартии: поддержание и развитие в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии, связей между группами, использующими региональный язык или язык меньшинства и другими группами того же государства, говорящими на том же или близком языке, а также установление культурных связей с другими группами в государстве, использующими другие языки.

Положение дел: существуют интенсивные контакты между носителями северосаамского языка в Норвегии и саамского языка в Мурманской области. Поддерживаются контакты различными общественными организациями, в частности Саамским парламентом, но они не сосредоточены на изучении языка друг друга. Многие кольские саамы уезжают изучать язык норвежских саамов в Каутокейно, но приехавших изучать кильдинский диалект из-за границы, нет. *Необходимо:* поддерживать существующие и налаживать новые контакты.

Положение Хартии: предоставление на всех этапах обучения соответствующих форм и средств преподавания и изучения региональных языков и языков меньшинств.

Положение дел: в центре компактного проживания кольских саамов в с. Ловозеро в школе-интернате в начальной школе выделено 2 часа факультатива на саамский язык (2 раза в неделю), на коми – 1 час. В профессиональном училище № 26, расположенном в с. Ловозеро, ведется обучение саамскому языку и традиционным саамским промыслам по специальностям: оленевод, резчик по кости и дереву, мастер пошива изделий

из меха, хозяйка усадьбы. Успешно реализуются совместные проекты с профессиональными учебными заведениями Финляндии и Норвегии, в том числе проект дистанционного обучения оленеводству. И даже там на 1 курсе есть всего 36 часов саамского языка по учебной программе в год, на 2 курсе – 35 часов, на 3 курсе – 30 часов. Постоянного расписания для этих уроков нет. В быту знания не используют, теорию не учат. Занимаются разговорным языком. В детском саду № 2 с. Ловозеро есть саамская группа приблизительно из 10 человек разновозрастных детей. Занимаются только разговорной речью. Есть несколько языковых курсов, в том числе в г. Мурманске (преподаватель – Р. И. Яковлева), в п. Ёна (преподаватель – Т. Ф. Цмыкайло), в с. Ловозеро в Национальном культурном центре (преподаватель – А. Яковлева), в офисе Центра саамских знаний (преподаватель – М. Г. Медведева). Проблема преподавания саамского, по мнению А. А. Антоновой, создателя саамского словаря, поэтессы и общественного деятеля, состоит в том, что преподаватели ориентируются на разговорный язык, не изучают грамматику. В Мурманске в 2003 году в гимназии № 9 саамский язык в начальной школе (преподаватель – Н. А. Золотухина) преподавался только в течение полугода. Что касается изучения культуры и истории саамского народа в средних образовательных учреждениях, то в 9 классе 1 час из 3 часов, предназначенных для преподавания истории, официально отводится на курс «История Кольского Севера с древнейших времен до начала XXI века». Но не все преподаватели истории используют этот час по прямому назначению. Историю и культуру саами можно преподавать только как факультатив, кружок или как внеклассное чтение, например, на уроках литературы. Раньше была программа регионального компонента в школах города и области, но сейчас очень многое отдано на усмотрение учителя.

Необходимо: обеспечение надлежащих форм и средств для преподавания и изучения саамского языка на всех соответствующих ступенях.

Положение Хартии: предоставление не говорящим на региональном языке или языке меньшинства средств для изучения этого языка, если они проживают в местности, где этот язык используется, и желают научиться ему.

Положение дел: любое лицо, говорящее или не говорящее на языках меньшинства, может посещать соответствующие занятия по саамскому языку там, где они проводятся.

Необходимо: рекомендовать соответствующим структурам принять гибкие и новаторские меры в целях сохранения этого языка. Например, в дошкольные учреждения можно регулярно приглашать носителей языка преклонного возраста, чтобы они могли играть с детьми, используя саамский язык.

Положение Хартии: содействие развитию изучения и исследований региональных языков и языков меньшинств в университетах или аналогичных высших учебных заведениях.

Положение дел: преподавание саамского языка в высших учебных заведениях отсутствует.

Необходимо: создание университетских курсов и программ (бакалавриата и магистратуры). Актуальность и необходимость открытия магистерской программы с изучением саамского языка и саамской культуры не подлежит сомнению и одобрена в том числе и саамской общественностью в резолюции международной научной конференции «Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере», которая проводилась Лабораторией саамского языка Мурманского государственного гуманитарного университета 10-11 марта 2011 года. Тот факт, что Мурманский государственный гуманитарный университет обладает необходимыми для этого ресурсами, с точки зрения участников конференции, не требует доказательств. Во-первых, ГОУ ВПО МГГУ всегда осуществлял подготовку специалистов по культурологии и иностранным языкам. С 2009 года университет ведет подготовку магистров филологического образования по направлению «Языковое образование», «Теория и практика межкультурной коммуникации в полиэтнической и поликультурной среде», «Обучение русскому языку в полиэтнической и поликультурной среде». Во-вторых, при кафедре межкультурной коммуникации, теории языка и журналистики МГГУ с 2008 года Лаборатория саамского языка проводит полевые исследования лексики кильдинского диалекта саамского языка и осуществляет внутрироссийское и международное сотрудничество по проблемам саамского языка и культуры. Создание программы бакалавриата с изучением саамского языка и культуры на базе Мурманского государственного гуманитарного университета возможно на базе долгосрочного договора с Университетом г. Тромсё (Норвегия), где осуществляется учебная и научная работа по изучению и преподаванию кольско-саамского и северосаамского языков. Преподавание двух языков – кильдинского диалекта саамского языка и северосаамского языка – в рамках курсов практического языка, грамматики, лексикологии и лексикографии, контрастивной грамматики и практики перевода позволит подготовить специалистов по двум языкам, способных работать как преподавателями, так и переводчиками. Кроме того, необходимо учитывать возможности дистанционного образования. Важную роль в обосновании значимости организации дистанционного обучения коренного населения области играет геополитический фактор: районы их компактного проживания расположены в разных частях полуострова в удалении от областного центра. А недостаточно развитая транспортная инфраструктура и высокая стоимость транспортных услуг и проживания является одним из существенных препятствий для обучения представителей коренного населения в областном центре.

Наиболее подходящей технологией обучения дисперсно проживающего населения является организация обучения на основе специально подготовленных дистанционных курсов, объединенных в единую систему на учебном портале, на котором организовано не только обучение в форме передачи учебного и методического материала обучаемому для усвоения, но и проводится контроль и оценка полученных знаний в асинхронном режиме, анализ качества прохождения учебного материала. Такая система должна строиться с учётом комплексного подхода, предусматривающего помимо обучения языку возможность создания искусственной языковой среды (веб-чат, голосовой чат, форум), которая позволит обеспечить возможность группового и личного общения между носителями саамского языка, проживающими в разных районах. Ратифицируя «Европейскую хартию о региональных языках и языках меньшинств», правительство Финляндии, например, приняло 59 обязательств по отношению к саамскому языку. Российская Федерация пока не ратифицировала Хартию, а значит, не приняла ни одного обязательства.

Какие обязательства следует принять Российской Федерации по отношению к саамскому языку? Как показывает моделирование ситуации, необходимо признать саамский язык в качестве выразителя культурного богатства, принять срочные меры по ревитализации языка, поощрять использование саамского языка, разработать гибкие и новаторские меры для сохранения саамского языка, создать университетские курсы и программы по саамскому языку.

Список литературы

1. Галкина Э. А., Шаршина Н. С., Максименко О. А., Ушакова Н. С., Данилова С. С., Медведева М. Г., Васильева А. В., Цмыкайло Т. Ф. Пути развития языков коренных малочисленных народов Севера // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический альманах: Языки и культура кольских саами. – 2010. – № 2 (69). – С. 35 - 44.
2. Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств. – [Электронный ресурс]: http://www.echr-base.ru/language_Europ.jsp
3. Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255) (с изменениями от 13 октября 2008 г.). – [Электронный ресурс]: <http://base.garant.ru/181870/>
4. Есть ли будущее у национальных языков? – [Электронный ресурс]: <http://www.rosvesty.ru/1958/guest/>
5. Закон РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-I "О языках народов Российской Федерации". – [Электронный ресурс]: <http://www.internet-law.ru/law/smi/iazuk.htm>
6. Моделирование применения Европейской Хартии региональных языков или языков национальных меньшинств в России. – [Электронный ресурс]: http://www.coe.int/t/dc/files/themes/langues_minoritaire/default_RU.asp
7. Общая информация о коренных малочисленных народах Севера. – [Электронный ресурс]: <http://www.gov-murman.ru/natpers/info/>
8. Устав Мурманской области. – [Электронный ресурс]: <http://www.gov-murman.ru/legal/charter/>

Символ как элемент сравнительной конструкции

В статье рассматриваются символы в качестве опорных слов сравнительных конструкций. Речь идет о первичных символах, не связанных рефлексивной процедурой. Наиболее значимые предметы и явления жизни символизировались человеком, превратившись в эталон. Именно такие существительные стали использоваться в качестве опорных слов сравнительных конструкций.

The article deals with the usage of symbols as part of simile. The author speaks of the primary symbols which are related to the subconscious. The most important things and phenomena of human life were symbolized and regarded as standards or models of human life. Such symbols are used in simile to compare with them other objects.

Ключевые слова: сравнение, метафора, символ, поэзия, клише, архетип, сознание, понимание.

Key words: simile, metaphor, symbol, poetry, cliché, archetype, mind, understanding.

В статье рассматривается использование первичного символа в сравнительных конструкциях. Для начала определимся с тем, что мы называем первичным символом. Первичный символ лежит на уровне спонтанной жизни сознания. За ним не стоит никакой рефлексивной процедуры, он связан с бессознательной жизнью человека. Огромную роль в символизации играл случай – люди оказывались в контакте с тем, что мы называем первичным символом. Наиболее значимые предметы быта и явления окружающего мира, будучи элементами повседневной жизни, приобрели большую смысловую нагрузку и эмоциональную насыщенность для человека. Они стали «образцами», «эталонами» человеческой жизни и культуры, превратились в символы, ведь символ и есть эталон. Именно такие символы неосознанно выбираются человеком в качестве «эталонов» или опорных слов сравнительных конструкций, и в данной статье мы будем рассматривать сравнительные конструкции как структуры языка, выявляющие символические элементы сознания человека.

Многочисленные исследования показывают, что мастера слова – поэты и прозаики – в своих произведениях используют сравнительные конструкции, где опорные слова образуют образно-устойчивую группу. Под образно-устойчивой группой понимаются образы, постоянно употребляющиеся для передачи той или иной мысли. Такие образы в стилистике называют общепоэтическими. Они рассматриваются как поэтические формулы (клише, трафареты, штампы) – устойчивые или даже стандартные выражения, свидетельствующие о наличии стереотипности в сфере художественной речи. Основу поэтических формул составляют традиционные

сравнения и метафоры, а также постоянные эпитеты. Некоторые авторы уверены в том, что такие клише или штампы представляют собой «лишенные живой образности традиционные условности», и рассматривают их как «проявление дурного вкуса» [8]. Другие считают их важным элементом любого художественного произведения, усматривая в них архетипические образы или символы, восходящие к древности. Например, А. М. Панченко и И. П. Смирнов говорят, что в литературе или словесном искусстве, как они предпочитают называть этот тип сообщения, существует устойчивый набор ядерных архетипов¹ (жизнь – плаванье, рождение – въезд), который используется практически всеми авторами [11, с. 33-49].

На то, что именно такого рода образы используются в поэзии, обратил в свое время внимание еще Г. В. Ф. Гегель. Он называл эти образы символами и обратил внимание на то, что они встречаются в составе сравнительных конструкций. Его интерес к сравнительным конструкциям был продиктован тем, что именно в сравнении можно встретить бессознательную символику. Гегель пишет о наивности такого рода символики, ведь она в его понимании не является собственно символической, а представляет собой лишь зачатки символизма, первую ступень к символизму. Критически анализируя сравнения из «Песни песней», из поэм, чье авторство приписывается Оссиану, а также из поэм Овидия, Гегель замечает, что предметы, применяемые для сравнения (то есть в качестве опорных слов) очень наивны, малоинтересны и являются продуктом неглубокого размышления: «...область предметов, применяемых для сравнения, – пишет Гегель, – бедна и ограничивается большей частью облаками, туманом, бурей, деревом, рекой, источником, солнцем, чертополохом, травой» [6, II, с. 124]. Приведем отрывок из Овидия («Метаморфозы»), который цитирует в своей работе Гегель, чтобы проиллюстрировать эти «наивные» сравнения:

Ты, Галатея, белей лепестков белоснежной лагустры,
Юных цветущей лугов и выше ольхи длинноствольной,
Ты светлей хрусталя, молодого игривей козленка!
Глаже тех раковин ты, что всегда обтираются морем;
Зимнего солнца милей, отрадней, чем летние тени;
Гордых платанов стройней, деревьев щедрее плодовых [6, II, с. 123].

Много таких сравнений, отмечает Гегель, есть у Кальдерона и Шекспира, хотя тексты Шекспира, по мнению Гегеля, всегда отличались нагромождением сравнений и метафор.

Для сравнения возьмем описание дочери Кочубея Марии в поэме «Полтава» А. С. Пушкина:

Она свежа, как вешний цвет,

---

¹ Как известно, архетип представляет собой некоторый бессознательный первообраз или символ, переходящий из поколения в поколение.

Взлелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна. Ее движенья
То лебеда пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья.
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют [14, II, с. 89-90].

Сравнив описание Марии с описанием Галатеи, мы находим много общего в поэтических сравнениях. Девушки сравниваются с цветами или с деревьями – ольха у Овидия; тополь у Пушкина; Галатея сравнивается с козленком, а Мария – с ланью, с лебедем. Сравнение А. С. Пушкиным глаз Марии со звездой можно считать «формульным». Исследователями отмечается, что сравнение глаз со звездами является довольно распространенным в стихотворных текстах XIX и XX веков [18].

Языковой реализацией первичных символов или архетипов является не только сравнение, но и метафора. Об этом свидетельствует исследование В. П. Адриановой-Перетц, посвященное поэтическому стилю древней Руси (XIII – XVII вв.). Исходя из античной точки зрения о том, что метафора есть укороченное сравнение, В. П. Адрианова-Перетц соответственно рассматривает и сравнения, и метафоры, которые называет метафорами-символами. К числу наиболее распространенных символов она относит солнце, месяц, звезды, противопоставление света тьме, сравнение человека с растением. Господство постоянных метафор-символов, отмечает В. П. Адрианова-Перетц, отличает стиль древней Руси от литературы нового времени, где свежесть и неожиданность метафоры – одно из основных требований, предъявляемых к писателю, который пользуется этим тропом. При этом автор сразу отмечает, что в новой литературе продолжают жить знакомые уподобления. Таких метафор-символов много у Пушкина, Некрасова, Тютчева [1, с. 10 – 128].

Об использовании первичных символов в поэзии и прозе писателей XIX и XX веков можно судить по исследованиям, посвященным изучению сравнительных конструкций как элемента идиостиля писателей. Например, исследование М. П. Плющ-Высокопоясной показывает, что А. М. Горький использовал в составе большинства сравнительных конструкций в качестве опорных слов то, что в данной статье мы называем первичными символами [13]. К авторам, использующим в качестве опорных слов сравнительных конструкций образно-символическую группу, по мнению Е. А. Некрасовой, относятся М. Лермонтов, Ф. Тютчев, С. Есенин. Большинство сравнительных конструкций в их лирике представляют собой мо-

дификации сравнительных конструкций, относящихся к устойчивому фонду сравнений. Такие сравнительные конструкции хотя и являются свободными в силу того, что представляют собой определенную модификацию устойчивых сравнений, тем не менее, характеризуются типичным рядом ассоциаций [9]. Как отмечает Ш. Балли, «в большинстве случаев индивидуально-художественный стиль не создает своих средств, а лишь использует и «эстетизирует» средства общенародного языка; в частности, художественная речь нередко воскрешает и обрабатывает образы обыденной речи, придавая им большую выразительность» [2, с. 234]. Ш. Балли также замечает, что самые удачные поэтические находки часто представляют собой не что иное, как «обновленные» языковые образы. Именно такая тенденция наблюдается в лирике Б. Пастернака. Большинство сравнений в его лирике – это модификации общепринятых фразеологизмов (около 70 %), отмечается устойчивое использование символов «сад», «лес», «вода» [7]. Исследование метафоры в поэзии А. Блока показало, что число традиционных поэтических узуальных метафор превышает число авторских окказиональных метафор, при этом практически все узуальные метафоры трансформированы [15]. Исследование сравнений в произведениях В. Набокова позволяет определить специфику использования сравнений одним и тем же автором в разных языках. Оказывается, что образное мышление, проявляющее себя в сравнениях, не зависит от языковой реализации и художественного замысла. Русские и английские сравнения писателя-билингва В. Набокова обыгрывают близкие темы, хотя имеется определенная специфика, связанная со структурой языка, жанром, тематикой, образами героев и т.д. Отмечается, что одним из ключевых слов в сравнительных конструкциях В. Набокова, является слово «игра» и его дериваты [17].

Исследование поэтических произведений с точки зрения приверженности авторов к определенной группе символов проводилось и психологами. Отмечается, что любимыми символами А. Блока были «вино» и «ветер»; Мандельштама – «камни» и «пчелы» («осы»); Б. Пастернака – «сад», «окно», «посуда»; А. Ахматовой – «ива» [3, с. 173-186].

А. М. Панченко и И. П. Смирнов исследовали наличие архетипических образов в поэзии Маяковского и Хлебникова. Как известно, эти поэты принадлежали к постсимволистам, которые в наибольшей степени старались отойти от канонов русской классики, отрицали традиции русской литературы XIX века. С одной стороны, это был некий эпатаж, а, с другой, утверждение примата жизни над искусством. Тем не менее, как показало исследование, и в поэзии Маяковского, и в поэзии Хлебникова присутствуют ядерные архетипы, свойственные литературной традиции всего человечества. Авторами исследования были выделены следующие архетипические образы: регенерация – пожар или наводнение, тьма – свет, движение вверх – возрождение или преображение, битва – жатва, битва –

пир и др. Как отмечают А. М. Панченко и И. П. Смирнов, В. Хлебников более анархичен по сравнению с В. Маяковским. Цельность образного мотива у Хлебникова кажется разрушенной. Есть некоторые детали, далеко отстоящие друг от друга в понятийном плане, мотив произведения формируется скачками [11, с. 33-49]. Может быть с этим связано то, что В. Хлебников считается поэтом, трудным для прочтения и понимания.

Сложна манера стихосложения и М. Цветаевой. Большинство опорных слов не входит в образно-устойчивую группу, ассоциативный строй – абсолютно другой, отличный от привычного ассоциативного строя [9]. Н. Заболоцкий также отходит от использования в сравнениях традиционной образной группы. Для него характерны, с одной стороны, депоэтизация традиционно высоких предметов речи, а с другой стороны, поэтизация непоэтических реалий для создания словесных образов. Н. Заболоцкий привлекает лексику, не имеющую традиции поэтического употребления [10].

Как можно видеть, сравнения или метафоры, включающие в себя первичные символы, как правило, используются теми авторами, которые находят понимание и отклик у читателя. Чем же обусловлено то, что большинство признанных поэтов при сравнении обращались именно к первичным символам? Наверное, отвечая на этот вопрос, мы должны учитывать как особенности мышления человека, так и особенности языка, которым он пользуется. Во-первых, это связано с тем, что использование первичных символов устанавливает некий мостик между сознанием автора и читателя, так как именно первичные символы составляют матрицу сознания любого человека и являются «эталоном», с которыми сравниваются другие предметы. Здесь имеется некий «эффект ожидания»: читатель ожидает, что его ассоциации совпадут с авторскими. При совпадении ассоциаций происходит «узнавание» реалий, что, в конечном счете, приводит к пониманию произведения. Во-вторых, как сказал Г.-Г. Гадамер, замышление поэтического творения зависит от прежде проторенных путей, какие нельзя задумать заново, – это предначертанные проторенные тропы языка [5, с. 115].

Как отмечает Э. Сепир, искусство художественного слова включает в себя два различных вида или уровня искусства – обобщающее или внеязыковое искусство, которое без ущерба может быть передано средствами чужого языка, и специфически языковое искусство, по существу, непередаваемое. Первый уровень включает в себя скрытую в языке интуитивную регистрацию нашего опыта. Язык интуитивного опыта, по Э. Сепиру, невидимый, абсолютный язык. Второй уровень имеет дело с тем, «как» регистрируется этот опыт, то есть с особым строением данного языка, с его языковыми единицами. На практике эти два уровня литературы в чистом виде мы нигде не наблюдаем, они всегда перемешаны. Если литература, отмечает Э. Сепир, питается, по преимуществу, низшим или ин-

туитивным пластом как, например, пьесы Шекспира, то она переводима без всякого ущерба для содержания, так как она передает общечеловеческий опыт. Если же литература движется более по верхнему, языковому уровню, то она фактически непереводаема. При этом оба типа литературного выражения могут быть как значительными, так и заурядными. Например, некоторые художники слова, чей дух движется в абсолютном, неязыковом пласте, встречаются некоторые затруднения при выражении своей мысли «закостенелыми» единицами языка. Им трудно подобрать слова. В результате они поражают нас величиим своего духа, своей мысли, но не прелестью своего искусства. Цель любого художника слова – в гармоничном использовании эстетических средств языка для передачи своего интуитивного опыта. Величайшие художники слова (например, Шекспир, Гейне) – те, которые умеют подогнать или приладить свою глубочайшую интуицию под естественное звучание обыденной речи [16, с. 195 - 203]. К эстетическим средствам языка, о которых говорит Э. Сепир, принадлежат, в частности, сравнения и метафоры, содержащие первичные символы. Именно они позволяют достичь гармонии мысли и слова, о которой говорит Э. Сэпир.

Л. С. Выготский говорил, что поэзия или искусство есть особый способ мышления, который, в конце концов, приводит к тому же самому, к чему приводит научное знание, но только другим путем [4, с. 31]. Этот тезис можно развить, сравнив символы в поэтических текстах с алгебраическими символами. Символ для поэзии – все равно, что алгебраические символы для математики. Без использования этих символов нельзя достичь нужной цели ни в поэзии, ни в алгебре. Исследование таких символов чрезвычайно важно, так как известно, что исходной точкой развития поэтических смыслов является их символичность. При этом нельзя ограничиваться исследованием только сравнительных конструкций или метафор. Символичность поэтического текста складывается из нескольких факторов, которые иногда невозможно уловить прямо. Например, исследование И. В. Пермякова показывает, что символы поэтического текста – это имманентные ему единицы, которые покоятся на различных языковых уровнях (графическом, фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, а также на уровнях концептосферы и интертекста) [12].

В заключение статьи хотелось бы повторить, что использование символов или архетипических образов в качестве опорных слов сравнительных конструкций просто неизбежно. Несмотря на то, что часто такие конструкции называют штампами, они не снижают высокого уровня поэзии. Наоборот, они устанавливают контакт между автором и читателем и способствуют их взаимопониманию. Абсолютная новизна аналогий вызывает у читателя удивление, а иногда и отторжение. Это связано с тем, что сеть ассоциаций у автора и читателя может не совпасть. Все это говорит о том, что так называемые штампы в поэзии являются языковой реализацией

привычных символов сознания, наполненных эмоциями и ассоциациями, схожими у автора и читателя. Эта общность ассоциаций является залогом того «диалога», который складывается на уровне их сознаний, ведь каждому символу соответствует определенная структура сознания.

Список литературы

1. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. – М.-Л.: АН СССР, 1947.
2. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: ИИЛ, 1961.
3. Бассин Ф. В., Прангишвили А. С., Шерозия А. Е. Роль бессознательного в активности мышления и речи // Бессознательное = The Unconscious: в 4 т. / под ред. А. С. Прангишвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – Т 3. – С. 27 - 46.
4. Выготский Л. С. Психология искусства / под ред. М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1987.
5. Гадамер Г.- Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. – М.: Искусство, 1991.
6. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. – М.: Искусство, 1969.
7. Котенко Е. В. Сравнения в лирике Б. Пастернака: опыт системного лингвопоэтического анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2000.
8. Левин В. Д. О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка // Вопросы культуры речи. – М., 1955. – Вып. 1. – С. 70 – 72.
9. Некрасова Е. А. Лингвостилистическая типология стихотворных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1985.
10. Остренкова М.А. Сравнения в поэзии Н. Заболоцкого: структура, семантика, функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2003.
11. Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX века // Древнерусская литература и русская культура XVIII – XX вв. – Л.: Наука, 1971. – С. 33 – 49.
12. Пермяков И. В. Символичность поэтического текста // Языковая личность: Проблемы креативной семантики. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 171 – 178.
13. Плющ-Высокопоясная М. П. Сравнения в произведениях А. М. Горького: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1963.
14. Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. – М.: Худож. лит., 1986.
15. Сергеева Е. А. Метафора и метафора-символ в поэтических циклах А. А. Блока: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990.
16. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс; Универс, 1993.
17. Шевченко А. Е. Сравнение как компонент идиостиля писателя-билингва В. Набокова (на материале русско- и англоязычных произведений автора): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003.
18. Шульская О. В. Формульные употребления слова *звезда* и их преобразование в стихотворных текстах поэтов XX века // Поэтика и стилистика 1988 –1990. – М.: Наука, 1991. – С. 100 – 108.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

УДК 81'373.23

Н. Н. Кудашова

Основы текстового антропоцентризма в лингвокогнитивном освещении (на материале романа Б. Шлинка «Чтец»)

На материале известного романа Б. Шлинка «Чтец» рассматриваются основы текстового антропоцентризма в лингвокогнитивном освещении. При этом концепт «человек» получает статус центра, вокруг которого располагаются все другие текстовые концепты. Большое внимание уделяется национально-культурным аспектам текстопостроения, отражающим в качестве его стимульных реализаций важные события в жизни этноса.

Basics of textual anthropocentrism in linguocultural coverage are studied on the material of the famous B. Schlink's novel «The Reader» («Чтец»). The concept of «Man» gets a central status, around which all other textual concepts are located. Much attention is paid to national and cultural aspects of text construction that reflect as its stimulus realisations important events in the life of an ethnos.

Ключевые слова: текстовый антропоцентризм, лингвокогнитивное освещение, концепт «человек», текстовая лингвокультура.

Key words: textual anthropocentrism, linguocognitive coverage, concept of «Man», textual linguoculture.

Главной текстовой категорией в лингвистике текста называют антропоцентричность, которая понимается как абсолютная направленность текста на человека, подчинённость всего изложения задаче характеристики субъекта [4, с. 75]. Учитывая популярность современной когнитивной лингвистики, имеет смысл проанализировать текстовую антропоцентричность с лингвокогнитивных позиций, сосредоточив внимание на концепте, который становится в этом случае главной единицей анализа. При таком подходе концепт «человек» получает статус центра, вокруг которого располагаются все прочие текстовые концепты, выявляя тем самым лингвокогнитивные основы текстового антропоцентризма.

Текстовые концепты, изучение которых началось в конце прошлого века, со всей очевидностью обнаружили свою эффективность в раскрытии многих свойств текста. Тем не менее, следует отметить множественность их трактовок когнитологами. С содержательной точки зрения под концептом может пониматься глубинный смысл, свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением интенции (глубинной психолингвистической реакции на внешний раздражитель) – и через нее – мотива деятельности автора [3, с. 57]. При таком понимании текстового концепта сюда

уместно отнести и так называемые индивидуально-авторские концепты художественного текста [7, с. 173]. Такой концепт более всего касается текстовых свойств, поскольку, являясь опосредованным воплощением мотива порождения текста, он задает коммуникативную целенаправленность, которая и диктует выбор автором того репертуара языковых средств, который реально используется при порождении текста. Опора на такой концепт позволяет исследователю посредством тщательного анализа самой словесной ткани литературного произведения воссоздать и описать фрагменты концептуальной картины мира автора [1, с. 37], и через его мироощущение судить об определенном качестве концептосферы того народа, представителем которого он выступает [7, с. 177]. Последнее обстоятельство позволяет сосредоточить внимание на особенностях текстовой лингвокультуры и, даже шире, на национально-культурных аспектах текстопостроения, отражающих в качестве его стимульных реализаций важные события в жизни этноса.

Если в свете отмеченных моментов обратиться к тексту романа Б. Шлинка «Чтец», то в первую очередь следует отметить ориентацию последнего именно на важные события в жизни этноса, а именно на события в жизни немцев как нации и конкретно на то мучительное прошлое, которое довлеет над их умами и душами со времен окончания Второй мировой войны. Критика романа часто начинается с констатации того, что в немецких гимназиях «Чтец» уже включен в обязательную программу для изучения, поскольку на фоне взаимоотношений двух людей в произведении Б. Шлинка поднимается более глобальная тема: осмысление Германией своего кровавого прошлого [2]. В отдельных случаях эта мучительная для немцев тема конкретизируется и подается как персональная ответственность каждого за фашистское двадцатилетие [6]. Сделаем акцент на персональной ответственности, поскольку этот момент наиболее антропоцентричен.

Концепт «человек» в романе – это, в первую очередь, Ханна. Михаэль – сопутствующий концепт. Он её наблюдает, анализирует, познает, то есть занимается когницией. Поскольку роман написан в форме перепорученной речи (когда повествование передается автором действующему лицу с целью придать ему особую достоверность), то фактически получается, что Михаэль судит Ханну от лица нового поколения. Таким образом, концепт «политика» выступает как неотъемлемый компонент концепта «человек». Ещё одним таким концептом является концепт «любовь». Располагаясь между концептами «любовь» и «политика», концепт «человек» формирует антропоцентрический стержень текста, не позволяющий выходить повествованию за пределы двух отмеченных координат.

Вся любовь локализована в первой части романа и описывается лишь для того, чтобы автор во второй и третьей частях охотнее размышлял о Ханне как о преступнице, поскольку о близком человеке размышлять го-

раздо естественнее, чем о незнакомом человеке или же о человеке вообще. При этом размышлений хватает на две части романа. Они и представляют собой главные когнитивные потоки текста. «Любовь», описанная автором с дистанции в 25 лет, из двух последующих глав исключается практически полностью, поскольку на суде герой уже «ничего не чувствовал: *ich fühlte nichts*». Таким образом, автор полностью сосредотачивается на концепте «политика».

В конструировании этого концепта отдельного комментария заслуживает неграмотность Ханны, сыгравшая такую важную роль в её судьбе. Автор развивает этот мотив таким образом, что он становится главным текстопостроительным фактором, продуцирующим многие ходы текстопостроения. Автор постепенно вводит эпизоды, подготавливающие читателя к тому, что Ханна неграмотна, например, ссора из-за оставленной Михаелем записки, которую Ханна не смогла прочесть. Она признается на суде (после того, как захотели взять образец её почерка), что написала рапорт, хотя она не могла этого сделать. Этот факт сильно усугубил её ситуацию и ужесточил приговор. Ужесточению способствовали и другие обстоятельства: она не отвечала на повестки и не ознакомилась с материалами дела, на что ей также было указано на суде. Она перебегает с одной работы на другую, когда её собираются повысить и когда ей придётся учиться, чего она страшно боится, потому что всем тогда станет известно о её безграмотности. Именно таким образом она и попадает на работу в концлагерь (где уже не успевают послать её на повышение, и где она, в конце концов, становится участницей страшного преступления). В то время в Германии было много неграмотных, о чем в тексте вскользь упоминает автор, не забывая высказать сочувственного к ним отношения. Возможно, попутно высказанное сочувствие переносится и на его отношение к Ханне? Однако в подтексте зреет вопрос, не получивший в тексте романа прямого ответа: неужели каждый человек, стесняющийся своей неграмотности, является потенциальным преступником? Получается, что в концлагерь она пошла работать также под влиянием обстоятельств, но на эту тему автор даже не рассуждает, хотя рассуждает по многим другим более мелким случаям. Между тем, с точки зрения категории типического, важной и для реализации замысла, можно задать вопрос: сколько немцев стали преступниками по причине собственной неграмотности? Во всяком случае, у автора этой статьи как у читателя, подобный вопрос возник, поскольку излишне говорить о том, что лингвист, исследующий текст, не перестает быть читателем.

В начале романа герой читает для Ханны вслух, в конце он тоже читает, записывает на плёнку и отправляет записи в тюрьму, хотя Ханна уже преодолела безграмотность. Однако герой должен остаться чтецом до конца. Литературоведы могли бы попытаться расшифровать символическую

роль чтеца, ведь в соответствии с замыслом в продуманном тексте ничего случайного быть не должно.

Начиная со второй части романа художественная когниция занимает основное место в его текстовом пространстве. Целые пространные абзацы обосновывают авторские выводы. Некоторые из них фактически раскрывают процесс познания автором одной из истин, касающихся Ханны, а именно того, как он догадался о её неграмотности: Beim Nachdenken über Hanna, Woche und Woche in denselben Bahnen kreisend, hatte sich ein Gedanke abgespalten, hatte seinen eigenen Weg verfolgt und schließlich sein eigenes Ergebnis hervorgebracht. Als er damit fertig war, war er damit fertig – es hätte überall sein können oder jedenfalls überall da, wo die Vertrautheit der Umgebung und Umstände zuläßt, das Überraschende, das einen nicht von außen anfällt, sondern innen wächst, wahrzunehmen und anzunehmen [8, с. 123]. Далее автор говорит, где произошло это озарение: So war es auf einem Weg, der steil den Berg hinansteigt, die Fahrstraße überquert, einen Brunnen passiert und zuerst unter alten, hohen, dunklen Bäumen und dann durch lichtetes Gehölz führt [8, с. 123 - 124]. Так он, сопоставив множество фактов и осмыслив их, понимает, что Ханна была неграмотна.

Следующий фрагмент текста также когнитивен, он излагает ход мыслей автора на тему о том, почему Ханна предпочла безболезненному разоблачению себя как неграмотной невыносимое разоблачение себя как преступницы: Wie oft habe ich mir damals und seitdem dieselben Fragen gestellt. Wenn Hannas Motiv die Angst vor Bloßstellung war – wieso dann statt der harmlosen Bloßstellung als Analphabetin die furchtbare als Verbrecherin? Oder meinte sie, ohne jede Bloßstellung durch- und davonzukommen? War sie einfach dumm? Und war sie so eitel und böse, für das Vermeiden einer Bloßstellung zur Verbrecherin zu werden? [8, с. 125]. С точки зрения текстопостроения этот фрагмент действительно необходим, хотя бы по той причине, что у читателя постоянно возникает такой вопрос, и автор, видимо, чувствует необходимость прояснить его. Вопрос решается так: Ханне всегда приходилось немного притворяться и она никогда не могла до конца быть искренней [подчеркнуто нами. – *Н.К.*]: Es waren, weil sie sich immer ein bißchen verstellen mußte, weil sie nie ganz offen, nie ganz sie selbst sein konnte, eine klägliche Wahrheit und eine klägliche Gerechtigkeit, aber es waren ihre, und der Kampf darum war ihr Kampf [8, с. 126]. В этом объяснении фактически не только увязываются концы с концами, но и даётся оправдание Ханны (немного, не могла), то есть фактически Ханна как преступница сколько можно извиняется автором, который в данном случае с Михаелем – одно лицо. Но как же быть в таком случае с осуждением кровавого прошлого? Или в подтексте ненавязчиво формулируется мысль, что не все немцы виноваты в своей национальной трагедии? А как же тогда быть с персональной ответственностью? Извинение Ханны просвечивает и в том фрагменте текста, где ещё раз говорится о её борьбе: Sie kämpfte nicht nur

im Prozeß. Sie kämpfte immer und hatte immer gekämpft, nicht um zu zeigen, was sie kann, sondern um zu verbergen, was sie nicht kann. Ein Leben, dessen Aufbrüche in energischen Rückzügen und dessen Siege in verheimlichten Niederlagen bestehen [8, с. 126].

В связи со сказанным можно заключить, что в рассматриваемом тексте актуализируются два когнитивных потока: один поверхностный – через вербализованное рассуждение, другой более скрытый – через подтекст. Художественная когниция, происходящая в подтексте, иногда выходит на поверхность в виде самых важных акцентируемых точек. Поверхностные когнитивные потоки могут быть весьма пространными, как, например, мысли героя во время процесса. Раньше он думал, что предал Ханну и тем самым вынудил ее уехать, но потом понимает, что Ханна уехала, так как боялась разоблачения своей неграмотности при дальнейшем обучении в трамвайном парке; однако Михаэль всё равно продолжает считать, что предал её и продолжает себя винить. Дальше следует итог его когниции – и если я был не виновен в том плане, что предательство по отношению к преступнице не может наложить на человека вины, то был виновен потому, что любил преступницу: *Und wenn ich nicht schuldig war, weil der Verrat einer Verbrecherin nicht schuldig machen kann, war ich schuldig, weil ich eine Verbrecherin geliebt hatte* [8, с. 126-127]. Этот эпизод исключительно важен с лингвокогнитивной точки зрения: во-первых, герой начинает именовать её преступницей, во-вторых, наконец, вплотную столкнулись концепты «любовь» и «политика»: человек виновен уже в самой любви к преступнику, любовь воспринимается как вина.

При прочтении романа постоянно возникает ощущение, что автор чувствует нестыковки «кирпичиков» сюжета и торопится (или, напротив, не торопится) вербализовать тот вопрос, который зреет у читателя: с той энергией, с которой Ханна поддерживала ложь своей жизни, она давно могла бы научиться читать и писать: *Mit der Energie, mit der sie ihre Lebenslüge aufrechterhielt, hätte sie längst lesen und schreiben lernen können* [8, с. 130]. Но автор делает такой ход: Ханна так стыдилась своей тайны (неграмотности), что не только перебежала с места на место, и, в конце концов, пошла работать в концлагерь, но и на суде не захотела её раскрыть, хотя это и стоило Ханне тюремного заключения. Продолжением этого хода является рассуждение автора-героя о стыде подсудимого (левша может стыдиться, что он левша и не признается в этом, хотя не имеет отношения к преступлению, совершенному правой рукой). В подтексте романа тем временем зреет читательский вопрос: в современной Германии левши скрывают, что они левши, а как же с теми либшафт-сценами, которые должны читать в гимназиях?

Когниция автора-героя оборачивается зрительными картинками, которые он себе воображает. В них он рисует себе Ханну очень жестко. Политика снова встречается с любовью. Его воображаемые картинки, где

Ханна предстает надзирательницей в лагере, перемешиваются с реальными картинками из воспоминаний. Самыми страшными были сны, где жестокая Ханна возбуждала его сексуально. От этого он просыпался и чувствовал целый коктейль чувств – желание, стыд, негодование и страх, который он сам у себя вызывал: *Das schlimmste waren die Träume, in denen mich die harte, herrische, grausame Hanna sexuell erregte und von denen ich in Sehnsucht, Scham und Empörung aufwachte. Und in der Angst, wer ich eigentlich sei* [8, с. 139]. Он признается, что фантазии разлагали реальный образ Ханны, сохранившийся по воспоминаниям: *Sie zersetzten die erinnerten Bilder von Hanna und verbanden sich mit den Bildern vom Lager, die ich im Kopf hatte* [8, с. 139].

К концу романа автор-герой высказывается в том плане, что у немцев всегда было мало наглядного материала о лагерях. Кое-что было опубликовано сразу после войны и переиздано лишь в 80-е годы. Этот фрагмент текста когнитивен вдвойне, поскольку он раскрывает и мысли автора, и процесс познания немцами своего кровавого прошлого. Автор сообщает, что сегодня выпущено столько книг и фильмов, что мир лагерей является частью общего воображаемого мира, который дополняет мир реальный. Сейчас фантазия свободно передвигается по новым материалам, но в его время фантазия едва двигалась, она полагала, что её передвижение не вяжется с тем потрясением, которое ещё должно быть воздано миру лагерей. Ей снова и снова приходилось разглядывать те несколько картин, которыми она была обязана фотоснимкам союзников и показаниям узников-очевидцев, пока эти картины не превратились в шаблоны. У читателя тем временем складывается собственный итог когниции: значит, шаблоны нововаты в том, что немцы так мало знают о своей вине?

Как уже отмечалось, текст написан в форме перепорученной речи, от лица героя, но там, где говорится, что при оглашении приговора на Ханне была одежда, напоминающая эсэсовскую форму, автор отделяется от героя. Автор ставит, таким образом, ещё один акцент, а герой продолжает думать, случайно или преднамеренно она так оделась. Михаэль постоянно страдает от того, что, как он сам считает, неоднократно предавал Ханну. Именно в это предательство он пытается спрятать свое отношение к преступлению Ханны (в том смысле, что если, по его мнению, не понять Ханну, то значит снова предать её): *Ich wollte Hannas Verbrechen zugleich verstehen und verurteilen. Aber es war dafür zu furchtbar. Wenn ich versuchte, es zu verstehen, hatte ich das Gefühl, es nicht mehr so zu verurteilen, wie es eigentlich verurteilt gehörte. Wenn ich so verurteilte, wie es verurteilt gehörte, blieb kein Raum fürs Verstehen. Aber zugleich wollte ich Hanna verstehen; sie nicht zu verstehen, bedeutete, sie wieder zu verraten. Ich bin damit nicht fertig geworden. Beidem wollte ich mich stellen: dem Verstehen und dem Verurteilen. Aber beides ging nicht* [8, с. 148]. С текстопостроительной точки зрения все рассуждения Михаэля выливаются в пространственные фрагменты

текста чистой когниции, где детально конструируются и разворачиваются его мысли, направленные на познание какой-либо истины.

Эти фрагменты всё более увеличиваются и учащаются к концу романа, одновременно становясь и более отвлеченными. Впервые появляется выражение «конфликт поколений», сквозь призму которого комментируется нацистское прошлое: *Manchmal denke ich, das die Auseinandersetzung mit der nationalsozialistischen Vergangenheit nicht der Grund, sondern nur der Ausdruck des Generationenkonflikts war, der als treibende Kraft der Studentenbewegung zu spüren war* [8, с. 157]. Поколению родителей приписывается равнодушие, безучастность, терпимость к преступникам, поколению детей – нежелание упрекать своих родителей за перечисленные черты: *Die Erwartungen der Eltern, von denen sich jede Generation befreien muß, waren damit, daß diese Eltern im Dritten Reich oder spätestens nach dessen Ende versagt hatten, einfach erledigt. Wie sollten die, die die nationalsozialistischen Verbrechen begangen oder bei ihnen zugesehen oder von ihnen weggesehen oder die nach 1945 die Verbrecher unter sich toleriert oder sogar akzeptiert hatten, ihren Kindern etwas zu sagen haben. Aber andererseits war die nationalsozialistische Vergangenheit ein Thema auch für Kinder, die ihren Eltern nichts vorwerfen konnten oder wollten. Für sie war die Auseinandersetzung mit der nationalsozialistischen Vergangenheit nicht die Gestalt eines Generationenkonflikts, sondern das eigentliche Problem* [8, с. 157]. Всё это формулируется как проблема детей. Таким же двойственным, по сути, оказывается и отношение Михаеля к Хане: он не в состоянии ни осудить её, ни понять.

Выход автор и герой находят в «коллективной вине», которая также становится предметом очередного когнитивного блока текста: *Was immer es mit Kollektivschuld moralisch und juristisch auf sich haben oder nicht auf sich haben mag – für meine Studentengeneration war sie eine erlebte Realität. Sie galt nicht nur dem, was im Dritten Reich geschehen war. Daß jüdische Grabsteine mit Hakenkreuzen beschmiert wurden, daß so viele alte Nazis bei den Gerichten, in der Verwaltung und an den Universitäten Karriere gemacht hatten, daß die Bundesrepublik den Staat Israel nicht anerkannte, daß Emigration und Widerstand weniger überliefert wurden als das Leben in der Anpassung – das alles erfüllte uns mit Scham, selbst wenn wir mit dem Finger auf die Schuldigen zeigen konnten* [8, с. 157-158]. Однако коллективная вина сопрягается с чувством стыда и муками от стыда: *Der Fingerzeig auf die Schuldigen befreite nicht von der Scham. Aber er überwand das Leiden an ihr. Er setzte das passive Leiden an der Scham in Energie, Aktivität, Aggression um. Und die Auseinandersetzung mit schuldigen Eltern war besonders energiegeladen* [8, с. 158].

И наконец, в заключение романа происходит последняя встреча любви с политикой. Причем любви в отсутствие любовной связи. Таким образом, к концу романа концепт «любовь» получает в тексте свой завершающий штрих, и любовь выступает как глубокое духовное чувство,

но она мгновенно пересекается с родительской любовью. Любовь к родителям окончательно и бесповоротно утвердила втягивание детей в родительскую вину (часть 3, глава 1): *Ich habe versucht, mich damit in den Zustand der Unschuld zu reden, in dem Kinder ihre Eltern lieben. Aber die Liebe zu den Eltern ist die einzige Liebe, für die man nicht verantwortlich ist. Und vielleicht ist man sogar für die Liebe zu den Eltern verantwortlich* [8, с. 159]. Фактически роман завершается концептуальной триадой «любовь – политика – вина».

Завершающим итогом когниции является авторский вывод, отрицающий всякое понимание происшедшего: нам нельзя претендовать на понимание того, чего нельзя понять, нельзя пытаться с чем-то сравнить то, что не поддается никаким сравнениям, нельзя задавать лишних вопросов, потому что спрашивающий, даже если он не подвергает пережитые ужасы сомнению, заставляет говорить о них вместо того, чтобы, содрогнувшись перед ними, оцепенеть в стыде, сознании своей вины и в немоте. Вспомним об извинениях автором Ханны, они звучат диссонансом там, где вина не подвергается сомнению.

Критика тем не менее, отмечает, что роман Б. Шлинка в какой-то степени помогает понять «то, чего понять нельзя» [6]. Завершая статью, подчеркнём следующее. Роман «Чтец» интересен с точки зрения немецкоязычного текста XX века тем, что он продемонстрировал осмысление событий жизни в контексте национальной истории. Их конструирование, определившее текстопостроительный облик романа, может считаться фактором немецкой текстовой лингвокультуры. Он воссоздает концептуальную картину мира автора и через его мироощущение позволяет судить об определенном качестве концептосферы того народа, представителем которого он выступает.

Список литературы

1. Бычкова Т. А. К вопросу об отражении концептуальной картины мира в идиостиле писателя (на материале творчества М. М. Зощенко) // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. Труды и материалы в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань, 2003. – С. 37 – 39.
2. Визель М. Новая рецензия на роман Бернхарда Шлинка «Чтец». – [Электронный ресурс]: <http://www.mirknigi.ru/info/news/document1484.phtml>
3. Красных В. В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1998. – № 1. – С. 53 – 70.
4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988.
5. Фоминых Н. В. Концепт, концептор и художественный текст // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Научное издание/ под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 176 - 178.
6. Терновенко Е. Бернхард Шлинка «Чтец». – [Электронный ресурс]: http://viborknig.myl.ru/publ/5-1-0-17_
7. Чарыкова О. Н. Индивидуальные концепты в художественном тексте // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 173 – 176.
8. Schlink B. Der Vorleser. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 2002.

К вопросу о методах изучения концептов

В статье представлен обзор методов изучения концепта, существующих на данном этапе развития лингвокогнитивистики. Автор делает вывод о том, что наиболее эффективным методом выделения когнитивно-семантических элементов концепта и его лексических репрезентаций является дефиниционный анализ. В статье описывается алгоритм, позволяющий построить наиболее полную модель изучаемого концепта.

The author systemizes theories and approaches to the concept study. The article observes existing methods of describing the semantic structure of a concept and its representations in a particular language. The author considers definition analysis to be one of the most effective methods and gives their own algorithm of creating a two-level model of a concept.

Ключевые слова: лингвистика текста, когнитивный анализ, методика, дефиниционный анализ, концепт.

Key words: definition analysis, methods, cognitive studies, concept.

В данной статье предполагается рассмотреть существующие методики изучения концептов и выработать целостный алгоритм лингвокогнитивного анализа, позволяющий построить модель того или иного концепта. Концепт характеризуется содержательной и структурной многомерностью [4; 8], поэтому моделирование концепта предполагает его рассмотрение на внешнем уровне, уровне оболочки, способов и средств выражения (в языке с помощью лексических и грамматических средств), и на внутреннем уровне, уровне смыслов, сем, основополагающих когнитивных элементов или прототипических признаков.

Обратимся к исследованиям когнитивных элементов концептов и рассмотрим взгляды ученых на то, что следует понимать под этими элементами.

Во-первых, «концепт существует в ментальном мире человека не в виде четких понятий, а как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово [16, с. 42]. Он может открывать целый ряд единиц, под «маской» которых выступает и в которых он реализовывается [9, с. 196]. Концепт выражается через лексические средства языка, но не равен им. В связи с этим следует отметить, что выделение типологических групп среди лексем, репрезентирующих концепт, ведет к выявлению лексико-семантической структуры концепта, но не когнитивных его элементов.

Во-вторых, в некоторых исследованиях когнитивные элементы ассоциируются со значениями лексемы-репрезентанта [11]. Однако, «языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта, что подтвер-

ждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта» [3, с. 40]. При этом смысловые, когнитивные слои концепта, его когнитивные элементы могут быть выявлены через анализ значений языковых средств его репрезентации.

Вслед за Э. Рош [17] под когнитивными элементами концепта в данной работе мы понимаем прототипические признаки данного концепта. В связи с этим выделение прототипических признаков исследуемого концепта предполагается производить в ходе компонентного анализа дефиниций к лексеме-репрезентанту, поскольку именно в данных дефинициях в наиболее полном объеме представлены признаки, характеризующие исследуемый концепт. В качестве индикатора или репрезентанта концепта избирается та лексема, которая является наиболее употребительной, достаточно обобщенной по своей семантике, не маркированной по стилистическому признаку, не является термином.

Компонентный анализ дефиниций к лексеме-репрезентанту, проводимый на материале толковых словарей, позволяет выявить когнитивные компоненты концепта или его когнитивно-семантический уровень. Обратимся к методам изучения языковых реализаций концепта или его лексико-семантического уровня. Рассмотрим критерии выбора учеными наиболее оптимальных материала и методов изучения лексико-семантических реализаций концептов.

Материалом для изучения средств объективации концепта могут служить текстовые фрагменты и словарные дефиниции. На наш взгляд, текст позволяет рассматривать средства реализации концепта в широком контексте, выявляя их функциональные, стилистические особенности, но ограничивает сам выбор этих средств прагматической целью автора. Так, средства реализации концепта SURPRISE, выявленные Т. А. Мезенцевой, ограничены произведениями Ч. Диккенса, его стилистическими особенностями, определенным историческим периодом развития языка [10]. Словарные дефиниции, в свою очередь, наиболее полно регистрируют языковые средства, объективирующие концепт, позволяют наиболее системно подходить к выбору лексического материала для последующего анализа. В связи с этим для наиболее полного описания лексических репрезентаций того или иного концепта в качестве материала следует рассматривать дефиниционные статьи фундаментальных толковых словарей.

Методы выделения средств реализаций концептов на материале словарей основываются на теориях поля, разрабатываемых в середине XX века. В этот период ученые исследовали семантические связи между отдельными лексемами, объединяя их в синонимические, антонимические ряды, ассоциативные цепочки и т. д. [1; 18]. В результате такой преемственности в современных работах при выделении лексики, репрезентирующей концепт, лексики, выражающей понятия, связанные с определенным

концептом, используются следующие способы ограничения лексического материала:

1) выделение синонимов к лексеме-репрезентанту (по словарям синонимов и фундаментальным англо-английским словарям) [6; 15];

2) выделение всех возможных лексем-ассоциаций к лексеме, репрезентирующей изучаемый концепт (по словарям-тезаурусам) [13];

3) выделение лексем, в значениях которых присутствуют маркеры исследуемого концепта [2; 5; 13];

а) маркером является сама лексема, репрезентирующая исследуемый концепт, то есть выбранная лексема определяется через лексему-репрезентант [13];

б) маркером является одно или несколько значений/сем/смыслов/семантических множителей, выделенных из дефиниций к лексеме-репрезентанту. Например, одно из значений выбранной лексики совпадает с одним из значений в дефинициях к лексеме-репрезентанту [5].

При этом авторы ограничивают рассматриваемый материал лексемами одной части речи [13], часто существительными, когда обнаруживается, что число лексем этой части речи преобладает. Это дает авторам основания предполагать, что лексемы части речи, наиболее представленной в исследуемом материале, могут репрезентировать весь концепт.

Методы структурирования выделенных средств репрезентации концептов также многообразны. Различаются основания, по которым исследователи относят единицы лексико-семантического поля концепта к ядру или периферии. Среди них:

1) частотность представленности в тексте. К ядру лексико-семантического поля концепта относятся лексемы, его репрезентирующие, которые чаще встречаются в исследуемом тексте [11];

2) особенности структуры и содержания дефиниции к лексеме-репрезентанту как системе значений этой лексики.

а) к ядру лексико-семантического поля относятся лексемы, все значения которых определяются через какое-либо из значений лексики-репрезентанта исследуемого концепта; к периферии – лексемы, лишь некоторые значения которых определяются через какие-либо из значений лексики-репрезентанта [5; 13];

б) к ядру лексико-семантического поля относятся лексемы, в дефиниции которых значения лексики-репрезентанта являются основными, а к периферии лексико-семантического поля относятся лексемы, в дефиниции которых значения лексики-репрезентанта являются дополнительными [10].

с) подход И. А. Стернина, в соответствии с которым структура лексико-семантического поля концепта соотносится с понятиями интенционального ядра и импликационной периферии [14]. Как отмечает М. В. Никитин, интенционалом концепта является логическое понятие, «прописывающее»

объект, денотат, а импликационал концепта – информационная аура, вписывающая концепт в систему его имплицативных связей с другими концептами [12, с. 59]. Соответственно, ядерными являются лексемы, которые большинство людей связывают в своем сознании с изучаемым концептом, а периферийными – более редкие случаи репрезентации этого концепта. Ядром, таким образом, является ключевая лексема-репрезентант, именуемая концепт в совокупности всех своих значений (этимологических и современных). Околоядерную зону образуют смыслы, представленные значениями синонимичных (реже – антонимичных) и аналогичных лексем. Периферия концепта изучается по его характеристикам, «рассыпанным» по разным текстовым источникам: как прецедентным (поговорки, пословицы и т.п.), так и индивидуально-авторским текстам, а также представленным в ассоциативных экспериментах. Все они вместе взятые составляют интерпретационный слой концепта, изучение которого позволяет выявить «такие семантические признаки, которых может не быть в семантеме (полном наборе значений) ключевого слова, именуемого концепт» [14, с. 11 - 13]. Данный подход к структурному анализу лексико-семантического поля концепта основательно разработан и часто применяется в современных исследованиях [7; 15].

Первое из представленных выше основание членения лексико-семантического поля концепта на ядерную и периферийную области представляется недостаточным. Так, уровень частотности той или иной лексемы в тексте показывает представленность данного средства репрезентации концепта в этом тексте. При этом остается неразрешенным вопрос полноты представления данной лексемой изучаемого концепта в языке. Второй и третий подходы к структурному анализу лексики, репрезентирующей концепт, по сути, схожи в своем стремлении обнаружить семантические связи той или иной репрезентирующей лексемы с основной лексемой-репрезентантом как наиболее надежным средством выражения изучаемого концепта. Чем больше таких связей, тем ближе лексема к ядру поля. Подход И. А. Стернина, тем не менее, некоторым образом напоминает первый подход, основанный на частотности выявляемости лексемы в тексте. Так, если то или иное средство реализации является неологизмом и обнаруживается лишь в произведениях одного-двух авторов, то, согласно теории И. А. Стернина, она, безусловно, считается периферийным средством репрезентации концепта. Однако картина меняется, если предположить, что анализ дефиниционных значений к этой лексеме покажет наличие в этих значениях всех или большинства прототипических признаков изучаемого концепта. В этом же ключе можно рассмотреть фразеологизмы, такие прецедентные тексты, как пословицы и поговорки. По теории И. А. Стернина, данные средства репрезентации концепта относятся к периферии его лексико-семантического поля. Здесь также не учитывается, насколько полно данное сочетание или текст отражают исследуемый концепт.

Особенности дефиниционной системы значений лексемы, репрезентирующей концепт, представляются более надежным основанием для структурирования лексико-семантического поля концепта на ядро и периферию. Это связано с особенностями строения словарной дефиниции. Такой особенностью являются иерархичность приведения значений в словарной статье. В первую очередь приводится то значение, которое наиболее характерно для понятия выражаемого лексемой. Соответственно, лексемы, в дефинициях которых первое значение определяется посредством лексемы-репрезентанта рассматриваемого концепта или через одно из ее значений, являются ядерными средствами репрезентации данного концепта. Другой особенностью лексем и, следовательно, их дефиниций является многозначность. При этом одни значения лексемы могут содержать маркеры, связывающие эту лексему с рассматриваемым концептом, другие – нет. Чем большее число лексико-семантических вариантов лексемы связано с лексико-семантическими вариантами лексемы-репрезентанта, тем полнее данная лексема выражает исследуемый концепт и значит, относится к ядру его лексико-семантического поля.

В связи с вышесказанным для структурно-полевого анализа лексико-семантических средств реализации исследуемого концепта, на наш взгляд, следует проводить компонентный анализ дефиниций. Вначале с точки зрения полевой теории рассматривается когнитивно-семантическая структура концепта. Затем проводится анализ лексем, репрезентирующих концепт с точки зрения того, ядерные или периферийные компоненты концепта входят в их значения. Структура когнитивно-семантического поля выстраивается на основе данных, полученных в результате анализа словарей, в зависимости от того, какое место та или иная характеристика занимает при идентификации, реализации и функционировании исследуемого концепта. Выявленные элементы структуры концепта соотносятся с ядром, среднепериферийной и периферийной частью поля.

Прежде всего, обратимся к ядру концепта. Ядерным в когнитивно-семантической структуре концепта представляется семантический компонент, представляющий наиболее характерное свойство той модели опыта, к которой нас относит лексема-репрезентант как языковой знак. На это указывает представленность компонента во всех значениях дефиниций лексемы-репрезентанта во всех рассмотренных словарях.

К среднепериферийной части когнитивно-семантического поля относятся элементы, которые представлены в дефинициях большинства словарей как основные для лексемы-репрезентанта. Отнесение элемента к среднепериферийной области поля предполагает его частотность, но не обязательность проявления в значениях лексем, репрезентирующих концепт. Элемент ядра, в свою очередь, является необходимым маркером концепта в лексемах-репрезентантах. Семантические компоненты или прототипические признаки концепта, не являющиеся определяющими при

отнесении той или иной лексемы к средствам реализации этого концепта, факультативны. Полевая организация лексических элементов, репрезентирующих концепт, напрямую связана с наличием тех или иных когнитивных компонентов концепта в их семантической структуре. Являясь репрезентантом исследуемого концепта в целом, каждая из отобранных лексем реализует, главным образом, один или несколько элементов его когнитивно-семантического уровня. Это означает, что ядерными репрезентантами или лексемами, наиболее полно объективирующими данный концепт, станут языковые знаки, в структуре дефиниций которых будут обнаружены ядерные и среднепериферийные когнитивные элементы этого концепта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что метод дефиниционного анализа позволяет не только выделить когнитивно-семантические элементы концепта и его лексические репрезентации, но и соотнести их друг с другом. Объединение данных об обоих уровнях концепта позволяет конструировать двухуровневую модель изучаемого концепта.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: ИИЛ, 1955.
2. Бахмет О. В. Языковая актуализация оценки геронтологических преобразований личности (на материале английского языка): дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2006.
3. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж, 2001. – С. 25-36.
4. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 201-231.
5. Вишаренко С. В. Принципы структурирования концепта "honour" и текстовая реализация его ядерных компонентов на материале ранненовоанглийского периода: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1999.
6. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002.
7. Ерус Е. С. Концептосфера «Страхование» и средства ее реализации в английском языке: дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2007.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003.
10. Мезенцева Т. А. Функциональные особенности репрезентации удивления в английском и русском языках: на материале прозы Чарльза Диккенса оригинальных и переводных вариантов: дис. ...канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
11. Миронец Е. С. Эволюция и особенности языковой репрезентации аксиологического концепта "Демосгасу" в инаугурационных речах президентов США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2007.
12. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.

13. Пичугина Е. В. Когнитивная организация и прагматическая реализация концепта FEAR: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001.
15. Сергеев А. И. Контрастивно-семантический анализ концепта «удивление» в русском и немецком языках: (на материале произведений Н. В. Гоголя и Э. Т. А. Гофмана): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
16. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42-67.
17. Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // J. Exp. Psychol.: General. – 1975. – V. 104. – P. 192-233.
18. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. – Heidelberg, 1931.

Динамика концептосферы детского художественного текста как отражение возрастной картины мира (на материале английского языка)

В статье исследуется художественный текст для детей на стыке двух наук – лингвистики текста и когнитивной лингвистики. В статье осуществляется попытка выявить изменяющийся концептуальный диапазон детских текстов, ориентированных на разный возрастной уровень читателей. В качестве иллюстрации способности концептосферы детского текста преобразовываться служит исследование концепта «красота».

This article considers the research of the literary text for children in the interdisciplinary aspect – text linguistics and cognitive linguistics. The article makes an attempt to trace through the changing conceptual range of the children's texts, concerning different age level of readers. The research of the concept "beauty" is used in the article as an illustration of the capacity of the conceptual sphere of the children's text to transform.

Ключевые слова: детский художественный текст, концепт, концептосфера, языковая картина мира, возрастная группа, эволюционирующий характер.

Key words: children literary text, concept, conceptual sphere, language map of the world, age group, evolutionary character.

На современном этапе развития языкознания когнитивный подход является актуальным и перспективным для самых разных лингвистических направлений, обнаруживая свою эффективность в раскрытии многих свойств рассматриваемых языковых явлений. Следует отметить в этой связи, что в некоторых случаях изучение последних необходимо начинать именно с когнитивной базы, поскольку та обеспечивает необходимый обзор в выявлении их сущностных характеристик. Особой значимостью для текстовых исследований обладает понятие концептосферы, которое фиксирует всё ментальное пространство текста, позволяя в силу данного обстоятельства увидеть различные текстовые характеристики в их взаимной обусловленности. Наиболее эффективным понятие концептосферы оказывается для детского текста, который объединяет в своем составе как произведения для детей, так и произведения, созданные самими детьми.

Настоящая статья касается только текстов для детей, написанных взрослыми. Их характерной особенностью является несовпадение языковых картин мира автора и реципиента, различие в концептуальном наполнении описываемого материала, стремление автора уподобиться детскому менталитету. Все когнитивные процессы такого рода наиболее полно охватываются понятием концептосферы, которая благодаря эволюционирующему типу данного вида текста способна перемещаться из текста в текст в зависимости от его возрастных и жанровых рамок.

Концептосфера, как известно, определяется как совокупность концептов. С конца прошлого века началось исследование текстовых концептов, и соответственно стало возможным вести речь о текстовой концептосфере. Совокупность вербализованных концептов в тексте предстает как сложная система, образованная пересечением, переплетением концептов, различающихся по их статусу в данной системе. Таким образом, представляется вполне правомерным заявить о вариативности концептосфер, которые в совокупности, представляют собой концепты, репрезентируемые в словарном запасе отдельной нации, группы или человека [4, с. 6]. Приведенная цитата характеризует концепты лексического уровня, чем и объясняется упоминание словарного запаса как сферы локализации концептов этого уровня. Продолжая вести речь о текстовых концептах, адаптируем данную цитату к тексту для детей, отметив ценность словарного запаса в актуализации его концептосферы, а также составляющих её концептов.

Попутно отметим и вариативность концепта. Во многих исследованиях высказывается мысль о том, что содержание концепта изменчиво и зависит от множества факторов. Так, например, вариативность концептуального содержания подчеркивает Р. М. Фрумкина, которая полагает, что если концепт – объект идеальный, то есть существующий в нашей психике, то следует задуматься о том, как соотносятся между собой ментальные образования, соответствующие одному концепту, в психике разных людей [10]. Применительно к детскому тексту вариативность концептуального содержания весьма актуальна, поскольку содержание концептов автора детского текста, несомненно, шире, чем содержание концептов его адресата, что объясняется принадлежностью автора к качественно иной возрастной группе.

Исходя из того, что концепт и концептосфера формируются на основе языка, М. Я. Блох утверждает, что в современной науке выделяются две картины мира: концептуальная, опосредованная языком, и языковая, содержащаяся внутри системы языка. Как справедливо замечает М. Я. Блох, картина мира как содержание действующего сознания строится человеком в течение всей его жизни, начиная от рождения. Она развивается в направлении от чисто языковой, номинативно-категориальной, к пропозитивно-дискурсной, понятийной в широком смысле этого слова [3]. На основании имеющихся данных о физиологии и психологии человека в процессе его возрастного развития М. Я. Блох выдвигает положение о семи этапах эволюции целостной картины мира человека вместе с ее оценочной частью в виде менталитета и называет этапы в соответствии с градацией возрастного статуса человека. Первая картина мира – младенческая; вторая картина мира – детская; третья картина мира – отроческая; четвертая картина мира – юношеская; пятая картина мира – раннезреловозрастная; шестая картина мира – среднезреловозрастная; седьмая картина мира – позднезреловозрастная [3].

Положение об эволюции целостной картины мира человека может быть применимо к художественному тексту для детей, поскольку, говоря о детском тексте, мы имеем дело с текстом, одной из основных особенностей которого является его эволюционирующий характер. Речь идет о том, что автор в процессе текстопостроения, ориентируясь на вполне определенного читателя, осуществляет выбор как самого предмета сообщения, так и его вербализацию. Данное утверждение справедливо в большей мере для авторского текста, однако сюда могут быть причислены и произведения без автора, а именно народные сказки, которые имеют, однако, традиционно устоявшуюся возрастную ориентацию. Зачастую ориентир на возраст предполагаемого читателя задается не автором, а издателем текста, который исходя из собственной оценки, указывает его в сопроводительных материалах к детскому произведению. Тем не менее исследователи отмечают, что, как правило, авторы детских произведений ориентируют себя на определенные возрастные особенности своего [1; 5; 8]. Вполне возможно, что авторские представления о возрастных периодах детского читателя совпадают с языковой картиной М. Я. Блоха. Однако несмотря на данный факт на современном этапе развития детского текста не существует единой классификации детских произведений, которая ориентировалась бы на возраст предполагаемого читателя.

Между тем исследование концептосферы детского текста с учетом его эволюционирующего характера позволяет проследить за изменяющимся концептуальным диапазоном детских текстов, ориентированных на разный возрастной уровень читателей. На этом основании можно сформулировать определенные рекомендации как для авторов, так и для издателей детских текстов, поскольку концептуальные исследования такого рода могут заложить основания для интуитивных оценок. В качестве иллюстрации способности концептосферы детского текста преобразовываться в тех или иных направлениях от одного возрастного уровня к другому может послужить исследование концепта «красота». Этот концепт важен для данного типа текста, поскольку эстетическое восприятие окружающего мира обнаруживается у детей очень рано и проявляется (судя по нижеприводимой цитате) очень своеобразно с точки зрения его способности формировать соответствующую концептосферу. Как полагает Л. Левит, красивым, по мнению дошколят, быть очень хорошо, так как тогда «все тебя будут любить и не будут обижать» [6]. Уже на примере этого детского суждения видно, что один концепт в их языковой картине мира плавно перетекает в другой, образуя весьма своеобразные комбинации (в частности, концепты «красота» и «любовь»). По этой причине целесообразно даже при рассмотрении одного концепта не упускать из виду всей концептосферы, либо того или иного её фрагмента.

Подтверждением данного факта может послужить то обстоятельство, что в текстах детских произведений красота имеет в качестве своих обяза-

тельных партнеров целый ряд качеств, и персонаж, обладающий красотой, в большинстве случаев оказывается добрым и положительным. Например: (1) her <...> daughter, about fifteen years of age, who for her *beauty* and *kindness* was the wonder of all that knew her [13]; (2) She could not endure her *amiable* step-daughter, with all her *charming* qualifications [14]; (3) <...> as *kind-hearted* as you are *beautiful* ... [15] (здесь и далее курсив наш. – И. К.). Таким образом, наблюдается тесная связь концепта «красота» с концептом «добро».

Возвращаясь к исследованию изменений, происходящих в концептуальной сфере детских произведений, следует отметить, что концепт «красота» в детском тексте многоаспектен и, как следствие этого, имеет различные проявления в произведениях, рассчитанных на разный возрастной уровень читателей. Так, например, среди произведений, адресованных детям самой младшей возрастной группы, концепт «красота» может проявляться лишь в констатации того факта, что тот или иной персонаж текста красивый. Например: (1) Now it happened that in the course of his journey there lived a rich man with his only daughter, a *beautiful* girl, but deaf and dumb [13]; (2) Once upon a time there lived in a certain village a little country girl, the *prettiest* creature who was ever seen [15].

В отдельных случаях в тексте сообщается лишь о том, что один персонаж текста обладает данным качеством в большей мере, чем другой. Например: (1) But she was really far *prettier and cleverer* than they were; indeed, she was so lovely that she was always called Beauty [15]; (2) However in her shabby clothes Cinderella was *ten times handsomer* than her sisters, let them be ever so magnificently dressed [14]; (3) The king had a daughter, Anne, and the queen had one named Kate, but Anne was *far bonnier* than the queen's daughter <...>. The queen was jealous of the king's daughter being *bonnier* than her own <...> [13].

Подобным образом концепт «красота» может проявляться в народных сказках, которые, хотя и не имеют автора, тем не менее, претерпевают некоторую издательскую обработку и имеют традиционно устоявшуюся возрастную ориентацию. Тексты такого типа, как правило, рассчитаны на адресата, обладающего весьма ограниченным содержанием концепта «красота». В авторских произведениях содержание концепта «красота» актуализируются шире, что проявляется в более детальных дескрипциях персонажей детского текста, отражающих данный концепт. При этом лексема со значением «красивый» иногда могут отсутствовать, но достаточно пространное описание внешности персонажа указывает на его красоту. Часто описывается и красивый костюм, например: (1) the Witch Glinda sat upon a throne of rubies. She was both beautiful and young to their eyes. *Her hair was a rich red in color and fell in flowing ringlets over her shoulders. Her dress was pure white but her eyes were blue*, and they looked kindly upon the little girl [2]; (2) <...> a great lady, taller than any woman that Edmund had ever

seen. She also was covered in white fur up to her throat and held a long straight golden wand in her right hand and wore a golden crown on her head. *Her face was white – not merely pale, but white like snow or paper or icing-sugar, except for her very red mouth. It was a beautiful face* <...> [12]; (3) <...> every year he became more beautiful to look at <...> He was white and delicate as sawn ivory, and his curls were like the rings of the daffodil. His lips, also, were like the petals of a red flower, and his eyes were like violets by a river of pure water, and his body like the narcissus of a field where the mower comes from [13].

Подобное детальное описание красоты персонажей свидетельствует о том, что автор такого типа текста рассчитывает на имеющийся у его адресата потенциал представлений, отражающих в его сознании концепт «красота». Автор предлагает адресату такого типа текста свое представление о концепте «красота» и рассчитывает на его адекватное восприятие адресатом. Данный факт свидетельствует о том, что адресат такого типа текста находится в том возрасте, в котором он способен не только реализовать имеющийся в его сознании концепт «красота», но и понять, что содержание данного концепта достаточно широко.

В текстах для старшей возрастной группы красота упоминается вместе с другими качествами человека. Можно полагать, что при положительном отношении к персонажу эти качества находятся во взаимном дополнении. Таким образом, вновь обнаруживается некий участок концептосферы, соединяющий ряд концептов. В нижеследующих примерах сочетаются красота и приятный характер: <...> a young daughter, but of unparalleled *goodness and sweetness of temper*, which she took from her mother, who was the best creature in the world” [14]; красота и изысканные манеры: She had all the Queen’s *pretty petulance of manner*, the same wilful way of tossing her head, the same *proud curved beautiful mouth*, the same *wonderful smile* – as she glanced up now and then at the window, or stretched out her little hand for the stately Spanish gentlemen to kiss [13]; внешняя красота и красивый голос: No one on earth has such a *lovely voice* as theirs. The little mermaid *sang more sweetly* than them all. The whole court applauded her with hands and tails; and for a moment her heart felt quite gay, for she knew she had *the loveliest voice* of any on earth or in the sea [15]; красота и хороший вкус: They also called Cinderella to their aid; for she had *very good taste*, and she offered, in the *most amiable manner*, to arrange their heads herself [14].

Расширение концепта «красота» через придание ему разнообразных оттенков в текстах такого типа служит доказательством того, что адресату, находящемуся в соответствующих возрастных рамках, уже под силу восприятие самых разнообразных проявлений данного концепта. При этом концепт «красота» на вербальном уровне реализуется через различные синонимы лексемы «beautiful».

В произведениях, адресатом которых является старшая возрастная группа читателей концепт «красота» находит свое проявление также в описаниях одежды, украшений, личных вещей персонажей, что также свидетельствует о более широком диапазоне представлений о концепте «красота» у адресата текста. Например: (1) It was the White Rabbit returning *splendidly dressed*, with a pair of white kid gloves in one hand and a large fan in the other <...> [11]; (2) But the Infanta was *the most graceful of all, and the most tastefully attired*, after the somewhat cumbrous fashion of the day. Her robe was of grey satin, the skirt and the white puffed sleeves heavily embroidered with silver, and the stiff corset studded with rows of fine pearls. Two tiny slippers with big pink rosettes peeped out beneath her dress as she walked. Pink and pearl was her great gauze fan, and in her hair, which like an aureole of faded gold stood out stiffly round her pale little face, she had *a beautiful white rose* [13]; (3) the fairy touched Cinderella with her magic wand, and her clothes were instantly changed into *a most magnificent ball-dress*, ornamented with the most costly jewels. The fairy now took from her pocket *a beautiful pair of elastic glass slippers*, which she caused Cinderella to put on <...> [14]; (4) She made him *a beautiful green bow and arrow* from a blade of grass with which he could hunt crickets and grasshoppers [13].

Очень часто в произведениях для детей, обладающих представлением о широком содержании концепта «красота», данный концепт находит свое проявление в описаниях природы, которой авторы детских текстов уделяют большое внимание, особенно в зообеллетристике. Помещая своих персонажей в то или иное место повествования, авторы реализуют концепт «красота» в описаниях различных объектов ландшафта. Так, например, в детских текстах концепт «красота» может проявляться в описаниях леса, лужаек, сада и прочих объектов природы, например: (1) To be sure, the broad river now cut them off from this *beautiful land* [2]; (2) <...> she knelt down and looked along the passage into *the loveliest garden* you ever saw [11]; (3) They walked along listening to the singing of the bright-coloured birds and looking at the *lovely flowers* which now became so thick that the ground was carpeted with them <...>. «*Aren't they beautiful?*», the girl asked [2]; (4) It was *a large lovely garden*, with soft green grass. Here and there over the grass stood *beautiful flowers* like stars <...> [13].

В тех случаях, когда объекты ландшафта служат в качестве жилища для персонажей детского текста, концепт «красота» находит реализацию и в их описании, демонстрируя при этом красоту жилища. Например: «*It's a lovely place, my house*», said the Queen [12]. Что касается зообеллетристики, то актуализация концепта «красота» имеет место лишь в описаниях внешнего вида представителей животного мира. Например: *I was now beginning to grow handsome; my coat had grown fine and soft, and was bright black. I had one white foot and a pretty white star on my forehead. I was thought very handsome* [9]. Ограниченные рамки репрезентации концепта «красота» в этом

случае позволяют предположить, что тексты такого типа ориентированы на младшую возрастную группу.

Концепт «красота» в детских текстах может быть представлен и в различных описаниях природных явлений, например, в описании радуги: *The child looked out over the sea, and in the middle she saw an arch of beautiful colours. It glinted and glistened in the sunlight. It reached the sky* [13].

В произведениях для детей концепт «красота» может иметь свое выражение и в описаниях различных темпоральных характеристик, в связи с чем красотой в детском тексте может наделяться то или иное время года или определенное время суток. Например: *So off he started, one very fine morning, for the king's house* [13]. Думается, что данный факт также выдает возрастную адресацию детского текста в том её проявлении, когда маленький читатель в состоянии переносить признак красоты на достаточно отвлеченные явления. Концептосфера «красота» в детских текстах, таким образом, обусловлена и переносом признаков красоты на различные объекты окружающего мира – от внешнего облика персонажа до разного рода отвлеченных сущностей.

Следует отметить, что иногда авторы текстов для детей используют концепт «красота» в заголовках своих произведений. В таких случаях авторы, как правило, наделяют красотой своих главных героев, и концепт «красота» становится стержневым концептом всего текста, поскольку именно красота героев определяет как судьбу самого персонажа, так и ход дальнейшего повествования. Заголовки произведений для детей, в которых реализуется концепт «красота» можно проиллюстрировать следующими примерами: «Beauty And The Beast», «Black Beauty», «Sleeping Beauty».

Очень часто в детском тексте концепт «красота» имеет тесную связь с концептом «любовь», поскольку во многих случаях источником возникновения чувства между персонажами произведений для детей, служит красота одного из персонажей текста. Например: (1) *The king mourned her long and faithfully, but one day while he was hunting he came across a lady of great beauty, and fell so much in love with her that he determined to marry her* [13]; (2) *<...> there was then in this castle a princess, the most beautiful was ever seen <...>. The young Prince <...> pushed on by love and honor, resolved that moment to look into it* [15].

Таким образом, рассмотрев приведенные в данном пункте исследования примеры, иллюстрирующие презентацию концепта «красота» в произведениях для детей, можно с уверенностью сказать, что концепт «красота» в детском тексте может находить свое проявление в очень широком круге предметов и явлений окружающего мира. В заключение можно сделать вывод о том, что рассмотренная концептосфера, концентрирующаяся вокруг концепта «красота», достаточно сложно структурирована, обнаруживает тесную взаимосвязь различных концептов, соединение которых в её границах имеет явно выраженную возрастную мотивацию.

Список литературы

1. Алексин А. Г. Я к Вам пишу... // Детская литература. – 1966. – № 1. – С. 26.
2. Баум Лаймен Франк. Удивительный Волшебник из страны Оз. На англ. яз. – М.: Юпитер-Интер, 2004.
3. Блох М. Я. Концепт и картина мира // Материалы международной научно-практической конференции (17-19 марта 2006 г.) «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты)». М. – Кострома, 2006. – С. 16-20.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000.
5. Коровко Л. А. Особенности детской литературы // Проблемы русской литературы / Омский гос. пед. ин-т. – Омск, 1974. – Вып. 82. – С. 87 - 99.
6. Левит Л. Психология красоты. – [Электронный ресурс]: <http://1001.ru/arc/levit/issue17/>
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учеб. пособие. – М.: Academia, 2004.
8. Мотяшов И. П. Специфика ли виновата? // Вопросы литературы. – 1960. – № 12. – С. 19.
9. Сьюэлл Э. Приключения Черного Красавчика: Учеб. пособие. Книга для чтения на англ. языке. – СПб.: Антология, 2003.
10. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 74 - 117.
11. Carroll Lewis. Alice's Adventures in Wonderland. – [Электронный ресурс]: CARROLL/alice.txt
12. Lewis C. S. The Lion, the Witch and the Wardrobe. Harper Collins Publishers Ltd. – [Электронный ресурс]: en.wikipedia.org
13. The Happy Prince and Other Tales. – [Электронный ресурс]: http://www.englishlanguage.ru/texts/index.php?SECTION_ID=60
14. Little Cinderella // International Children's Digital Library. – [Электронный ресурс]: <http://en.childrenslibrary.org/>
15. Wilde O. The Young Prince. – [Электронный ресурс]: <http://www.surlalunefairytales.com>.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

УДК 81:004.738.5

О. Н. Морозова

Некоторые особенности стилистики современного политического интернета

В статье рассматриваются основные подходы к изучению стилистических особенностей политического интернета как достаточно нового социального и языкового явления, а также проблемы его жанрообразования. Кроме того, автор выделяет жанрообразующие признаки, которые определяют появление новых жанров, и степень их распространения в другие сферы человеческой деятельности, в целом, и в политической интернет-коммуникации, в частности.

The article examines the main approaches to the study of stylistic features of Political Internet as a relatively new social and linguistic phenomenon, as well as the problem of its genre formation. Furthermore the author distinguishes genre attributes that define the appearance of new genres and the rate of their spread in all spheres of human activities in general and in political online-communication, in particular.

Ключевые слова: политическая интернет-коммуникация, стилистика, жанр, жанрообразующие признаки.

Key words: political online-communication, stylistics, genre, genre attributes.

Политический интернет, представляя собой одну из разновидностей политической коммуникации, несомненно, обладает всеми ее общими характеристиками. Однако новая сетевая среда накладывает определенные специфические черты и вызывает необходимость по-новому взглянуть на некоторые свойства, описываемые традиционной лингвистикой. Одним из таких вопросов является стилистика политического интернета, которая явно не вписывается в рамки традиционной функциональной стилистики.

Определение политического дискурса зависит от области его изучения. Например, в политологии политический дискурс рассматривается как совокупность текстов, в которых отображается политическая и идеологическая практика какого-то государства, отдельных партий и течений в определенную эпоху [7, с. 57]. В лингвистике наиболее полное определение политического дискурса представлено Е. И. Шейгал в монографии «Семiotика политического дискурса», где автор описывает политический дискурс как институциональный и образующий «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом...» [13, с. 22].

Рассматривая стилистическую принадлежность политического дискурса необходимо отметить его тесную связь с публицистикой. В «Словаре русского языка» публицистика определяется как литература по актуальным общественно-политическим вопросам современности, текущей жизни общества, следовательно, большая часть публицистических произведений может быть отнесена к социально-политическим проблемам [9, с. 629]. В первую очередь это относится к освещению политических вопросов в средствах массовой коммуникации. Однако применение политического дискурса гораздо шире – это публичная речь, телевизионные дебаты, межличностное общение, диалог между социальными институтами, научно-политические работы, аналитические обзоры и т.д. Все эти типы дискурса, несомненно, имеют общие черты, но сфера их применения накладывает и определенные различия как в его структуре и функционировании, так и в языковой репрезентации с точки зрения конкретного вида коммуникации.

Лингвистические особенности, которые являются общими для политической коммуникации в целом, позволяют рассматривать ее как отдельный тип дискурса, который характеризуется функционально-стилевым единством политической публицистики и входит через это единство в функциональный публицистический стиль как высшую ступень иерархической лестницы. Однако такие специфические свойства интернет-коммуникации, как электронный канал связи, интерактивность, гипертекстовая организация и другие, несомненно, оказывают влияние на характер использования языковых средств в этом типе дискурса.

Внутри политической интернет-коммуникации существует деление на более узкие единства, например:

письменные формы – сайты общественно-политического содержания, предвыборные программы партий, лозунги, листовки, реклама;

устные – интервью, форумы, конференции, чаты, которые представлены аудио- и видеофайлами;

тексты, совмещающие характеристики устной и письменной форм речи; выступления, текст которых подготовлен и записан заранее, – инаугурационные выступления президентов, доклады (отчеты), агитационные речи, предвыборные выступления и др.

Такое разнообразие ведет к смешению традиционных функциональных стилей с новыми разновидностями, которые не вписываются в этот общий ряд. Существующие классические пять стилей – научный, деловой, газетно-публицистический, литературно-художественный и разговорный – не покрывают того многообразия новых форм, появившихся в интернете за время его существования. Да собственно не один из них и не может полностью быть применим к описанию этих форм, скорее представленные в интернете разновидности политического дискурса могут быть рассмотрены как межстилевые явления, включающие в себя элементы любого из них.

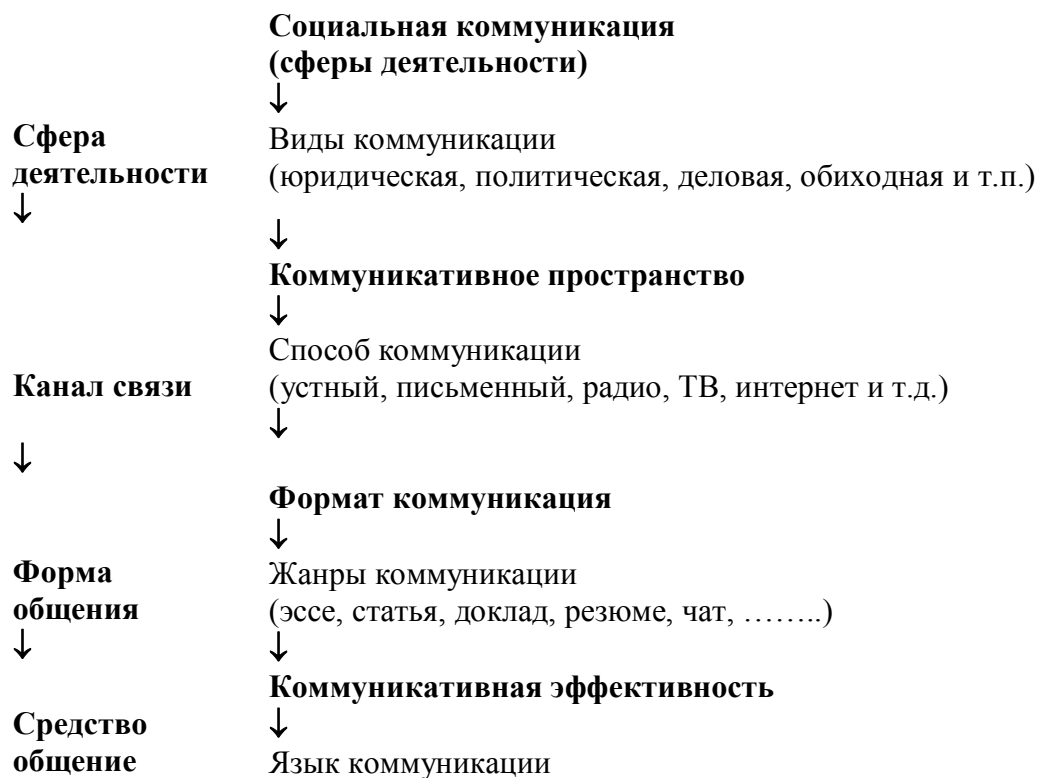
Изменение языка на всех его уровнях под воздействием особенностей компьютерного общения признается многими лингвистами. Так, например, Л. Ю. Иванов выдвигает следующие задачи, стоящие перед современным языкознанием: «Очерчивание общих оснований описания, и затем подробная характеристика изменений, наблюдаемых под воздействием ГС (*глобальной сети*) на различных уровнях языка с одновременной попыткой ответить на вопрос, насколько эти изменения могут повлиять на действующие нормы соответствующих уровней» [5]. Г. Г. Хазагеров также отмечает, что многими современными лингвистами «высказываются два предположения. Первое состоит в том, что система традиционно выделяемых функциональных стилей, во-первых, не соответствует сегодняшней языковой ситуации и тем самым не способна поддержать и не поддерживает культуру языкового общения, во-вторых, сам функционально-стилистический подход нуждается в серьезном уточнении, без чего он оказывается неадекватным современному языкознанию» [12, с. 13].

В связи с этим, прежде всего, необходимо разграничить понятия «стиль» и «функция». Функция означает служить определенным целям в соответствии со сферами использования языка, то есть с принципом коммуникативной целесообразности, а, следовательно, связана с понятием нормы. Стиль – это речевая стратегия, связанная с селекцией и комбинацией языковых средств в соответствии с функционально-прагматической функцией всего речевого произведения. Такое распределение значений этих двух понятий позволяет говорить о том, что все представленные речевые произведения могут быть разделены на основании мотивирующего признака, определяющего организацию этого произведения в целом. Несомненно, что любое речевое произведение направлено на коммуникацию участников речевого акта, но прагматическая установка может быть различной, и зависит это от мотивации обоих участников. Собственно существует две основные функции – функция информационно-убеждающая и эстетическая функция, которые детерминируют способ репрезентации речевого произведения в процессе коммуникации. Это в определенной мере отправляет нас к достаточно древнему делению стилистики по Аристотелю на риторiku и поэтику. В этом случае риторiku в современном языкознании представляют различные виды коммуникации, направленные на реализацию функций информирования и убеждения, и поэтику – художественные произведения, мотивирующая функция которых – эстетическая, то есть «выражение чувств с помощью языка» и «воздействие языка на чувство» [3].

В. В. Одинцов в предисловии к книге «Стилистика текста» пишет: «Изучение текста научных, публицистических или художественных жанров не может быть успешным без выделения и описания основных форм и типов речевых высказываний, их структурно-стилистических особенностей, характера связей и отношений элементов, своеобразия их строения в

зависимости от контекстов и ситуаций. В связи с этим совершенно понятны встающие на пути такого исследования трудности: необходимость учета соотнесенности отражающихся в тексте логических, психологических и лингвистических аспектов. Как ни важны языковые средства, ими нельзя ограничиться даже при изучении только формальной стороны текста» [8, с. 5]. Нельзя не согласиться с автором, что язык является очень важным для лингвистического анализа, но не определяющим для стилевых разграничений. Язык – это результат учета таких экстралингвистических факторов, как функционально-прагматическая установка, сфера деятельности, ситуация, участники и др. Таким образом, необходимо не просто «дать классификацию стилей как констант, исходя из подтверждаемых статистикой перечня характерных языковых черт», а выявить закономерности формирования функционально-прагматического аспекта речевых произведений как средств его смыслового выражения [10].

Интересной представляется мысль, высказанная Г. Г. Хазагеровым в статье «В поисках новой дискурсивной стилистики (о слабостях функционально-стилистического подхода и перспективности риторических теорий стиля)», где автор выделяет три основных параметра, на которые должна быть ориентирована разработка этой насущной проблемы: коммуникативное пространство; групповая коммуникация; коммуникативная эффективность. Учет этих параметров можно проиллюстрировать следующим образом:

Изучение способов языкового отображения (а именно, совокупность структурно-композиционных средств, особенностей языка, объем информативности и др.) в соответствии с данной моделью представляется важным и продуктивным для идентификации стиля. Стиль индивидуален, он характеризует объединение с позиций более общих категорий, каковыми, как мы полагаем, можно считать функцию и социальную сферу, которые и мотивируют отбор языковых средств для организации конкретного вида коммуникации. Для определения стиля могут быть использованы такие характеристики, как: официальный / неофициальный, формальный / неформальный, высокий / сниженный, информативный, бытовой, развлекательный и др., которые детерминируют выбор определенной стратегии при языковой организации речевого материала.

Формы дискурса, представленные в том или ином коммуникационном объединении, являются средством, своего рода, кодом для реализации набора функций данного типа общения. Эти формы соотносимы с понятием жанра, которое сейчас широко обсуждается и изучается в различных областях науки. Пока нет единодушного решения по выделению и классификации жанров, определению признаков речевого жанра применительно непосредственно к виртуальной коммуникации.

Жанр, несомненно, представляет собой типологическое явление, которому свойственно динамическое развитие в соответствии с появлением новых сфер общественной деятельности, каналов коммуникации, форм общения, языковых средств в процессе исторического развития общества. Это развитие будет влиять не только на изменения внутри жанра, но и на появление новых, что и происходит сейчас в связи с широким использованием современных компьютерных технологий. Своеобразие сетевого дискурса подчеркивается многими учеными, например, А. И. Акопов отмечает: «Конечно, не только в Сети, но и в реальной действительности существует все разнообразие устной и письменной речи, текстов различных жанров и форм, но только в Сети многочисленные аспекты языкового функционирования объединены в причудливый конгломерат переплетенных и перемешанных тем, проблем и вопросов» [1]. Для современного состояния в решении вопроса определения набора жанров в политической коммуникации в целом, и особенно, политической интернет-коммуникации, просматривается четкая направленность на их узкую дифференцированность. «Они присутствуют в сознании языковой личности в виде готовых сценариев, фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово» [11, с. 41].

Для изучения жанров политической интернет-коммуникации важным и необходимым представляется исследовать не просто жанровую форму высказываний в ходе реплицирования, не просто речевые действия говорящих, но как форму речевого общения в процессе деятельности людей, как социокультурное явление, как взаимодействие общающихся [4]. Опираясь на эту концепцию, жанр можно определить как форму организации

языкового материала для адекватной передачи информации с целью реализации конкретных целей общения в соответствии с типичной моделью поведения в повторяющихся коммуникативных ситуациях.

В современной лингвистике широко представлены разнообразные наборы признаков для типологизации жанров речевых произведений. Например, М. Н. Кожина предлагает опираться на экстралингвистические факторы, такие как: говорящий, слушающий (отношения между ними), передаваемое содержание, условия и обстоятельства производства речевого жанра, цель общения (интенции, намерения говорящего), ситуация общения, сфера деятельности и др. [6, с. 32]. Т. В. Шмелева называет семь признаков, а именно: 1) коммуникативная цель, 2) образ автора, 3) образ адресата, 4) образ прошлого, 5) образ будущего, 6) тип содержания, 7) языковое воплощение [14, с. 91]. С ориентацией на жанры компьютерной коммуникации Н. Г. Асмус выделяет следующие жанрообразующие параметры: тематический признак, коммуникативная цель, сфера общения, образ автора – читателя, режим синхронного/асинхронного времени, форма объективации (близость к письменному или устному тексту), диалог /полилог, композиция, языковые особенности. [2, с. 35]. У всех авторов явно просматривается совпадение четырех признаков – это: цель коммуникации, адресант, адресат, содержание (диктум – Шмелева; тематический признак – Асмус).

Другие признаки, хоть и отличаются, тоже имеют точки соприкосновения. Например, предлагаемые Н. Г. Асмус признаки режима синхронного / асинхронного времени и диалога /полилога представляют собой определенные характеристики ситуации общения у М. Н. Кожиной и, по нашему мнению, являются необходимыми для более точного определения специфики отдельно взятой формы коммуникации. Все эти признаки основаны на экстралингвистических факторах, что полностью соответствует концепции М. М. Бахтина. Что касается остальных признаков, то они либо являются детализацией уже указанных (например, «условия и обстоятельства» у М. Н. Кожиной являются дополнением к признаку «ситуация общения»; а признаки «образа прошлого и будущего» у Т. В. Шмелевой могут быть представлены как фоновые знания адресата и интенции адресанта соответственно), либо соотносятся с языковыми средствами («языковое воплощение» у Т. В. Шмелевой и «форма объективации, композиция, языковые особенности» у Н. Г. Асмус), которые, как мы полагаем, являются результатом действия экстралингвистических факторов и являются их средством выражения в каждом конкретном жанре.

Таким образом, представляется правомерным выделить пять признаков, определяющих типологию жанров, – это: цель коммуникации, адресант, адресат, ситуация общения, содержание. Эти признаки не только определяют, но и объясняют появление новых жанров и степень их распространения в другие сферы человеческой деятельности. Например, компьютерный жанр чата появился на основе электронного письма, так как

изменилась ситуация общения. Появившаяся возможность on-line общения в режиме реального времени привела к появлению ICQ, прежде всего, как формы межличностного бытового общения. Однако удобство моментального обмена сообщениями привело к распространению этой формы и в других сферах, например, сфере услуг для быстрой связи с клиентами. Это, несомненно, привело к смене языкового наполнения, так как изменились статусно-ролевые отношения коммуникантов, но в целом жанр чата сохранил свои основные признаки.

Высказанные здесь предположения не претендуют на конечность в решении проблемы стилистики интернета или выделения жанрообразующих признаков и определении жанра. Эти понятия очень емкие и динамичные и для полного их описания необходимо отдельное научное исследование. Кроме того, каждая отдельная сфера человеческой деятельности добавляет свои специфические параметры, детерминирующие организацию форм презентации речевых произведений, что, несомненно, будет способствовать не только появлению новых жанровых разновидностей, но и трансформации старых в условиях новых форм коммуникации.

Список литературы

1. Акопов А. И. Текст как сущность и форма сетевых публикаций // История. Творчество. Коммуникации. – 2010. – № 19 (217). – [Электронный ресурс]: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=223&level1=main&level2=articles>
2. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005.
3. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 428 - 472.
5. Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. – [Электронный ресурс]: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm>
6. Кожина М. Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. тр. – Пермь, 1999. – С. 22 - 39
7. Миронова Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 1997.
8. Одинцов В. В. Стилистика текста. – изд. 3-е. – М., 2006.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1991.
10. Ревзина О. Г. Стилистика XXI века // Стилистическая система русского языка – 3 – Конференции – Прикладная лингвистика – Слово Текст Язык. – [Электронный ресурс]: <http://fixed.ru/prikling/conf/stilsist3/stilidmvhzpt.html>
11. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. – Саратов, 1999.
12. Хазагеров Г. Г. В поисках новой дискурсивной стилистики (о слабостях функционально-стилистического подхода и перспективности риторических теорий стиля) // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах / под ред. Г. Н. Мананенко. Выпуск 3. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – С. 13 - 22.
13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография. – Волгоград: Перемена, 2000.
14. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88 -99.

Структурно-смысловая организация дискурса аналитической радиопрограммы¹

В статье рассматривается полилог как речевая форма организации радиодискурса аналитических радиопрограмм. Анализируются коммуникативные условия и линии структурно-смыслового развёртывания полилога, роли в этом участников речевой ситуации; выявляются особенности языкового воплощения частных коммуникативных задач.

The article is devoted to the study of polylogue as a speech form of organization of the discourse of analytical radio program. Various communicative conditions, ways of structural and semantic development of polylogue and roles of the participants of a speech act in this development are analyzed; peculiarities of speech realization of particular communicative tasks are distinguished.

Ключевые слова: радиодискурс, аналитическая программа, полилог, радиоведущий, участники коммуникации, коммуникативная стратегия.

Key words: radio discourse, analytical program, polylogue, radio presenter, participants of communication, communicative strategy.

В условиях стремительно меняющегося мира, одной из главных черт которого становится всё нарастающая индивидуализация, порождающая социальную разобщённость, возрастает роль массовой культуры и массовой информации. «Являясь порождением современной цивилизации, они всё более выполняют коммуникативные функции, противостоящие процессам атомизации» [1, с. 3]. Язык СМИ отражает движение языковой материи, новые тенденции в развитии языковой ситуации, является наиболее «чутким» индикатором изменений социальных и генерационных пропорций в обществе [8]. Эти изменения исследователи квалифицируют как смену коммуникативной парадигмы современного общества, вызванную социальными факторами [6]. Таким образом, разноаспектное изучение языка современных масс-медиа вводит в научный оборот огромный пласт современной речи, отражающей общественное сознание в современной России.

Наиболее оперативным и демократичным средством массовой коммуникации является радио. «Демократичный характер радиовещания делает его одним из самых эффективных инструментов в утверждении такой де-

---

¹ Статья выполнена в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы» (№ П734) и проекта РГНФ № 11-34-00365а2

мократической ценности, как свобода слова, а в целом, усиливает его социально-преобразовательные функции» [1, с. 11]. По направленности вещания станции дифференцируются на радио разговорное (all-talk), новостное (all-news), музыкальное (all-musik) [1, с. 11]. Наиболее полно реализуют присущие СМИ коммуникативные и интегративные функции аналитические радиопрограммы all-talk. Актуальность обращения к радиодискурсу продиктована тем, что он предоставляет материал, отражающий устную живую речь, рождающуюся в процессе реальной публичной коммуникации.

К исследованию механизмов диалогического взаимодействия и принципов его упорядоченности интерес в лингвистике стабильно активный. Предметом анализа становятся как минимальные единицы речевого общения, так и «максимальные»: текст, речевой акт, речевой жанр, дискурс, при этом исследования, направленные на выявление коммуникативного своеобразия устного публичного медиадискурса в новых коммуникативно-речевых условиях, пока только начинаются [2; 3; 7; 9; 10; 12].

В рамках данной публикации анализу подвергается полилог как значимый сегмент медиадискурса: анализируются коммуникативные условия и линии структурно-смыслового развёртывания полилога аналитической радиопрограммы. Полилог, являясь, по сути, разновидностью диалога, представляет собой речевую ситуацию, в которой на коммуникативные роли говорящего и слушающего могут одновременно претендовать несколько человек. Исследователи указывают также на необходимость выделения роли наблюдателя, которая рассматривается как разновидность роли слушающего или как самостоятельная роль, которая может оставаться невербализованной, но при этом влияет на общение [5, с. 27]. В нашем случае эта роль закреплена прежде всего за радиослушателями, с ориентацией на которых осуществляется передача.

В рамках настоящей статьи материалом для анализа послужили три программы радиостанции «Эхо Москвы»: «Народ против» (ведущая Ольга Бычкова), «Кредит доверия» и «Разворот» (ведущие Лев Гулько и Ольга Журавлёва); их объединяет интерактивный характер и цель – обсуждение политических и социально значимых тем.

Безусловно, радиодиалог/полилог имеет специфику в сравнении с диалогом/полилогом разговорно-бытовым. В разговорном диалоге, который представляет собой форму «фокусирующей интеракции с общей ориентированностью участников коммуникации на одну тему» [4, с. 184], отмечаются такие действия, как ввод темы, смена темы, сдвиг темы, окончание, а также ослабление темы. В разговорном диалоге обычно говорящий соблюдает принцип, по которому изменения в обсуждении темы должны быть одобрены участниками эксплицитно или молча, имплицитно.

Ввод и развитие темы в дискурсе аналитической радиопрограммы имеет существенные отличия. Во-первых, всегда реализуется радиополи-

лог: единое коммуникативное пространство в открытом прямом эфире создают ведущие, корреспонденты, эксперты, слушатели, приглашённые в студию (к примеру, члены «Клуба привилегированных слушателей» в программе «Народ против»), а также радиослушатели, реагирующие имплицитно или эксплицитно благодаря современным техническим средствам интерактивной связи: звонок в студию, СМС-сообщение, электронное послание посредством интернет.

Второе важное отличие состоит в том, что полилог на радио ведёт (точнее будет сказать, управляет им) радиоведущий. Он определяет стратегический и тактический план диалога: «режиссирует» и контролирует порядок следования микротем, взаимосвязь между вновь введённой микротемой и главной темой, взаимосвязь между отдельными речевыми вкладками и темой, при соответствующих обстоятельствах порядок следования говорящих (мену ролей), завершение тематических действий. Он наделён прерогативой контролировать ввод новой микротемы и заканчивать её.

Третья особенность состоит в том, что ведущий объявляет время, программу, участников, представляет себя; соведущие, как правило, называют друг друга: «Добрый вечер, добрый день! *С вами программа «Народ против». В студии телекомпания RTVi, радио «Эхо Москвы», Ольга Бычкова»; «Шестнадцать часов тридцать пять минут. Мы приступаем к нашему «Кредиту доверия»; О. ЖУРАВЛЁВА: «В Москве пятнадцать тридцать пять, дневной «Разворот» ведут э... Лев Гулько». Л. ГУЛКО: «И Ольга Журавлёва».*

Объявление ведущим темы (ср.: *Сегодня мы будем говорить о ядерном разоружении*) также серьёзным образом отличает радиополилог от повседневного общения, которое не имеет строго очерченной темы, в котором нет объявления её. Осуществляя ввод темы, ведущий стремится обеспечить приближение полилога к непринуждённой, естественной беседе, когда реализуется более или менее свободное обсуждение обозначенных вопросов: Л. ГУЛКО: «Здравствуйте. Мм... *Собрались мы сегодня* (пауза) по поводу э... 9-летия со дня гибели Артёма Боровика. (Затяжной вздох). А...Вы знаете, я бы, если позволите, начал с э...наших радиослушателей, которые на наш сайт прислали м...вот тут некие свои мысли. (Вздох). Причём из Канады, из Канады, Карелии, Тюмень...вот, просто человек пишет, что Россия: «художник, Россия». Из Латвии, и опять из России» (курсив здесь и далее наш. – Н.Н.).

Обоснование темы подчёркивает её актуальность, указывает на важность её для говорящего и собеседников: «... *ещё одна новость*, которая а... ну, скажем так, *всех нас волнует* почему-то. А...сегодня *появилась информация* о том, что начались торги роста цен на нефть – такого долгожданного для нас – это вообще существенно сейчас?; Именно это (ядерное разоружение) провозгласила своей целью конечной администрация президента США Барака Обамы, и *эта тема постоянно возникает* то в связи с

новым российско-американским договором СНВ, или как он будет называться, или в связи с американской системой ПРО в Европе».

Регулятором развития полилога в рамках программы выступает радиоведущий как участник коммуникации, в чьих руках находится коммуникативная инициатива. Инициирование со стороны ведущего касается не только темы, но и организации полилога в целом. В частности, он представляет участников программы: гостем студии становится авторитетный в области обсуждаемых проблем человек. О. БЫЧКОВА: «Вот наш *гость сегодня, Леонид Ивашов, генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем*, он в эту историю не верит и считает, что все это разоружение – блеф. Леонид Григорьевич, добрый вечер вам; И у нас в гостях *Генрих Боровик, журналист, публицист и писатель*, как и было обещано. Генрих Аверьянович, добрый день»; Л. ГУЛЬКО: «...Не в совсем в обычном формате, поскольку мы ожидали гостя а... в непосредственно в студии. Но *Михаил Эгоныч Дмитриев* вот попал в небольшую аварию, бывший первый заместитель министра экономического развития по торговле, президент Центра стратегических разработок у нас на телефонной связи. Здравствуйте, Михаил Эгоныч; У нас на связи, я надеюсь, *Валерий Григорьевич Савченко, директор Научно-исследовательского института трансплантации костного мозга*. Добрый день, Валерий Григорьевич. Вы нас слышите?»

Речевое поведение говорящих определяет ситуация общения. Так, представление участников может быть неоднократным, в случае если передача прерывается информационным блоком; более подробное представление участников может осуществляться по требованию главного гостя студии, эксперта. Л. ИВАШОВ: «Вообще только ну хотелось бы знать, в чем привилегированность вот слушателей?» О. БЫЧКОВА: «А! Я могу буквально два слова сказать. Ну, это слушатели, которые зарегистрированы на сайте «Эхо Москвы», которые принимают участие ...» Л. ИВАШОВ: (перебивает) «Все, спасибо!» О. БЫЧКОВА: (перебивает) «...в наших дискуссиях и программах. Это наши активные слушатели». Представление (а также самопредставление) участников может осуществляться в процессе развёртывания полилога: «*Александр Стриха, предприниматель*. Скажите, пожалуйста...; *Владимир Скриница, инженер*. Я, конечно, не умаляю ваших всех, так сказать, военных заслуг...».

Представление сценария программы являет собой обозначение логического построения смысловых блоков полилога и эксплицируется при помощи языковых средств, характерных для сценарного типа речи: прежде всего, прежде чем и подобных. О. БЫЧКОВА: «*Прежде чем* мы дадим вам слово, чтобы объяснить кратко для начала свою позицию, я скажу еще, что шестеро членов «Клуба привилегированных слушателей «Эха Москвы» у нас здесь в студии, телекомпания RTVi (запинка), радио «Эхо Москвы». Вы их увидите, услышите: кто увидит, кто услышит. *Они будут представ-*

латься по ходу дела. Все, что называется, люди в теме. И так, вы не хотите разоружаться, или вы не верите в искренность намерений Барака Обамы?»

«Дирижирование» сценарием, направленное на развитие полилога, осуществляется посредством словосочетаний, указывающих на порядок следования вопросов: первый (следующий, последний) вопрос, этикетными побудительными формулами (прошу Вас, Ваш вопрос, пожалуйста). Порядок включения участников в полилог осуществляется также посредством называния личных имен и наречий со значением последовательности (сначала, потом): *Следующий вопрос, прошу вас; Александр, прошу вас; Скажите Дмитрий, а потом скажет господин Ивашов; Дмитрий, ваш вопрос; Ну и последний, если можно, Михаил Эгонович, вопрос; Наверное, один из последних вопросов.* При этом ведущий старается не доминировать в разговоре, стремится дать свободу адресату, предлагая ему роль говорящего: *Первый вопрос, пожалуйста, у кого будет?*

Важной составляющей полилога на радио является удержание радиослушателей в ситуации вынужденного прерывания передачи. При этом заостряется внимание на краткости перерыва и на актуальности обсуждаемых вопросов. О. БЫЧКОВА: (перебивает) «Леонид Григорьевич, нам нужно сделать перерыв. Перерыв в программе «Народ против» буквально на несколько минут. Как вы видите, есть о чем говорить дальше». Вторая фраза обращена к радиослушателям, что маркируется изменением интонации.

Вовлечению аудитории в совместную интеллектуальную деятельность служит система контактоустанавливающих и контактоподдерживающих средств, ядерное положение среди которых занимают разнообразные способы побуждения слушателей к участию в обсуждении темы. Основным действием радиоведущего является действие прямого побуждения в форме повелительного наклонения: «Ну, давайте попробуем поактивней немножко»; «А... позвоните нам, пожалуйста, расскажите, три шесть три, три шесть, пять девять, э... как вы сталкивались с этой историей и где здесь опасности, которые вы видите и где а... счастливое наше будущее. Алло, здравствуйте, слушаем вас».

Реже реализуется косвенное побуждение: «Вот Валерий Григорьевич упоминал о том что есть целая группа людей, целая группа учёных, которые этим занимаются... Может, эти люди нам позвонят. Давай ещё одного доктора или специалиста послушаем. Три шесть три, три шесть, пять, девять. Алло, здравствуйте, слушаем вас». Прямое и косвенное побуждение, как правило, сопровождается напоминанием номера телефона радиостудии: «Три шесть три, три шесть, пять девять. Если вы врач или если вы э... занимаетесь биологическими исследованиями в этой области, позвоните нам, пожалуйста, расскажите, как сейчас обстоят дела. Алло, добрый день, слушаем вас, алло».

В полилоге аналитической радиопрограммы не допускается смена темы, но допускается сдвиг, расширение темы, что часто маркируется словосочетанием *возникает вопрос* и подобными. О. ЖУРАВЛЁВА: «Ну, тогда я прошу прощения, Лев. Тогда *возникает следующий вопрос*: (к М.Э. Дмитриеву) когда мировые цены на нефть после утреннего роста устремились вниз – это также не влияет глобально на ситуацию в России? А... если вы говорите, рост нам особенно не, не важен сейчас, то, значит, и падение тоже не очень важно?»; О. ЖУРАВЛЁВА: «Но тогда *возникает ещё один вопрос*, Михаил Эгонович».

Сложность обсуждаемых проблем нередко вызывает необходимость уточнений, которые эксплицируются радиоведущим в интересах адресата, в целях обеспечить понимание позиции говорящих радиослушателями. Маркёрами этого действия становятся конструкции «то есть, вы имеете в виду». О. БЫЧКОВА: «*То есть* мы сокращаем больше, чем они?»; Л. ИВАШОВ: «А потом, посмотрите, а пойдет ли восточный наш сосед на нулевой (цикл)? Никогда он не пойдет». О. БЫЧКОВА: «Китайцы, *вы имеете в виду?*»; Л. ИВАШОВ: «А?» О. БЫЧКОВА: «Китайцы, *вы имеете в виду?*»; Л. ИВАШОВ: «Ну, Китай»; О. ЖУРАВЛЁВА: «Ну, *то есть* получается, я прошу прощения, что а... каким образом должно руководство себя вести? Э... уверять население, что всё не так, или говорить «да, конечно, покупайте валюту – мы вам ничё другого предложить не можем». Как здесь быть?»

Особенностью дискурса аналитической программы является насыщенность его повторами одного из суждений предыдущей темы и метакоммуникативными высказываниями, обусловленными тактикой переоформления высказываний собеседника, которая применяется с целью обеспечения стратегии понимания. Указанные действия осуществляются, как правило, ведущим или экспертом. Л. ГУЛЬКО: «Ну, мне-то казалось, что Валерий Григорьевич Савченко как раз говорил о том, что в основном это, этим занимаются какие-то государственные институты и государственные исследовательские институты»; Л. ИВАШОВ: «Да-да-да! Я согласен с вами, что нельзя выстраивать отношения только на основе военной силы вот».

Развитие полилога может нарушаться техническими помехами. О. ЖУРАЛЁВА: «Извините, к сожалению, очень *плохая связь*. *Пропадает* немножко, это не, не Шало виноват. А... три шесть три, три шесть, пять девять. *Алло, здравствуйте, слушаем вас*; Аллооо? Так...» Л. ГУЛЬКО: *Пропал*. СЛУШАТЕЛЬ: «Аллоо...» О. ЖУРАЛЁВА, Л. ГУЛЬКО: Да-да-да-да!; О. Журавлёва: Вы как-то связаны с этой проблемой в своей специальности? Чем вы занимаетесь в медицине? (Тишина) Ой, *извините, так не получится*, это очень долго; Л. ГУЛЬКО: «Вы простите, ради бога. Да, *такая односторонняя связь получается*». Позитивной оценки в подобных си-

туациях заслуживает этикетное поведение ведущих, насыщенное различными формами извинения.

Стратегия контроля за развитием линий полилога ставит ведущего перед необходимостью осуществлять тактику прерывания речи участников. Рассматриваемый материал демонстрирует разные варианты прерывания речи партнёра. Первый тип – прерывание отклонения от темы – проявляется в ситуациях, когда партнёр не развивает её в ожидаемом направлении, а заостряет внимание на побочном аспекте. О. ЖУРАВЛЁВА: «*Всё понятно, я поняла, к чему вы клоните, да, спасибо большое*». Л. ГУЛЬКО: «*Другая тема, немножко*»; О. БЫЧКОВА: (перебивает) «*Нет-нет-нет, давайте так не будем углубляться*»; О. БЫЧКОВА: (перебивает) «*Подождите, подождите, мы уже тут, мы уже теряем нить*»; СЛУШАТЕЛЬ: (перебивает) «*Хорошо, я оставляю за собой право задать еще...*» О. БЫЧКОВА: (перебивает) «*Два вопроса, ради Бога, эти два вопроса по существу. Отвечайте, пожалуйста*»; О. БЫЧКОВА: «*Это другая тема, и мы к ней обязательно вернемся*».

Второй тип – прерывание избыточности информации. Это действие также является прерогативой ведущего, однако нередко к его реализации присоединяется гость студии/эксперт. О. ЖУРАЛЁВА: «*Всё понятно, спасибо, спасибо, спасибо*». Л. ГУЛЬКО: «*Спасибо за звонок*»; О. БЫЧКОВА: (перебивает) «*Ясно*». Л. ИВАШОВ: «*В этом я согласен с вами*». О. БЫЧКОВА: (перебивает) «*Ясно*». Л. ИВАШОВ: (перебивает) «*Да-да. Понятно, понятно, понятно*».

Третий тип – прерывание партнёра в ситуации смысловой достаточности информации. О. БЫЧКОВА: (перебивает) «*Ну понятно, понятно*»; О. ЖУРАВЛЁВА: «*Всё поняла, да*». Прерывание реплики часто сопровождается метаязыковым комментарием, в том числе в ситуациях, когда радиоведущий, по существу, оказывает собеседнику помощь в вербальном оформлении мнения. О. БЫЧКОВА: (перебивает) «*Понятно, да*»; О. БЫЧКОВА: (перебивает) «*Владимир, извините, мы поняли ваш вопрос – да, то есть, надо энергию пускать в другое русло, короче говоря, и средства*»; СЛУШАТЕЛЬ: «*Нет, я не могу сказать, что неудачно, просто это действительно... Вот, Савченко прав совершенно, что это, ну миф. И э... так сказать, эм... ну не з... так сказать, заявление не соответствует, вот опять э... а... эм...*» О. ЖУРАВЛЁВА: «*Ну, ещё не до конца исследована, настолько, чтобы это был, э... реальный результат, да? Вы это хотите сказать?*»; Л. ИВАШОВ: (перебивает) «*Вот да...*» О. БЫЧКОВА: (перебивает) «*Понятно. То есть нам больше представить нечего. Владимир, пожалуйста*».

Четвёртый тип – прерывание партнёра, обусловленное регламентированностью времени, отведённого на передачу. О. БЫЧКОВА: «*Одна секунда, одна секунда буквально*»; «*Леонид Григорьевич! Все! Наше время, к сожалению, истекло!*»

В ходе полилога коммуниканты сами решают, какой предмет или какая ситуация должна быть обсуждена. Участники коммуникативного акта чувствуют себя в состоянии следить за процессами полилога в его развитии, применять определённые правила и активно строить коммуникативный процесс: например, задавать более чем один вопрос, избирать форму ответа. Л. ИВАШОВ: «*Давайте я вопросом на вопрос вам отвечу*»; СЛУШАТЕЛЬ: «При ликвидации такого класса вооружений, в принципе и у нас, и у них, – уменьшит ли это опасность для нашей страны? *Третий вопрос к вам...* ; «*А ... Скажите, пожалуйста, за счёт чего финансируются исследования*»; «Я бы хотел задать такой вопрос. Дмитрий Тарасов меня зовут...».

Современные технические возможности обеспечивают интерактивность слушателей посредством электронной связи. «Ещё один вопрос. Он такой, глобального характера, от э... вот из Португалии он пришёл э... *на наш сайт*»; «Э... Юрий из Перми, ещё один вопрос»; «Тут есть вопрос от Олега из Нижнего Новгорода: "Что такое успех любой ценой?". И у него там второй есть вопрос: "Должен ли журналист-исследователь и исследователь сотрудничать с властью?"».

Для возобновления темы после перерыва на информационный блок ведущим используется глагол «продолжаем», в то время как в обычной беседе – «Что я хочу сказать...» [4, с. 189]. Вторая часть передачи вновь начинается с представления гостя студии и объявления темы. Это закономерное для радиодискурса действие, так как за время перерыва мог измениться состав слушателей. О. БЫЧКОВА: «И мы *продолжаем* программу «Народ против». Леонид Ивашов, генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем, члены Клуба привилегированных слушателей «Эха Москвы». Мы говорим о том, выйдет ли какой-то толк из инициативы президента США Барака Обамы о всеобщем ядерном разоружении. Итак, *следующий вопрос*, пожалуйста, Александр».

Материал, привлечённый для анализа, демонстрирует, что способы инициирования и прогрессирования темы разнообразны. Как в области инициирования тем имеются типичные элементы, так и в области прогрессии темы избираются специальные тактики и коммуникативные ходы, языковое воплощение которых в текстах выделено, в ряде случаев прокомментировано. Важно отметить, что в ходе развития полилога ведущими эфира реализуется стремление достичь такого результата, чтобы время окончания программы совпало с достижением коммуникативных целей.

Завершение полилога в публичном дискурсе на радио обусловлено временными ограничителями: завершением эфира, концом передачи, что маркируется словами «завершать», «заканчивать». Эта часть полилога отличается ярко выраженной этикетностью. Обязательными являются речевые действия в жанре благодарности и пожелания. О. БЫЧКОВА: «Спасибо большое Леониду Ивашову и участникам «Клуба привилегиро-

ванных слушателей»...»; Л. ГУЛЬКО: «Спасибо вам большое». О. ЖУРАВЛЁВА: «Спасибо». Л. ГУЛЬКО: «Михаил Дмитриев, бывший первый заместитель министра экономического развития и торговли, президент Центра стратегических разработок. Спасибо огромное. Всего хорошего»; О. ЖУРАВЛЁВА: «На этом наш дневной «Разворот» *завершён*. Всем спасибо». Л. ГУЛЬКО: «Будьте здоровы»; О. ЖУРАВЛЁВА: «Спасибо большое. Генрих Аверьянович Боровик был у нас в гостях сегодня в программе дневной «Разворот». Вели передачу Ольга Журавлева и Лев Гулько». Л. ГУЛЬКО: «Спасибо огромное». О. ЖУРАВЛЁВА: «И за Артёма спасибо». Л. ГУЛЬКО: «Спасибо огромное вам»; Г. БОРОВИК: «Большое спасибо всем, кто поддерживает память об Артёме». О. ЖУРАВЛЁВА: «Спасибо». Практически так же маркируется завершение микротемы: О. ЖУРАВЛЁВА: «Понятно, спасибо вам огромное». Завершающая часть полилога вновь сопровождается названием гостей студии.

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что полилог аналитической программы на радио представляет собой организованную структуру, которая существенным образом отличается от разговорно-бытового полилога. Основное отличие связано с тем, что мена ролей говорящего и слушающего определяется в большинстве случаев ведущим. Специфичным является побуждение ведущего к проявлению активности дистантно расположенных участников коммуникации – радиослушателей. Роли говорящего и слушающего отличаются активностью. Спонтанность реакций собеседников умеренная, так как развитие линий полилога режиссируется ведущим: основные линии активизируются, второстепенные сдерживаются. Речь участников характеризуется умеренной импровизацией, так как ток-шоу, в котором обсуждаются общественно значимые темы, требует предварительной подготовки основных участников: приглашённого гостя, эксперта, самих ведущих. Ситуативной обусловленностью характеризуется речь дозвонившихся радиослушателей и реплики, развивающие линию диалога между двумя участниками программы.

Радиодискурс аналитической программы характеризуется стилевой синкретичностью: он синтезирует собственно публицистические черты и разговорные. Публицистическое начало обусловлено, прежде всего, коммуникативной целью воздействия, что связано с социальной значимостью обсуждаемых тем, с нацеленностью на информирование общества по актуальным общественно-политическим вопросам и с включённостью в их обсуждение. Разнообразные элементы разговорного стиля, прежде всего, на уровне синтаксиса (неполные или незавершённые предложения, повторы, заменители паузы) [11] делают публичную речь непринуждённой, неофициальной и располагают к общению. Содержание и организация текста моделируется в соответствии со сферой общения, коммуникативными задачами, жанром. Итогом аналитической передачи можно считать достижение коммуникативной цели, которая связана с обсуждением социально

значимой проблемы. Задачи по линии радиоведущий – радиослушатель достигаются в ходе развёртывания полилога за счёт активности участников в студии и дозвонившихся радиослушателей, которые задают вопросы или выражают своё мнение по обсуждаемым проблемам. При этом следует подчеркнуть, что генеральная стратегия развёртывания полилога задаётся ведущим и приглашённым в студию специалистом, а отдельные его линии иницируются другими участниками, находящимися в студии, а также радиослушателями. Изучение стратегий и тактик развития полилога аналитической радиопрограммы характеризуется научной значимостью, так как выявляет современные тенденции развития медиадискурса.

Список литературы

1. Арсланова О. Р. Тенденции развития информационного вещания в современной России: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2009.
2. Босый П. Н. Современная радиоречь в аспекте успешности/ неуспешности речевого взаимодействия: автореф. дис... канд. филол. наук. – Томск, 2006.
3. Воронцова Т. А. Функции риторического приёма *reductio ad absurdum* в публичном диалоге // *Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и культурологическом аспектах.* – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. – С. 44 - 47.
4. Григорьева В. С. Тематическая организация диалогического дискурса // *Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах / под ред. Г. Н. Манаенко.* – Ставрополь – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2006. – Вып. 4. – С. 184 - 190.
5. Зильберман Н. Н. Трилог как особая форма речевого взаимодействия: дис... канд. филол. наук. – Томск, 2010.
6. Кормилицына М. А. Актуализация линии «автор-читатель» как одна из тенденций развития языка современной прессы // *Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и культурологическом аспектах.* – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. – С. 125 - 131.
7. Куранова Т. П. Языковая игра в речи теле- и радиоведущих: автореф. дис... канд. филол. наук. – Ярославль, 2008.
8. Нецименко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // *Вопросы языкознания.* – 2001. – № 1. – С. 98 - 132.
9. Попова Т. И. Диалог с двойным адресатом // *Риторика в современном обществе и образовании: Сб. матер. Междунар. конф. по риторике.* – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 233 – 241.
10. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2008.
11. Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. – изд. 2-е, испр. – М.: ЛКИ, 2007. .
12. Щитова Н. Г. Общение в малой социальной группе (на материале анализа речи участников реалити-шоу «Дом-2»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2007.

Роль обращения в реализации принципа вежливости в современном англоязычном публичном дискурсе

В статье основное внимание уделяется конвенциональным формам обращения как социально-регулятивным единицам современного англоязычного публичного дискурса. Выявлена роль максим принципа вежливости, которые обуславливают успешность выбора конвенциональных форм обращения.

The focus of attention in the given article is concentrated on the conventional address forms as social and regulatory units in modern English public discourse. The role of politeness maxims which stipulate the successful choice of conventional address forms is revealed.

Ключевые слова: публичный дискурс, успешность выбора конвенциональных форм обращения, категория вежливости, культурно-релевантные образцы социальных отношений, стереотипы речевого поведения, максимы принципа вежливости, сохранение вежливого лица говорящего.

Key words: public discourse, successful choice of conventional address forms, the category of politeness, culturally relevant patterns of social relations, stereotypes of verbal behavior, politeness maxims, preserving the positive face of the speaker.

Для оптимизации информационного обмена в процессе интерактивного взаимодействия коммуникантов особое значение имеет реализация установки на кооперацию через прагматическую категорию вежливости. В настоящей работе исследование категории вежливости проводится с точки зрения анализа культурно-релевантных образцов социальных отношений представителей национально-культурной и языковой общности. Важная роль при этом отводится максимам принципа вежливости, которые влияют на успешность выбора конвенциональных форм обращения в процессе дискурсивной интеракции. Изучение коммуникативно-прагматических особенностей функционирования обращения как регулятора социальных отношений коммуникантов в англоязычном публичном дискурсе (политической речи, судебной речи, религиозной проповеди) при соблюдении в нем принципа вежливости составляет цель данного исследования.

Дж. Лич, дифференцируя коммуникативные позиции адресанта и адресата речи в плане коммуникативных стратегий, сформулировал следующие максимы принципа вежливости: 1) максима такта: не навреди другому, соблюдай интересы и права другого, уменьшай затраты других, увеличивай свои собственные затраты; 2) максима великодушия: уменьшай собственную выгоду, увеличивай выгоду другого; 3) максима одобрения: уменьшай порицания других, увеличивай одобрение других; 4) максима скромности: меньше хвали себя, больше порицай себя; 5) максима согласия: своди к минимуму разногласия между собой и партнером,

стремись к максимальному согласию между собой и партнером; б) максима симпатии: уменьшай антипатию, увеличивай симпатию между собой и партнером [4, с. 132].

Согласно максимам принципа вежливости, говорящий должен исходить из интересов слушающего. Следовательно, принцип вежливости, универсальный с точки зрения системности этических постулатов говорящего, нацелен на улучшение позиции адресата за счет уступок со стороны говорящего [2, с. 107]. В силу данного обстоятельства представляется очевидным, что максимы принципа вежливости Дж. Лича, выработанные как постулаты речевого поведения адресанта, реализуют исполнение конвенциональной роли как говорящего, так и адресата, поскольку конвенции проявляются во взаимодействии субъектов общения, выполняя координирующую и регулирующую функции.

Максимы принципа вежливости диктуют использование в англоязычном публичном дискурсе определенного набора конвенциональных форм обращения. Особое внимание при выборе социально уместных форм обращения говорящий уделяет, в первую очередь, соблюдению максимы такта (максимы границы личной сферы). На примере максимы такта хорошо видно, что, находясь в области общих речевых действий, коммуниканты всегда проявляют личную заинтересованность во взаимодействии. В данном случае соблюдение интересов собеседника должно гарантировать соблюдение границы его личной сферы. В формах обращения, соответствующих официальной тональности общения, говорящий воплощает две установки – уважение и личностный интерес к адресату, что обеспечивает поддержание устойчивого контакта между коммуникантами и гарантирует соблюдение границ личной сферы адресата в целях «сохранения» вежливого лица говорящего. Однако, как показывают наблюдения за фактическим материалом, в некоторых случаях ораторы сознательно идут на сокращение социальной дистанции взаимодействия. К наиболее распространенным способам сокращения дистанции между оратором и адресатом в англоязычном публичном дискурсе относятся следующие формы.

1. Использование обращений по полному/сокращенному/уменьшительному личному имени (*John /Ken/ Jimmie*), по сокращенному/уменьшительному личному имени и полной фамилии (*Tom Mouser/Kenny Aspromonte*), по полной/сокращенной фамилии (*Blunt/Aspro*), что свидетельствует о непринужденной и доверительной тональности общения оратора со слушателями в политическом выступлении, религиозной проповеди, например: «I'm proud to be here with the Governor. Where is the Governor? *Blunt* – how are you doing, *Blunt?*» [6]; «Thank you, *Gary* and *Ken*, very much for your capable shoulders have borne the weight of matters great and small, and not just this evening but week by week» [5] (курсив везде наш. – *Е.Ф.*).

2. Использование в составе аппеллятивов притяжательного местоимения *my*, подчеркивающего дружескую близость оратора с аудиторией в политической речи, судебной речи, религиозной проповеди, например: «...And *my citizens*, liberty has got the capacity to turn regions of hate to regions of hope» [7]; «*My colleagues*, last Saturday and in their earlier presentations, have done my work for me, but I want to focus for just a little while on those aspects of the managers' presentation that merit your special attention...» [15]; «*My friends*, we need an awakening in the Iron Hall!» [10].

3. Использование в составе аппеллятивов причастия прошедшего времени (*honoured* (BrE) / *honored* (AmE)), качественных прилагательных, выражающих разного рода оттенки положительного отношения говорящего к адресату – доброжелательность, расположенность, доверие и т.д. (*beloved, dear, distinguished, reverend*) в политической речи, судебной речи, религиозной проповеди. например: «Mr. Speaker, Mr. Vice President, members of Congress, *honored guests*, my fellow Americans. Tonight, I have the honor of reporting on the State of the Union» [8]; «Mr. Chief Justice, ladies and gentlemen of the Senate, *distinguished managers from the House*, good afternoon. My name is Greg Craig and I am special counsel to the President» [9]; «You and I, *dear sisters and brothers*, who believe in the Risen Christ, can proclaim by our lives that this new world is a process of rebirth» [12].

4. Использование в составе аппеллятивов одновременно притяжательного местоимения *my* и качественных прилагательных с оттенками положительного отношения говорящего к адресату, что способствует созданию доверительной, дружеской атмосферы общения в религиозной проповеди, например: «*My dear friend*, will you be there? It begins now in this life, when we repent of our sins and trust in the Lord Jesus Christ» [14].

Прагматическое значение вышеуказанных форм обращения с позиций соблюдения максимы такта заключается в том, что они обеспечивают поддержание желательной для оратора дистанции взаимодействия и помогают вызвать впечатление социальной/духовной близости оратора со слушателями.

Особую значимость в англоязычном публичном дискурсе приобретает максима великодушия (максима необременения собеседника). Следование данной максиме проявляется в выборе оратором социально уместных для данной обстановки и социального статуса адресата обращений в соответствии с формальной поведенческой тактикой вежливости. При этом важная роль отводится этикетным формам обращения, учитывающим социокультурные нормы и стереотипы речевого поведения. Так, например, нормой стереотипного социокультурного поведения в англоязычном пуб-

личном дискурсе можно считать употребление сложных обращений¹, являющихся результатом осложнения ограничительными маркерами (причастием прошедшего времени *honoured* (BrE) / *honored* (AmE), притяжательным местоимением *my*, положительно-характеризующими прилагательными *dear, distinguished, perfect, reverend* и др.) простых обращений. Сложные формы обращения мы обнаруживаем в текстах политических выступлений и религиозных проповедей, например: «Senator Mathias, Chief Justice Burger, Vice President Bush, Speaker O'Neill, Senator Dole, reverend *clergy*, and members of my family and friends and my fellow citizens: This day has been made brighter with the presence here of one who, for a time, has been absent. Senator John Stennis, God bless you and welcome back» [13]; «The perfect *Christian*, if you could find him, would be the one who, in everything, all the time, unfailingly, aims at the glory of God in his whole character, being, speech, conduct, life – at home, in secret, in church, in public, and so on» [14]. Очевидно, что данные формы обращения, выступающие в качестве национального эталона взаимной вежливости, отражают традиции культуры англоязычного публичного общения, в котором коммуниканты имеют установку на взаимное уважение, тесную социальную/духовную близость и внимание. Таким образом создается комфортная ситуация речевого взаимодействия, обеспечивающая коммуникативному процессу благоприятные условия.

Остальные максимы принципа вежливости (одобрения, скромности, согласия, симпатии) «работают» на метатекст, обеспечивая благоприятный фон для перспективного развертывания дискурса в ходе речевого взаимодействия коммуникантов. Следование максиме одобрения (максима позитивности в оценке других) в англоязычном публичном общении проявляется в выборе выступающим этически конвенционализированных форм обращения, отвечающих этикетным ситуациям речевого общения: вступления в речевой этикетный контакт, его поддержания и завершения. Тем самым достигается цель вежливости – сохранение гармоничных и равных социальных отношений участников дискурсивной интеракции. Максима скромности (максима неприятия похвал в собственный адрес) обеспечивает доступ к прагматической ситуации, связанной с самооценкой коммуникантов. Нормальные самооценки участников коммуникативного взаимодействия, не отклоняющиеся от этического стандарта, положительно влияют на контакт и являются фактически одним из условий успешного развертывания коммуникативного акта [3].

---

¹ В работе используется формула построения обращений на основе их структурных особенностей, представленная в исследовании А. В. Велтистовой. В соответствии с указанной формулой все обращения подразделяются на простые, сложные и составные [1].

В условиях публичного дискурса нормальные самооценки коммуникантов способны положительно влиять на речевой контакт и повлечь за собой создание благоприятной атмосферы общения. Имеется в виду, что один из участников дискурсивной коммуникации (оратор) повторяет одну и ту же форму обращения от двух до семи раз в пределах одного текста публичного выступления. В случае сильного нарушения этического стандарта, когда оратор многократно (например, более 30 раз) повторяет одну и ту же форму обращения в пределах одного текста публичного выступления, коммуникативный акт начинает давать крен в область метатекста, то есть происходит перегрузка речевой ситуации формами обращения. Таким образом, сильно завышенная самооценка способна отрицательно повлиять на речевой контакт по причине несоблюдения максимы скромности. Данное явление можно наблюдать в текстах судебных выступлений [11], когда каждое последующее речевое действие выступающего сопровождается соответствующей формой обращения.

Максима согласия (максима неопозиционности) предполагает, что коммуниканты могут достигнуть некоего разумного согласия практически в любой речевой ситуации при готовности соблюдать максимы принципа кооперации и хотя бы некоторые максимы принципа вежливости. Основной тактический ход, обеспечивающий успешную «работу» максимы согласия в англоязычном публичном дискурсе от момента вступления в речевой этикетный контакт до момента завершения коммуникативного акта, – выбор оратором «этически» конвенционализированных форм обращения, которые отвечают этикетным ситуациям публичного общения.

Максима симпатии (максима благожелательности) находит выражение во всех остальных максимах вежливости, поэтому ее можно рассматривать как условие «работы» всех остальных максим вежливости. Особенно ярко максима симпатии проявляется в выборе оратором национально специфичных форм обращения, демонстрирующих близкое, доверительное отношение к адресату. Среди них выделяются сложные эмоционально-характеризующие обращения, осложненные определителями (притяжательным местоимением *my*, положительно-характеризующим прилагательным, причастием прошедшего времени) – 33%: *my friends*, *my colleagues*, *my fellow citizens*, *my brothers and sisters*, *dear believer*, *distinguished guests*, *reverend clergy*; *my beloved friend*, *my dear people*; *honored guests*, *unsaved person* и т.д. На близкое доверительное отношение к адресату ориентированы также составные эмоционально-характеризующие обращения, соединенных между собой союзом *and* (*my fellow Democrats and my fellow Americans*, *dear priests and people of the Diocese of Northampton*, *dear brothers and sisters* и т.д.) – 10%. Данные формы обращения соответствуют национальной специфике конвенциональных принципов и постулатов, связанных с успешной реализацией максимы симпатии в англоязычном публичном дискурсе. В противном случае при нарушении конвенций речевое поведение перестает отвечать пороговому уровню вежливости и становится неэффективным.

На основании проведенного исследования можно заключить, что максимумы принципа вежливости обуславливают использование определенного набора конвенциональных форм обращения. Конвенциональные формы обращения создают атмосферу уважительного, доверительного общения оратора с адресатом и оптимизируют процесс языкового выражения социальных отношений между коммуникантами.

Успешность выбора конвенциональных форм обращения при использовании максимум принципа вежливости всегда связана с прагматической уместностью используемых форм обращения. В том случае, если говорящий выбирает форму обращения, адекватную данной речевой ситуации, социальному статусу адресата и его настроению, то речевой акт будет успешно завершен, поскольку воздействуя на адресата, каждое конкретное обращение оказывает свой перлокутивный эффект.

Список литературы

1. Велтистова А. В. Обращение в современном английском языке (в сопоставлении с русским): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964.
2. Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 100-115.
3. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и вузов. – М.: ПРИОР, 1998.
4. Leech G. Principles of Pragmatics. – London, 1983.

Список источников

5. Berret P. The Right Reverend. Enthronement service in St Laserian's Cathedral. Leighlin, February 19, 2003. – [Электронный ресурс]: <http://www.ireland.anglican.org/archives>.
6. Bush G.W., Jr. Remarks at Missouri Victory 2006 Rally, 3 November. – [Электронный ресурс]: <http://www.georgewbush-whitehouse.archives.gov>
7. Bush G.W., Jr. Remarks by the President at Georgia Victory 2006 Rally, 30 October. – [Электронный ресурс]: <http://www.georgewbush-whitehouse.archives.gov>
8. Clinton W.J. State of the Union Address, January 19, 1999. – [Электронный ресурс]: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php>
9. Craig G. The Perjury Allegations in the Impeachment Trial, Januar 20, 1999. – [Электронный ресурс]: http://www.pbs.org/newshour/impeachment/trial/craig_1-20.html
10. Legge D. A Time to Cry, 2001. – [Электронный ресурс]: <http://www.preachtheword.com>
11. MacMahon E. Opening Statement of Defense Attorney Edward MacMahon in the Zacarias Moussaoui Trial, March 6, 2006. – [Электронный ресурс]: <http://www.law.umkc.edu>
12. Murphy-O'Connor C. Sermon Easter Sunday, March 31, 2002. – [Электронный ресурс]: http://www.rcdow.org.uk/cardinal/default.asp?library_ref=1
13. Reagan R. Second Inaugural Address, January 21, 1985. – [Электронный ресурс]: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php>
14. Roberts M. Rev. God Bringing His Sons to Glory, Hebrews ch. 2 v. 10, Inverness, January 15, 2006. – [Электронный ресурс]: <http://www.bible-sermon.org.uk>
15. Ruff C. White House Councils' Closing Argument in the Impeachment Trial, February 8, 1999. – [Электронный ресурс]: <http://www.law.umkc.edu>

Явление креолизации в письменном тексте анекдота (на материале русского и французского языков)

В статье анализируется процесс креолизации текста анекдота через освоение им новых информативных ресурсов, способствующих расширению его семиотического диапазона и возникновению его новых текстовых форм.

The article deals with the peculiarities of modern creolized texts of anecdotes which adopted now a written form and appear as such in various published editions. The typical feature of their creolization lies in the fact that the latter combines different semiotic means with purely linguistic ones which constitute their immediate extension.

Ключевые слова: анекдот, юмористический дискурс, креолизация, паралингвистические средства, текстовая графика, антропоцентрическая парадигма.

Key words: anecdote, humorous discourse, creolization, paralinguistic means, text graphics, anthropocentric paradigm.

Развитие средств массовой коммуникации в современном обществе привело к возникновению новых текстовых форм, расширивших возможности юмористического дискурса. Тот факт, что текст анекдота обрел письменную форму, стал причиной освоения им новых языковых средств (в данном случае графических) создания юмористического эффекта. Конкретизируя соотношение двух упомянутых признаков (языковой – графической), сошлёмся на авторитет И. А. Бодуэна де Куртенэ. Известно, что многие лингвисты считают текстом только письменный текст, однако графика при этом в расчет не принимается. Она, безусловно, предполагается, но не рассматривается, и её текстовые свойства (в частности, участие в продуцировании текстовой информации) остаются вне поля зрения. Более или менее определенно графические характеристики учтены для поэтического текста. Лингвисты, изучающие поэтический текст, отмечают, что уже сама письменная форма сигнализирует читателю, что это текст особого рода – «это стихотворение» [7, с. 11]. Изучение текстовой графики восходит к И. А. Бодуэну де Куртенэ, который первым в мировой лингвистике провел отчетливую грань между «произносительно-слуховой и писанно-зрительной» формой речевой деятельности, а также убедительно объяснил взаимосвязь между ними [3, с. 209]. Как замечает Е. Ф. Киров, мысли, высказанные Бодуэном де Куртенэ, настолько точны и бесспорны, что создается впечатление, как будто в этой области уже невозможно сказать что-то новое. Тем не менее, костяк общей теории письма, созданный Бодуэном де Куртенэ, обрастал частностями, хотя в своей основе остался неизменным. Стало очевидно, что при очень хорошей степени владения языком могут

возникать прямые связи между значением слова и его графическим экспонентом, хотя онтологически такая связь возможна только через ступень графемно-фонемных ассоциаций [6, с. 194].

Если вернуться к терминологии И. А. Бодуэна де Куртенэ, а именно к «произносительно-слуховой и писанно-зрительной» формам речевой деятельности, то нельзя не вспомнить такую форму речевой деятельности, как дискурс/текст. Их взаимодействие в несколько неожиданном ракурсе проявляется в креолизованных текстах, при этом «писанно-зрительный» компонент отличается множеством проявлений, плавно переходя от собственно иконического блока (картинка, изображение) к разного рода графике. В текстах научных, особенно научно-технических, формулы, символические изображения, графики, таблицы, технические рисунки, геометрические фигуры и другие изобразительные элементы являются смысловыми компонентами текста, передающими основное содержание текста [4].

Особого внимания заслуживают графические символы, стоящие на полпути между буквой и изображением. Их наличие в тексте дает все основания признать таковой креолизованным, приняв к сведению то, что понятие креолизации в равной мере приложимо и к собственно языковым явлениям. В частности, креолизацией в лингвистике называют образование смешанного языка (по лексике и грамматике) в результате взаимодействия двух или более языков, функционирующих на данной территории [9].

Широкое понимание креолизованного текста, которое обосновывается в настоящей статье, предполагает протекающее в разной форме внедрение иконических элементов в вербальную ткань текста, которая в конечном итоге поглощает и ассимилирует их, так что на выходе процесс становится полностью языковым. В приложении к тексту анекдота все перечисленные этапы выстраиваются в следующей последовательности: вербальная часть текста в сочетании с чисто иконической частью (картинкой), вербальная часть с внедрением в неё символов (а также символических построений из бессмысленной комбинации букв) и вербальная часть, смешивающая разные жанровые формы текста и проявляющая себя в итоге уже в новом качестве как креолизованный текстовый продукт, обладающий собственной прагматической и информативной значимостью.

Если два первых этапа задействуют средства разных семиотических систем, то последний этап следует квалифицировать как чисто языковой, поскольку жанровые формы текста представляют собой явления лингвистического порядка. Подобная трактовка креолизованного текста, по сути дела, не противоречит общепринятому пониманию креолизованных текстов, основная суть которых заключается в их текстовой смешанности, неоднородности, гетерогенности, прослеживаемой и на уровне содержания, и на уровне формы [8, с. 83].

Что касается текста анекдота, то он в современных публикациях при-

нимает самые разнообразные формы, такие как объявления, реклама, SMS-сообщения, письма, инструкции, рецепты, выписки из приказа и т.д. По сути дела, каждая из таких форм, воплощаемая на ниве юмористического дискурса, становится носителем соответствующего блока юмористической информации, которой фактически принадлежит приоритет в создании юмористического эффекта. Помимо анекдота подобный информационный симбиоз едва ли возможен в других жанрах текста, во всяком случае, в таком широком диапазоне встречаемости. Речь, в сущности, может идти о целом направлении текстового творчества в стиле анекдота. В соответствии со своими новыми графическими возможностями анекдот освоил и информативные ресурсы перечисленных форм (шрифты, цифры, символы, рисунки, цветные картинки и т.д.), поспособствовавших расширению его семиотического диапазона. С другой стороны, нельзя не отметить в этом процессе переход текста анекдота в разряд креолизованного текста.

Процессы креолизации, уже достаточно заметно затронувшие самые разные типы текстов, имеют своим истоком стремительный рост визуальной информации в современной коммуникации, который в свою очередь породил небывалый интерес языковедов к паралингвистическим, то есть невербальным, средствам, сопровождающим письменную речь, в частности, к графическому оформлению текста [1, с. 5]. Естественно предположить, что каждый тип текста осваивает процессы креолизации в соответствии с собственной спецификой. В этой связи весьма примечательным кажется тот факт, что содержательный (а точнее, юмористический) потенциал текста анекдота самым непосредственным образом зависит от формы его письменного представления. Под формой в данном случае понимается не только фактор, полностью лингвистический в своей основе (а именно наличие заголовка, диалоговая или монологическая презентация текста, включение риторических вопросов в абсолютное начало текста, смешение разных регистров речи и т.д.), но также и спайка перечисленных моментов с новыми графическо-письменными презентациями анекдота. Последние, являя собой разнообразные паралингвистические средства, приобретают особую значимость как носители соответствующей информации, поскольку оказываются своеобразной упаковкой текстового содержания. Без обращения к ним становится невозможным его декодирование и интерпретация, например:

(1) *Я у себя на даче ничего не сажаю кроме печени....;*

(2) *Ah, vous tombez bien! C'est à vous, entrez!*

Смысл анекдота (1) становится понятным только с сопровождающей его картинкой, где мужчина сидит на плетеном стуле и пьет из бутылки, при этом вокруг него валяются уже пустые бутылки. В устной передаче смысл фразы *сажать на даче* настолько сильно осложняется тематической доминантой работ на даче, что сильно затормаживает для восприятия юмористический эффект, создаваемый разговорной фразой *сажать печень*.

Что касается анекдота (2), то юмористический эффект достигается здесь исключительно при наличии изображения, где доктор в обход пожилых дам, пришедших к нему на прием, пропускает без очереди молодую девушку, которая только что вошла.

Картинки, сопровождаемые юмористическими надписями, встречались в разнообразных печатных изданиях и раньше, но они не назывались анекдотами. Теперь же подобные тексты печатаются в газетах, в журналах и даже в отдельных сборниках под заголовком «Анекдоты». Здесь вполне правомерно говорить о расширении жанрового диапазона анекдота в современных условиях, об ассимиляции им новых средств репрезентации текстового содержания.

Немаловажным для письменного текста анекдота является и шрифт, который начинает имитировать соответствующую функцию шрифта в обычных объявлениях, например:

(3) ТРЕБУЮТСЯ МОЛОДЫЕ КРАСИВЫЕ ДЕВУШКИ НА ВАКАНСИЮ ПЕРЕВОДЧИКА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. Знание английского языка желательно;

(4) Annonce en vitrine:

LES CHIENS SONT LES BIENVENUS
AVEC LEURS MAÎTRES (tenus en laisse).

В анекдотах (3) и (4) шрифт, помимо аттрактивной функции, где величина букв, применение разных гарнитур привлекают внимание читателя, имеет также сатирическую функцию, участвуя в создании юмористического эффекта.

Особенно наглядно роль графических элементов прослеживается в анекдоте (5). Юмористический эффект достигается здесь заменой буквы С на знак денежной единицы США, а также изменением шрифта. Юмористический смысл завуалирован и становится понятным только при визуальном восприятии. Без визуальной опоры анекдот воспринимается как обычное письмо и даже вызывает сочувствие к его автору – студенту. Графический знак участвует в продуцировании важного текстового компонента – подтекста, который и создает юмористический эффект.

(5) Студент пишет письмо отцу: «Дорой папа! \$пешу \$ообщить вам, что у меня в\$е хорошо. Я учу\$ь нормально. Правда мне не \$овсем легко. \$ этой учебой, я \$овершенно не могу думать ни о чем другом. Пожалуй\$та, вышли мне \$рочную телеграмму. Я буду \$частлив получить от тебя ве\$точку. Твой \$ын.

Вскоре пришло письмо от папаши: «Сынок. Понимаю твоё НЕТерпение. НЕТрудись слишком сильно, а то будешь совсем НЕТрудоспособным. Если стаНЕТ совсем тяжело, пиши еще, если НЕТрудно. Я всегда помогу тебе советом. Папа».

Другим доказательством того, что анекдот приобрел статус письменного (креолизованного) текста, является наличие набора трудно выговари-

ваемых слов, часто не имеющих никакого смысла или же связанных с определенной областью науки или национальным фактором. Наглядными примером являются анекдоты (6) и (7). Такие анекдоты можно только прочитать, но не пересказать или запомнить:

(6) – У вас дефект речи? Вы заикаетесь? Не выговариваете букву «р»? Новое средство! Иммунооцелистонатрийхлорогидрокарбрион! Спрашивайте в аптеках города!;

(7) Un Polonais, établis en France, a ouvert une pâtisserie dans laquelle il propose un gâteau de son pays, le mzytigloufskichnowviski. Un client, alléché, entre dans la boutique et demande, avec difficulté:

– Je voudrais un mzyti....gloufski....chnows.....viski..... à la fraise.

– Articulez, lui dit le pâtissier. Je n'ai rien compris. Votre mzytigloufskichnowviski, vous le voulez à quel parfum ?

Нельзя не заметить, что итогом креолизации текстового пространства анекдота стало увеличение его информативного потенциала, особенно заметного по сравнению с устной формой его существования в прежние эпохи.

Помимо отмеченных графических приёмов, современный письменный текст анекдота адаптировал также формы различных письменных текстовых построений. В этом чисто лингвистическом проявлении, тем не менее, содержится ослабленный блок семиотической информации, поскольку реципиент всегда зрительно представляет такие внеязыковые объекты, как письмо, объявление, газетная статья и т.д.

В дополнение к приведенным выше примерам объявлений, содержащих шрифтовое разнообразие, можно привести ещё ряд текстов, отличающихся заметной краткостью, которая для их построения является главным условием, поскольку она имитирует сжатость и компактность текста объявления. Надо заметить также, что знание реципиентом такой текстовой формы, как объявление, обязательно, но оно относится к сфере фоновой информации. Именно она формирует собственный участок юмористической информации, например, следующие тексты анекдотов, облеченных в форму объявления, новостей и т.д.:

(8) форма – объявление: а) Отделение милиции № 2 предлагает новую услугу населению – почечный массаж; б) Опытные тимуровцы польют огород, вынесут мусор и сходят в магазин за право пользоваться квартирой;

(9) форма – новости: (а) Из спортивных новостей: Вчера в Москве на международных соревнованиях по автогонкам «Формула-1» первой случайно пришла оказавшаяся на трассе маршрутка № 7;

(10) форма – выдержка из газетной статьи: (а) Япония заявила о том, намерена получить обратно Курильские острова уже в следующем году. Как стало известно из неофициальных источников, близких к МИДу, главным переговорщиком по данному вопросу со стороны России будет футболист Вадим Евсеев.

Примечательной стороной таких креолизованных текстов является имитация стилевых признаков того или иного регистра речи, используемого в анекдоте с явным намерением произвести юмористический эффект. При этом в таких текстовых построениях невольно проступает высокий уровень их авторства, которое, хотя и не может быть установлено в плане конкретной личности, тем не менее, указывает на её высокий интеллектуальный и социальный уровень.

В креолизованных текстах анекдотов можно отметить и чисто лингвистические основы текстопостроения, когда форма текстового построения сочетается с обыгрыванием полисемантических или паронимических характеристик лексики, например:

(11) форма – реклама: (а) Сеть магазинов «Перекресток» – перекрестись и покупай!

(12) форма – письмо: «Сынок, как тебя посадили, не знаю, что мне делать, по хозяйству не справляюсь, огород не вскопан, картошка не посажена...». Ответ: «Мама, в огороде не копай, а то такого накопаешь – и тебя посадят, и мне срок добавят!».

Следует отметить, что форма письма достаточно активно используется в письменных текстах анекдотов, при этом заголовок *Письмо* становится обязательным элементом текста, например:

La lettre:

« Cher monsieur. Le manuscrit de votre oeuvre « à la recherche du temps à perdre » n'a pas été retenu pour publication. Nous nous ferons un plaisir de vous le renvoyer dès réception d'un chèque de cent huit euros correspondant à huit euros pour les frais de port et cent euros de dommages et intérêts pour avoir infligé à l'un de nos collaborateurs la covrée de lire une telle ânerie ».

Степень обыгрывания устойчивых стилевых признаков бывает настолько высокой, что практически весь текст анекдотов воспринимается как комбинирование словосочетаний, уже запомнившихся от их постоянного употребления в рекламе. В следующем примере к тому же можно отметить контаминацию двух стилевых моментов, а именно текста, совмещающего признаки жанров рекламы и обращения. Такие тексты практикуют разного рода неимущие люди на улице, например:

(13) форма – обращение + реклама: Добрые люди! Извините, что к вам обращаемся! Мои дети только что поели, а зубная щетка недоступна... Подайте, пожалуйста, на «Дирол» или «Орбит без сахара»! Не дайте детям умереть от кариеса!

В современном письменном анекдоте встречается традиционное высмеивание каких-либо качеств человека, например, глупости или женской привычки прихорашиваться. Текст при этом также облекается в одну из форм того или иного функционального стиля или его разновидности, например:

(14) форма – SMS-сообщение: Санек, я сегодня к тебе не приду, я буду бухать, некому будет приходиться.

(15) форма – инструкция по управлению автомобилем для женщин: (а) Сесть в машину, посмотреть на себя в зеркало, завести двигатель, посмотреть на себя в зеркало, включить передачу, включить поворотник, включить дворники, включить поворотник, поправить прическу, включить печку, включить правый поворотник и включить левый поворотник, посмотреть в боковое зеркало, поправить прическу, тронуться, снять с ручника, посмотреть на себя в зеркало, завести двигатель, тронуться, выключить заднюю передачу и включить первую, посмотреть на себя в зеркало, резко увернуться от стоящей машины, вырулить на дорогу, свысока посмотреть на затормозившую юзом машину слева, поправить прическу.....; (б) Dans le manuel d'utilisation d'un ordinateur: « Si cet appareil se plante alors que vous vous apprêtez à envoyer un mail très important, voici une recette de grand-mère qui peut vous dépanner : procurez-vous une feuille de papier blanc et un crayon à bille. Après avoir écrit le texte de votre mail sur la feuille de papier, plier celle-ci en quatre et glissez-le dans une enveloppe..... ».

Обыгрывание различных текстовых форм для юмористического эффекта стало заметной тенденцией в современном анекдоте. Можно привести ещё несколько примеров такого рода, поражающих тем, как широко привлекаются анекдотом краткие формы разнообразных жанров текста, например:

(16) форма – рецепт из поваренной книги: Бутерброд с маслом. Ингредиенты: хлеб белый (1 батон), масло сливочное (200 г). Хлеб нарезать ровными кусочками толщиной 10-12 мм и намазать маслом. Блюдо подавать в свежем виде, украсив черной и красной икрой.

(17) форма – запись на автоответчике: «Здравствуйте. С вами разговаривает автоответчик. Если у вас плохая новость, говорите прямо сейчас; если хорошая, то дождитесь звукового сигнала».

(18) форма – выписка из приказа: «В дополнение к термину «вероятный противник» ввести в обращение термины «возможно, союзник», «видимо, предатель» и «партизан, если не испугается».

В заключение следует подчеркнуть, что современный текст анекдота обнаруживает заметное усложнение своей антропоцентрической парадигмы: его реципиенту необходимо знание многих фоновых явлений, связанных с письменной формой других типов текста. По сравнению с прошлыми эпохами у анекдота обозначился новый тип реципиента – читатель. С другой стороны, письменная форма презентации анекдотов, публикуемых множеством изданий самого разного рода, невольно свидетельствует об увеличении круга его потребителей, о некоторых изменениях в общественном сознании, обусловивших такое увеличение.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак-тов иностр. яз. вузов. – М.: Академия, 2003.
2. Атаева Е. А. Поэтический текст как источник информации // Лингвистические исследования художественного текста. – Ашхабад, 1987. – С. 83 - 91.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М., 1963. – Т. 2.
4. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003.
5. Вишневский К. Д. Мир глазами поэта. – М.: Просвещение, 1979.
6. Киров Е. Ф. Теоретические проблемы моделирования языка. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989.
7. Костецкий А. Г. Материальная природа поэтического текста и его восприятие // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 200 - 206.
8. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Список словарей

9. Булыко А. Н. Большой словарь иноязычных слов. – М.: Мартин, 2006.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.315.19'36

М. О. Таирова

Об особенностях отражения категории одушевленности/неодушевленности и разумности/неразумности в падежных формах дагестанских языков

В статье проводится сравнительное исследование случаев отражения категорий одушевленности/неодушевленности и разумности/неразумности в падежных формах дагестанских языков на материале рутульского и цахурского языков.

The article is devoted to the comparative study the categories of animation/inanimation and rationality/irrationality in the case forms of Rutul and Tsakhur languages.

Ключевые слова: категория одушевленности-неодушевленности, категория разумности-неразумности, склонение в дагестанских языках.

Key words: category of animation-inanimation, category rationality-irrationality, decline in Dagestan languages.

При исследовании падежных форм рутульского и цахурского языков обращает на себя внимание тот факт, что в них представлены и категория одушевленности-неодушевленности, и категория разумности-неразумности, что не является нормой для дагестанских языков. Как правило, разграничение одушевленных и неодушевленных существительных основано на лексическом значении. Их грамматическая дифференциация, к примеру, в русском языке, обусловлена различием в оформлении родительного и винительного падежа множественного числа. Причем, эта лексико-грамматическая категория не имеет маркеров в именительном падеже – здесь она проявляется имплицитно, выявить принадлежность слова к группе одушевленных или неодушевленных можно при наличии знаний о лексическом значении слова или информации о его склонении.

В дагестанских языках наблюдается несколько иная дифференциация: имена существительные распределяются по классам разумных (людей) и неразумных существ (животных, птиц, рыб, насекомых, вещей, явлений и т.д.). Следовательно, категория разумности/неразумности в дагестанских языках не полностью соответствует категории одушевленности/неодушевленности в русском языке. Логично, что различается и сфера употребления вопросов *кто?* и *что?* в русском и дагестанских языках. Сфера употребления вопроса *кто?* в русском языке шире, чем в дагестанских, сфера же употребления вопроса *что?* в дагестанских языках шире, чем в русском.

Общепринятое представление о распределении имен по лексико-грамматическим классам, в основе которого предполагается принцип противопоставления названий человека (личности) всем остальным названиям, реализовано практически во всех исследованиях, посвященных дагестанским языкам.

Вышеизложенные факты позволяют некоторым исследователям предполагать, что в дагестанских языках отсутствует лексико-грамматическая категория одушевленности/неодушевленности, что она заменяется категорией разумности/неразумности [2, с. 59]. Но это утверждение верно не для всех дагестанских языков, о чем свидетельствует фактический материал некоторых из них. Исследуемые категории в рутульском и цахурском языках являются лексико-грамматическими, так как соотносительность имен существительных и субстантивов с каждой из этих категорий влияет на их грамматическую природу. Лингвисты-дагестановеды, не изучавшие факты рутульского и цахурского языков, констатировали, что «Разграничение существительных класса людей и нелюдей в дагестанских языках не наблюдается в падежных формах, хотя в некоторых из них эти существительные склоняются по различным типам склонения» [2, с. 59]. М. Ч. Чеерчиев пишет: «в частности, существительные класса людей и класса нелюдей склоняются одинаково» [8, с. 83]. В подтверждение этой точки зрения он приводит парадигмы склонения существительных в аварском, агульском, гинухском и хиналугском языках, отражающие теоретическое положение об идентичности склонения разумных и неразумных существительных и субстантивов.

Мы можем отметить, что это положение верно для большинства дагестанских языков, но не для всех. Так как категории одушевленности-неодушевленности и разумности-неразумности проявляются в прямых основах имплицитно, мы провели анализ склоняемых форм двух родственных новописьменных дагестанских языков лезгинской группы – рутульского и цахурского – и пришли к выводу о грамматической выраженности в них обеих категорий.

Так, в рутульском языке при склонении одушевленных имен существительных множественного числа в косвенных падежах появляется вставочный элемент **-ш-**, при склонении же неодушевленных имен – вставочный элемент **-м-**:

Номинатив	хынимер «дети»	халбыр «дома»
Эргатив	хыниме-ш-е	хал-м-ыра
Генитив	хыниме-ш-ды	хал-м-ыд
Датив	хыниме-ш-ис	хал-м-ыс.

Этот факт отражен в трудах Г. Х. Ибрагимова [3], С. М. Махмудовой [5], М. О. Таировой [6] и других исследователей падежной системы рутульского языка.

Исследование аналогичных парадигм склонения в цахурском языке выявило, что в косвенных падежах и одушевленных, и неодушевленных имен появляется вставочный элемент **-ш-**:

Номинатив	чуба «братья»	хайбы «дома»
Эргатив	чуби-ш-е	хайби-ш-е
Генитив I	чуби-ш-да	хайби-ш-да
Генитив II	чуби-ш-ди	хайби-ш-ди
Датив	чуби-ш-ис	хайби-ш-ис.

Дифференциация по одушевленности/неодушевленности не характерна для других дагестанских языков. Как правило, при склонении во множественном числе имена существительные в них либо склоняются по единой схеме, либо (в редких случаях) распределяются на группы в соответствии с категорией разумности/неразумности. Но явления, аналогичные описанным нами в рутульском языке, наблюдаются и в ботлихском языке, в котором существительные во множественном числе организованы по принципу противопоставления названий одушевленных предметов названиям неодушевленных предметов [1, с. 295].

Дальнейший анализ склоняемых форм рутульского языка показал, что при склонении субстантивов во множественном числе вставочный элемент **-ш-** служит маркером косвенной основы слов I, II классов, обозначающих разумных существ, а вставочный элемент **-м-** оформляет косвенную основу слов III, IV классов, обозначающих неразумных существ:

	I, II классы	III, IV классы
Номинатив	джыкдыбыр «короткие»	джыкдыбыр
Эргатив	джыкдыби-ш-е	джыкды-м-ыра
Генитив	джыкдыби-ш-ды	джыкды-м-ыд
Датив	джыкдыби-ш-ис	джыкды-м-ыс

При склонении имен существительных в единственном числе грамматические показатели одушевленности-неодушевленности не выявляются. Но один из диалектов рутульского языка – ихрекский – проявляет своеобразие в отношении исследуемой категории: так, при склонении форма родительного падежа одушевленных имен присоединяет аффикс **-vɔ** (*дид-ыд* «отца», *нин-ыд* «матери»), форма неодушевленных имен – аффикс **-ɔv** (*халды* «дома»). В других ареальных единицах рутульского языка формантами генитива также служат **-ɔv**, **-vɔ**, но их применение не мотивировано категориями одушевленности-неодушевленности и разумности-неразумности.

Анализ склоняемых форм субстантивов единственного числа мухадского диалекта, легшего в основу литературного рутульского языка, демонстрирует, что косвенная основа разумных имен I, II классов содержит вставочный элемент **-ний-**, а косвенная основа неразумных имен III, IV кл. – элемент **-ɔ-**:

	I, II классы	III, IV классы
Номинатив	джыкды «низкий, короткий»	джыкды
Эргатив	джыкды-ний-э	джыкды-д-ире
Генитив	джыкды-ний-ды	джыкды-д-ид
Датив	джыкды-ний-ис	джыкды-д-ис

Аналогичная ситуация складывается в цахурском языке: косвенная основа разумных имен I, II классов содержит вставочный элемент **-кьв-/-кь**, а косвенная основа неразумных имен III, IV кл. – элемент **-чи-**:

Номинатив	цѣрна (I кл.) «новый»	цѣдын (IV кл.) «новый»
Эргатив	цѣрун-кьв-е	цѣдын -чи-н
Генитив I	цѣрун-кьу-на	цѣдын-чи-на
Датив	цѣрун-кьу-с	цѣдын-чи-с

Своеобразие в разграничении категории разумности/неразумности проявляет ихрекский диалект рутульского языка, в котором вставочные элементы косвенной основы разумных и неразумных имен совпали в единой форме **-ну/-ни** [9, с. 432]:

Номинатив	рыхды (II кл.) «хорошая»	гьыхды (IV кл.)
Эргатив	рыхды-ну-раь	гьых-ни-ираь
Генитив	рыхды-ни-ды	гьых-ни-ды
Датив	рыхды-ни-с	гьых-ни-с

При исследовании системы падежей рутульского и цахурского языков выявляются специфические факты, не характерные для других дагестанских языков. Так, употребление некоторых местных падежей в них регламентируется категориями одушевленности-неодушевленности и разумности-неразумности: в цахурском языке аффектив характерен только для одушевленных имен, а серия местных падежей на **-v/-vv** – только для неодушевленных имен.

Аффектив в цахурском языке имеет форманты **-vкӀле/-кӀле**, употребляется с ограниченным количеством глаголов чувственного восприятия и может выступать в значении грамматического субъекта или объекта: *даккикӀле урус миз вацӀа воб* – «отец русский язык знает»; *зы гьайна балкан даккикӀле гьаагвас* – «я эту лошадь отцу покажу».

Для падежной системы родственного рутульского языка этот падеж не характерен, а при глаголах чувственного восприятия в качестве субъекта и объекта действия употребляется форма дательного падежа. В цахурском языке, в отличие от маркеров аффектива, показатели местных падежей серии на **-v/-vv** присоединяются только к основе неодушевленных существительных и субстантивов: *чӀалага* «в лесу» – *чӀалагаа* «из лесу» и т.д.

Аналогичная ситуация сложилась и в рутульском языке: падежи 1-й серии – совпадающий формально инэссив/инлатив и суперлатив – характерны только для неодушевленных существительных:

I класс	II класс	III класс	IV класс
Ном. дид “отец”	нин “мать”	зер “корова”	хал “дом”
Эрг. дид-е	нин-е	зир-ире	хал-ыра
Ген. дид-ды	нин-ды	зир-ды	хал-ды
Дат. дид-ис	нин-ис	зир-ис	хал-ыс
Комп. дид-ыхъаъ	нин-ыхъаъ	зир-ыхъаъ	хал-ыхъаъ
Комит. дид-ыхъван	нин-ыхъван	зир-ыхъван	хал-ыхъван
Инес./инлат.	–	–	хал-а
Суперлатив	–	–	хал-а-а

Специфическим является также то обстоятельство, что в цахурском языке морфологическое оформление эргатива зависит от соотношенности имени существительного или субстантива с категорией разумности/неразумности. Ибрагимов Г. Х. отмечает, что «в эргативе разумные имена (I, II) принимают афф. *-e*, *-ë*... Неразумные имена (III, IV) в эргативе принимают афф. *-vн/ -н*» [4, с. 69-70].

Случаи семантической обусловленности аффиксов эргатива характерны и для рутульского языка: в единственном числе посредством формантов, состоящих из одного гласного звука (*-а-* и *-е-*) образуется эргативный падеж от ограниченного количества слов, связанных с личностью и относящихся к I или II лексико-грамматическому классу (*сус* “сноха” – *сус-а*, *гаг* “свекр” – *гаг-а*, *нин* “мать” – *нин-е*, *дид* “отец” – *дид-е*); в остальных именах эргатив передается аффиксами, содержащими в структуре согласный *-р-* (*духул* “камень” – *духл-ара*, *убур* “ухо” – *убр-ура*, *кьырыб* “кость” – *кьырб-ыра* и т.д.).

Примеры, приведенные выше, демонстрируют, что лексико-грамматические разряды одушевленности-неодушевленности и разумности-неразумности в исследуемых языках тесно переплетены: при склонении имен существительных рутульского языка во множественном числе учитывается их одушевленность-неодушевленность, при склонении же субстантивов – разумность-неразумность; по местным падежам некоторых серий в сравниваемых языках склоняются только неодушевленные существительные, тогда как аффиксами аффектива в цахурском языке маркируются только одушевленные существительные; распределение аффиксов эргатива в цахурском и рутульском языках мотивировано категорией разумности / неразумности.

Проведенный сравнительный анализ позволяет нам заключить, что в исследуемых языках лексико-грамматическая категория одушевленности-неодушевленности проявляется в прямой основе имен существительных

имплицитно. В них параллельно функционирует еще одна семантически и формально близкая категория – категория разумности-неразумности, значимая для грамматики: многие лингвисты полагают, что в основе организации имени по лексико-грамматическим классам в дагестанских языках лежит принцип противопоставления «человек – все остальное» на том основании, что во всех этих языках вопрос *кто?* может относиться только к человеку, а вопрос *что?* – ко всему остальному. Согласно другой точке зрения, «более древняя система именных классов в аваро-андийских языках была ориентирована на категорию одушевленности-неодушевленности» [7, с. 216].

Сравнение фактов грамматики двух родственных дагестанских языков, выявление в них сходных и противоположных черт поможет проследить пути развития языков лезгинской группы и будет способствовать реконструкции их праязыкового состояния.

Список литературы

1. Гудава Т. Е. Языки народов СССР. – М., 1967. – Т. 4.
2. Загиров З. М. Сопоставительная грамматика русского и дагестанских языков. – Махачкала, 2002.
3. Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. – М., 1978.
4. Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык. – М., 1990.
5. Махмудова С. М. Морфология рутульского языка. – М., 2001.
6. Таирова М. О. Морфология склонения в рутульском языке. – Махачкала, 2002.
7. Хайдаков С. М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. – М., 1980.
8. Чеерчиев М. Ч. Некоторые фонетические и морфологические особенности системы дагестанских языков в сопоставлении с русским. – Махачкала, 2009.

Список словарей

9. Джамалов К. Э., Семедов С. А. Рутульско-русский словарь. – М., 2006.

Относительное время и перфект

В статье рассматриваются формы относительных времён английского языка, которые не имеют соответствий в русском, но их аналоги есть в темпоральных системах дагестанских языков, в частности, лезгинского. Традиционно в число относительных времён английского языка включается и перфект настоящего. В лезгинском языке перфектность и соотнесённость момента речи с моментом перцепции ситуации выражаются дискретно – разными агглютинативными формантами. Это даёт повод считать перфект настоящего формой абсолютного, а не относительного времени.

The article studies the forms of relative tenses of the English language that have no correspondence in Russian, but their counterparts are in temporal systems of some Dagestan languages, in particular in Lezgin. Traditionally present perfect is included into the relative number of tenses of the English language. In Lezgin perfectivity and correlation of the moment of speech with the moment of perception of the situation are expressed discretely – with the help of different agglutinative formants. This gives reason to consider present perfect being the form of absolute rather than relative tense.

Ключевые слова: абсолютное время, относительное время, перфект, таксис, темпоральность.

Key words: absolute tense, perfect, relative tense, taxis, temporality.

При обучении английскому языку носителей дагестанских языков есть возможность опираться на типологически сходные черты родных языков. В частности, аспектуально-темпоральные системы дагестанских языков по своей структурной организации во многом похожи на парадигму видовременных форм английского языка. В них, например, в лезгинском языке, представлены формы относительного времени, семантические структуры которых устроены аналогично временным формам перфектной группы английского языка. В русском языке, являющемся для дагестанцев языком обучения, метаязыком толкования единиц парадигмы английского глагола, имеются грамматические формы только абсолютного времени. Между тем для правильного употребления форм перфектной группы, для их адекватного восприятия в литературном тексте очень важно точное осмысление грамматического содержания перфектных форм. Этому способствует сопоставление систем временных форм английского и лезгинского языков. С другой стороны, в лезгинском языке – языке с агглютинативной тенденцией – каждый компонент грамматического содержания глагольной формы имеет, как правило, свой гапloseмный показатель. Это даёт основания для разграничения тесно переплетающихся глагольных категорий абсолютного и относительного времени, относительного времени и таксиса, таксиса и эвиденциальности и др.

Сравнение форм относительного времени английского и лезгинского языков даёт возможность и для разграничения категорий относительного времени и перфекта. Тезис о том, что перфект можно отграничить от форм относительного времени, мы высказывали в статье «Абсолютное и относительное время (к разграничению на материале русского, лезгинского и английского языков)» [14]. При обсуждении различий между абсолютным и относительным временем на материале этих языков обнаружилось, что относительное время – в принимаемой нами его трактовке А. В. Бондарко [1] и Г. А. Золотовой [5] – в лезгинском языке выступает как самостоятельная категория, выражаемая специальным формантом. В английском языке к формам относительного времени относят формы перфектной группы, в том числе и перфект настоящего времени. В данной статье обсуждается различие относительного времени и перфекта, которое оказалось возможным эксплицировать благодаря особенностям временных форм лезгинского глагола: в них относительное время выражается специальным агглютинативным аффиксом, присоединяемым к перфектным формам. Например: *Цуькверал чиг ацукьнава* 'На цветы выпала (*села-есть) роса'; Здесь *ацукьнава* [садиться-ПЕРФ] < *ацукь-на-ава* [садиться-АОР-быть-ПРЕЗ]. Ср.: *Хуьре жив ацукьнавай* 'В селе снег лежал (*севши-был (тогда))'; Здесь *ацукьнавай* [садиться-ПЛПЕРФ] < *ацукь-на-ава-й* [садиться-АОР-быть-ПРЕЗ-ОТН]. То есть форма плюсквамперфекта – относительного времени (ОТН) – образуется соотношением посредством аффикса *-й* формы перфекта с моментом перцепции ситуации, находящимся в прошлом относительно момента речи.

Аналогично соотношение форм перфекта и плюсквамперфекта в английском языке. Например: *The door is closed* [ПЕРФ] 'Дверь закрыта (*есть закрыта)'. Ср.: *The door was closed* [ПЛПЕРФ] 'Дверь была закрыта'. Форма плюсквамперфекта описывает ту же ситуацию, что и перфект, но воспринимаемую не в момент речи, а в некоторый момент времени, предшествовавший моменту речи. Семантические структуры сравниваемых форм лезгинского и английского языков совершенно идентичны. Различия носят формальный характер. Лезгинский язык как язык с агглютинативной тенденцией образует плюсквамперфект добавлением аффикса (*-й*) к форме перфекта, а английский – путём замены формы настоящего времени связки (*is*) на форму прошедшего времени (*was*).

Основанием для разграничения абсолютного и относительного времени для нас служит совпадение / несовпадение времени перцепции ситуации, т.е. временного дейктического центра, с моментом речи. У А. В. Бондарко [1, с. 8 - 21] это интерпретируется так: если временной дейктический центр момент речи – это абсолютное время, если временной дейктический центр не момент речи – это относительное время. Если следовать логике такого определения, иллюстрируемой приведенными выше примерами, то перфект настоящего времени не согласуется с понятием от-

носительного времени. Особенно это наглядно показывает лезгинский пример, где собственно перфектность и соотнесённость временного дейктического центра и момента речи выражены дискретно, двумя разными аффиксами. В английском языке формы связки синкретично оформляют и перфектность ситуации, и её соотнесённость с тем или иным временным планом. Аффикс *-й* в обсуждаемых лезгинских формах соотносит момент восприятия ситуации с моментом речи. Он как бы указывает на время перцепции действия, не совпадающее с моментом речи. У Г. А. Золотовой [5, с. 8-29] перцептивное время определяется как пространственно-темпоральная позиция говорящего, его перемещающийся «наблюдательный пункт». Отношения, выражаемые аффиксом *-й* в приводимом выше лезгинском примере, соответствуют понятию перцептивного времени по Г. А. Золотовой. Перцептивное время отграничено в формах относительно времени от момента речи. Ситуация описывается ими не относительно момента речи, а относительно некоторой точки отсчёта, отличной от него. Для отграничения относительного времени от перфекта важным, на наш взгляд, является именно это обстоятельство. Перфект, при всей неоднозначности трактовки его аспектуально-темпорального содержания, описывает ситуацию именно относительно момента речи. Ср.: *атанва* [прийти / приходиться-ПЕРФ] (< *ата-на-ава* [прийти / приходиться-АОР-быть-ПРЕЗ]) ‘пришёл-есть’ > *атанвай* [прийти / приходиться-ПЛПЕРФ] (< *ата-на-ава-й* [прийти / приходиться-АОР-быть-ПРЕЗ-ОТН]) ‘пришёл-был’, где ситуация описывается относительно некоторого времени в прошлом, а не момента речи.

Приводимая трактовка относительного времени Г. А. Золотовой схожа с его интерпретацией Г. Г. Сильницким. Он писал о первичном и вторичном временном дейксисе, причем последний рассматривался исключительно в связи с относительными временами английского глагола. По его мнению, формы первичного временного дейксиса (рус. врем. формы, англ. Present, Past, Future Tense) локализуют действие относительно момента речи. Но в английском языке эта точка служит ещё и основанием для дальнейшего, вторичного временного соотнесения действия. Многоступенчатая система временной локализации действия, полагал Г. Г. Сильницкий, возникает в английском языке вследствие более тесной связи видовых и временных значений глагола, что и обуславливает сложное значение форм относительного времени, к которым он относил и Perfect [10]. Однако перфект, по нашему мнению, не содержит многоступенчатой локализации действия. В отличие от форм относительного времени, перфект локализует ситуацию именно относительно момента речи.

Согласно концепции А. И. Смирницкого, перфектные формы вступают в оппозитивные отношения с неперфектными и конституируют особую грамматическую категорию временной соотнесенности, отличную от времени и вида [11, с. 311-314]. Он считал перфект грамматической формой,

предназначенной для выражения отношений предшествования и противопоставленной в этом плане не-перфекту. Отношения предшествования – один из содержательных компонентов, конституирующих категорию таксиса. Поэтому в последние десятилетия оппозиция перфект / не-перфект чаще рассматривается в связи с обсуждением средств оформления таксисных отношений. Семантикой перфектности при этом признаётся указание на предшествование. Например, в работах О. С. Ахмановой, С. Беленькой (в отношении англ. языка), А. И. Бородиной (в отношении англ. и нем. языков) таксис связывается именно с оппозицией перфект / не-перфект, выражающей отношение предшествования [15; 2]. Система перфектных форм трактуется как средство выражения таксиса и у Н. Б. Телина: «Наиболее важный компонент таксиса – значение предшествования... – опирается на временные значения..., в которых к содержанию прошедшего, настоящего и будущего добавляется в качестве подчиненного компонент предшествования. Имеется в виду, естественно, система т.н. перфектных значений» [13, с. 431] Инвариантное значение перфекта, пишет Н. Б. Телин, исключительно таксисного характера. Специфика «таксисности» перфекта заключается не в одном-единственном предикате с «двойной временной ориентацией», а скорее в «двойном, т.е. иерархически сложном, предикате: с одной стороны, в предшествующем действии / состоянии, и – с другой, в последующем актуальном состоянии релевантности предшествующей структуры». Связывает содержание перфектности с указанием на предшествование и Н. В. Перцов [9, с. 14].

На наш взгляд, вернее интерпретируют содержание перфекта авторы, которые объясняют его специфику аспектуальными характеристиками. С категорией вида связывают перфектность Б.А. Ильиш [6], Г.Н. Воронцова [3]. Они различают в английском языке категории вида и времени, но считают их обязательно сопутствующими друг другу. Б.А. Ильиш выводит наличие вида исходя из противопоставления форм, имеющих видовое содержание, формам «общего вида». То есть исходя из наличия привативной видовой оппозиции, в которой маркированным видовым значением формам Continuous (продолженный или длительный, процессуальный вид, прогрессив) противопоставлены немаркированные формы. Собственно, и в русском языке видовая оппозиция является привативной, но она при этом является несловоизменяемой, а маркированной в ней является противоположная граммема – совершенного вида. В английском и лезгинском языках представлены словоизменяемые видовые оппозиции сходной структурной организации. Аспектуальная природа содержания перфекта хорошо видна при сравнении единиц парадигмы с одинаковыми темпоральными, но разными аспектуальными значениями.

Таблица 1

Писать	лезгинский язык		английский язык	
	настоящее	прошедшее	настоящее	прошедшее
Перфект	<i>кхъенва < кхъе-на-ава</i>	<i>кхъенвай < кхъе-на-ава-й</i>	<i>has written</i>	<i>had written</i>
Имперфект	<i>кхъизва < кхъи-з-ава</i>	<i>кхъизвай < кхъи-з-ава-й</i>	<i>is writing</i>	<i>was writing</i>

Полужирным шрифтом выделены формы связок, которые собственно и выражают темпоральную семантику. Она у перфекта и имперфекта – одинаковая, а различаются они видовыми значениями. В парах же настоящее – прошедшее одинаковые видовые значения. Перфект, как видим, отличается от плюсквамперфекта (*Past Perfect*) только лишь отсутствием у него значения относительного времени, т.е. является формой абсолютного времени.

Интерпретируют оппозицию перфект / не-перфект как самостоятельную грамматическую категорию и другие авторы, например, М. Джуз и Дж. Бауэр. Но при этом М. Джуз называет оппозицию перфект / не-перфект двумя «фазами», а Дж. Бауэр предлагает для неё дефиницию «статус» [16; 21], следовательно, в их характеристике перфекта речь идёт не о предшествовании – следовании ситуаций, а об аспектуальных характеристиках одной ситуации, передаваемой глагольной формой. Аспектуальное содержание выступает на первый план и в трактовке перфекта Ю. С. Масловым. Он интерпретировал перфектность как специфическое аспектуально-темпоральное значение. Временная двуплановость перфектных форм, по его мнению, отчасти оправдывает их толкование как относительных времен предшествования. Но предшествование может быть выражено и с помощью простых претеритов. В отношении же перфекта, считал Ю. С. Маслов, следует говорить о видовом оттенке. При этом, слово видовой употребляется не в смысле относящийся СВ или НСВ, а относящийся к указанию помимо действия на ту или иную связь этого действия с последующим временным планом [7, с. 164]. Перфект, как пишет Ю. С. Маслов, указывает на связь предшествующего действия или состояния с моментом речи, и поэтому сам по себе не реализует таксисных значений. Он выражает не временное соотношение двух разных действий, а «два этапа развития одной ситуации, обозначенных одним предикатом» [8, с. 196].

То есть перфект не выражает предшествование одной ситуации другой, он лишь указывает, что вся ситуация, обозначаемая глаголом, целиком разворачивается до момента речи и связана с моментом речи. При этом если даже формой перфекта обозначается действие, имевшее место не непосредственно до момента речи, она всё равно устанавливает «соприкосновение» этой ситуации с моментом речи. Основным значением

перфекта настоящего времени является выражение действия, совершившегося к настоящему моменту, результат которого имеется налицо в настоящем времени, например: *I have made my little observations of your English nation – said Poirot dreamily, – and a lady, a born lady, is always particular about her shoes* (Christie A. «Tales of Mystery»).

Но перфект может выражать и действие, совершившееся в более отдаленное время в прошлом: *Pleased? Are you pleased? – He whispered. – How could you be? I've not only matched you, I've beaten you. I've won, don't you see?* (Dobbs M. «The Touch of Innocents»).

При употреблении перфекта настоящего времени говорящий актуализирует результат, вытекающий из имевшего место действия, а не время его совершения. Например, английская форма перфекта *has acquired* от глагола *acquire* 'приобретать' означает 'приобрел и в настоящий момент имеет', в то время как неперфектная форма *acquired* означает только то, что в некоторый момент в прошлом приобретение имело место, но не связывает это с положением дел здесь и сейчас. Ср. также рус.: *Что-то дует, наверное, где-то окно открыто* (неважно, когда его открыли). Причём, в отличие от русского языка, в английском (*has acquired, is closed*) и лезгинском (*чиг ацукънава* 'роса выпала (*села-есть)') эта связь имевшей место ситуации с моментом речи эксплицируется связкой. В приводимых примерах из лезгинского и английского языков роль связки именно в том и состоит: она устанавливает связь имевшей место ситуации с моментом речи, чем собственно и создаётся семантика перфектности. Перфект локализует ситуацию именно относительно момента речи, т.е. в перфекте момент речи и момент восприятия ситуации сведены в одну точку, в отличие от плюсквамперфекта (относительного времени), в котором точка перцепции ситуации перемещается относительно момента речи в прошлое, и это морфологически маркируется в самих глагольных формах лезгинского и английского языков. Таким образом, в отличие от плюсквамперфекта, перфект мы не относим к формам относительного времени в изложенном выше понимании.

Содержание плюсквамперфекта обычно интерпретируется как «темпорально смещенное перфектное значение» [8, с. 105]. Типологические исследования плюсквамперфекта демонстрируют структурную идентичность его форм в разных языках. Семантика плюсквамперфекта реализуется в двух значениях. Первое представляет собой комбинацию абсолютного времени (действие ориентировано на момент речи) и относительного времени (действие ориентировано на некоторую точку отсчета в прошлом) [18, с. 272]. Второе – интерпретируется как абсолютное значение прошедшего времени второй степени отдаленности. Б. Комри фиксирует это значение плюсквамперфекта в хинди, современном восточноармянском языке, в некоторых языках западноафриканских стран. Эти значения представле-

ны в лезгинском языке двумя разными формами относительного времени, ср.: *кхьен(а)-(а)ва-й* [писать-АОР-быть-ПЕРФ-ОТН] ‘написано / написал было’ – *Past Perfect*, или плюсквамперфект; *кхье-на-й* [писать-АОР-ОТН] ‘писал (когда-то, прежде)’ – *Past Aorist*. В описаниях дагестанских языков эти формы часто называются формами давнопрошедшего времени. Формы перфектного ряда английского языка могут обозначать и действие, фиксируемое в некоторой временной точке будущего, соотносённой с моментом речи. Это – так называемый футуральный перфект. В дагестанских языках перфектные формы плана будущего не встречаются. В плане будущего времени здесь используются формы, образуемые от немаркированных видовыми значениями единиц с семантикой хабитуальности, потенциальности. В таких единицах временное значение переплетается со значениями ирреальной модальности.

Изложенное понимание соотношения перфектности и относительного времени даёт, на наш взгляд, основание считать перфект настоящего времени формой абсолютного времени и вывести его за пределы группы форм относительного времени английского и лезгинского языков.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л., 1990.
2. Бородина А. И. Категория таксиса в современном немецком языке в сопоставлении с категорией таксиса в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1975.
3. Воронцова Г. Н. Перфект в современном английском языке. – М., 1950.
4. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. – М., 1960.
5. Золотова Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 8 – 29.
6. Ильиш Б. А. История английского языка. – М., 1955.
7. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М., 1959. – С. 157 – 313.
8. Маслов Ю. С. Перфектность // Теория функциональной грамматики. – Л., 1987. – С. 195 – 209.
9. Перцов Н. В. О грамматических категориях английского языка / АН СССР. Ин-т русск. яз. – М., 1976. – Вып. 90.
10. Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические типы глаголов // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1973. – С. 320 – 338.
11. Смирницкий А. И. Перфект и категория временной отнесённости // Иностр. яз. в школе. – 1955. – № 1, № 2.
12. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – М., 1959.
13. Телин Н. Б. Познание, перспектива и метафора времени // Типология вида. – М., 1998. – С. 430 – 443.

14. Эмирова Д. М. Абсолютное и относительное время (к разграничению на материале русского, лезгинского и английского языков) // Языки народов мира и Российской Федерации. – Махачкала, 2007.
15. Akhmanova O., Belenkaya S. The morphology of the English verb. Tense, aspect and taxis. – М., 1975.
16. Bauer G. The English «Perfect» reconsidered // Journal of Linguistics. – 1970. – № 6 / 2. – P. 189-198.
17. Christie A. Tales of Mystery. – М., 1993.
18. Comrie B. Tense in indirect speech // Folia linguistica. – 1986. – XX / 3-4. – P. 265-296.
19. Dobbs M. The Touch of Innocents. – L., 1994.
20. Ilysh B. A. The Structure of Modern English. – М.; L., 1965.
21. Joos M. The English Verb: Form and Meanings. – Madison; Millwaukee, 1964.

Сокращения

- АОР – аорист
- ОТН – относительное время
- ПЕРФ – перфект
- ПЛПЕРФ – плюсквамперфект
- ПРЕЗ – презенс

Непроизвольное усвоение лексики как способ развития иноязычного тезауруса студентов

В статье рассматривается специфика непроизвольного усвоения лексики студентами в процессе рецептивных видов речевой деятельности – экстенсивного чтения и аудирования на иностранном языке. Автор анализирует некоторые трудности, с которыми учащиеся могут столкнуться во время такого изучения. Сочетание целенаправленной работы над лексикой и ее непроизвольного усвоения создает наиболее благоприятные условия для развития иноязычного тезауруса студентов.

The article looks at specific features of incidental vocabulary acquisition by students in the process of receptive activities – extensive reading and listening in a foreign language. The author analyses some difficulties that students may face during such learning. The combination of directed and incidental vocabulary learning creates the most favourable conditions for development of second language thesaurus by students.

Ключевые слова: непроизвольное усвоение, лексика, экстенсивное чтение, аудирование, целенаправленное обучение, контекст, мультимедийные словари.

Key words: incidental acquisition, vocabulary, extensive reading, listening, directed learning, context, multimedia dictionaries.

Анализ современной методической литературы позволяет нам выделить три подхода к обучению лексике и ее усвоению учащимися: непроизвольное усвоение, которое представляет собой овладение лексикой в качестве «дополнительного продукта» других видов деятельности, таких как чтение или аудирование [13, с. 256]; целенаправленное обучение, при котором преподаватель предлагает учащимся задания с целью развития их вокабуляра, и, наконец, обучение студентов учебным приемам, которые они смогут в дальнейшем использовать в процессе самостоятельной работы по развитию тезауруса.

Несмотря на то, что каждый из трех подходов имеет свои преимущества, преподавателю иностранного языка следует тщательно подойти к выбору наилучшего подхода в зависимости от поставленных целей обучения. Очевидно, что следует учитывать такие факторы, как языковой уровень учащихся и конкретные задачи, которые они перед собой ставят, особенно, если речь идет об изучении языка в специальных целях. Однако до сих пор спорным является следующий вопрос: следует ли преподавателю создавать условия для непроизвольного усвоения лексики или же он должен сам

вводить лексические единицы и контролировать процесс их усвоения учащимися?

Эффективное усвоение иноязычной лексики особенно актуально для студентов, которые изучают английский язык как иностранный и имеют недостаточно развитый вокабуляр несмотря на длительность обучения. Очень часто студенты сталкиваются с проблемой усвоения большого количества новых для них слов на занятиях по иностранному языку. Кроме этого, студенты неизбежно сталкиваются с необходимостью развития своего тезауруса во время чтения и аудирования в процессе самостоятельной работы. На начальном этапе изучения языка, целенаправленная работа над новыми лексическими единицами, как правило, занимает много времени. В процессе целенаправленной работы над лексикой внимание учащихся начального этапа направлено на различные характеристики слова (его форму, значение, употребление), что требует от них осознанных усилий, будь то механическое запоминание или другие лексические задания. Естественно, что студенты, только начинающие изучать язык нуждаются в помощи преподавателя, поскольку их ограниченный словарный запас может стать настоящим препятствием для чтения и аудирования. Дж. Коуди, определяя такую ситуацию как «парадокс новичка», указывает на необходимость целенаправленной работы с лексическим материалом, поскольку учащиеся не могут «усваивать новую лексику в процессе экстенсивного чтения, если они не владеют достаточным количеством слов для чтения» [2, с. 229]. Например, преподаватель может организовать целенаправленную работу над лексикой с тем, чтобы помочь студентам определить, какие слова важны для понимания ключевых идей в тексте.

Исключительная опора на целенаправленное обучение лексике, однако, не отвечает потребностям студентов, которые изучают иностранный язык на среднем и продвинутом этапах и обычно работают с новыми материалами на иностранном языке не столько для того, чтобы запомнить отдельные слова, но и для того, чтобы избирательно подойти к усвоению значений новых лексических единиц в процессе чтения и аудирования. Рецептивные виды речевой деятельности – чтение и аудирование – являются богатыми источниками усвоения иноязычного вокабуляра. Особенно это касается студентов, которые изучают язык в профессиональных целях и заинтересованы в расширении иноязычного тезауруса. Методисты А. Хант и Д. Бэглар справедливо отмечают, что «большинство слов как в родном, так и изучаемом языке, возможно, усваиваются непроизвольно, в процессе экстенсивного чтения и аудирования» [6, с. 266]. И действительно, именно в процессе рецептивных видов речевой деятельности у студентов есть возможность увидеть лексику в различных контекстах, что позволяет им понять разнообразные значения слов.

Анализ специфики вербальной памяти показывает, что при расширении иноязычного тезауруса учащимся следует опираться на непроизволь-

ное запоминание, так как оно создает наилучшие условия для усвоения всех связей слова в комплексе. Непроизвольное запоминание – это процесс усвоения чего-либо без предварительного намерения, а также овладение одним материалом при намерении изучить другой [14]. В процессе непроизвольного запоминания учащиеся усваивают лексический материал без установки на его изучение, либо усваивают новые лексические единицы в ходе выполнения какого-либо другого задания, например, чтения или прослушивания текста [3, с. 38]. Это не означает, что студенты не замечают новое слово, просто их внимание сосредоточено на восприятии общего содержания текста или его деталей, а запоминание новых единиц происходит непроизвольно в результате этого процесса.

Интерес к процессам непроизвольного и произвольного запоминания возник в психологической литературе в начале XX века и явился предметом классических психологических исследований [8; 11]. Работы, посвященные непроизвольному усвоению лексики, весьма противоречивы, что может быть объяснено сложным характером непроизвольного запоминания. Разграничение между непроизвольным усвоением материала и его целенаправленным изучением, согласно Р. Эллису [4], связано с выделением фокального (направленного на объект, находящийся в центре сознания) и периферического (распространяется на содержание краевой области сознания) внимания. Как отмечает автор, «целенаправленное изучение задействует фокальное внимание, направленное на лингвистический код» (к примеру, форму или форму и значение нового материала), в то время как «непроизвольное усвоение требует внимания не только к смыслу текста, но и позволяет направить периферическое внимание на языковые единицы» [4, с. 45-46]. Следовательно, как целенаправленная работа, так и непроизвольное усвоение требуют определенного внимания студентов. Отметим, что, чем большее внимание студенты обращают на лингвистические характеристики новой лексической единицы, такие, как орфография, произношение, семантические значения, связи с другими словами, тем больше вероятность того, что учащиеся усвоят слово. Более того, усвоение лексики, как отмечает Н. Шмит, носит «нарастающий характер» [15, с. 117], а именно, форма слова, его значения, ограничения в сфере употребления усваиваются не сразу, а постепенно.

В отечественной методической литературе вопрос о непроизвольном усвоении лексического материала в процессе изучения иностранного языка недостаточно освещен и ограничивается примерами естественного запоминания иноязычной лексики детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Интересно, что зарубежные исследования в основном посвящены непроизвольному усвоению материала в процессе чтения и практически не затрагивают аудирование. В отечественной методической литературе данный вопрос также не рассматривается. Но, как известно, слушание так же,

как и чтение, является одним из главных источников пополнения лексического запаса.

Непроизвольное усвоение лексики в процессе чтения или аудирования имеет несколько преимуществ. Во-первых, такое усвоение является методически эффективным, так как процессы чтения / аудирования и овладения лексикой протекают одновременно. Во-вторых, иноязычная лексика контекстуализируется, и значение каждого слова становится более понятным для студентов. В-третьих, учащиеся могут непроизвольно усваивать не только отдельные слова, но и словосочетания, которые не всегда просто запомнить в процессе выполнения лексических заданий. И, наконец, процесс развития иноязычного тезауруса индивидуализируется.

Рассмотрим подробнее последнее положение. Поскольку лексическое знание включает в себя не только овладение значениями новых единиц, но и их орфографическими, фонологическими характеристиками, мы можем сделать следующий вывод: вероятность того, что все студенты в равной степени усвоят то или иное слово, невелика. Так, например, студент, изучающий деловой английский язык, может владеть значением слова *entrepreneur*, но не знать, как оно произносится или пишется. Читая тексты по специальности и неоднократно встречая данное слово в различных контекстах, студент может усвоить его зрительный образ (написание). Аналогичный процесс наблюдается и во время аудирования, когда учащийся непроизвольно запоминает произношение лексической единицы в результате ее неоднократной встречи в аудиотексте. Таким образом, частичное знание слова, а именно его семантического значения, переходит в более полное и в дальнейшем студент будет не только владеть лексической единицей на рецептивном уровне, но и использовать ее продуктивно – в процессе общения на профессиональные темы или в деловой переписке.

Рассмотрим подробнее специфику непроизвольного усвоения лексики в процессе экстенсивного чтения. Экстенсивное чтение – это, в первую очередь, чтение для удовольствия текстов, которые учащиеся могут самостоятельно выбирать в зависимости от их интересов и языкового уровня [5]. В процессе экстенсивного чтения, как отмечают М. Свонборн и К. Глоппер, «устанавливаются и усваиваются значения новых слов, при этом основной целью читателей не является изучение новой лексики» [17, с. 95 - 96]. Для экстенсивного чтения учащимся желательно предлагать аутентичные тексты по специальности, которые могут заинтересовать студентов, мотивировать их к чтению на иностранном языке, подготовить к самостоятельному чтению вне класса. При этом непроизвольное усвоение лексики может заметно прогрессировать, если такое чтение носит регулярный характер.

Вопрос о том, может ли лексика усваиваться в процессе естественного чтения текстов без явной установки на ее изучение, является сложным. Непроизвольное усвоение иноязычной лексики зависит от таких факторов,

как повторяемость слов в тексте, степень концептуальной сложности текста, уровень внимания самого читателя. Отметим, что встреча с новой лексикой в процессе чтения сама по себе не гарантирует быстрое развитие тезауруса. Для того чтобы ускорить этот процесс, учащийся должен овладеть важными приемами работы со словами, которые помогут ему превратить произвольное усвоение лексики в эффективный учебный процесс.

Анализ механизмов усвоения лексики в родном языке показывает, что главным источником слов для носителей языка служит разнообразие контекстов, которые позволяют им экспериментировать со словами, укреплять, расширять или сужать лексические сети [1]. Этот процесс протекает не целенаправленно, а произвольно в результате чтения или слушания на языке. Известно, что читатель самостоятельно осваивает первые пятьдесят тысяч слов родного языка произвольно через контекст после неоднократной встречи с ними [10, с. 62]. Когда речь идет об изучении иностранного языка, данный вопрос является не столь простым. Как отмечает П. Нейшен «установления значений слов по контексту ... является необходимым приемом для совершенствования восприятия читаемого материала и развития вокабуляра» [9, с. 240]. Контекстуальное усвоение лексики представляет собой активное запоминание новых лексических единиц в тексте без использования внешних источников, например, словарей или глоссариев. Под незнакомой лексической единицей мы понимаем слово или словосочетание, которое читатель либо никогда ранее не видел или о значении которого не имеет четкого представления. Р. Стернберг выделяет три этапа усвоения лексики через контекст [16]: *выборочное кодирование* (разграничение релевантной и нерелевантной информации с целью формулирования определения), *выборочное комбинирование* (объединения релевантных подсказок для формулирования определения) и *выборочное сравнение* (соотнесение новой информации с уже имеющейся в памяти).

Подчеркнем, что необходимое количество повторений слова в тексте для его произвольного усвоения варьируется, и это связано прежде всего с самим контекстом (его качеством). Если незнакомое слово неоднократно встречается в содержательных (информативных) контекстах, его значение может усвоиться довольно быстро. Однако, если новое слово встречается в вводящих в заблуждение контекстах, учащимся необходимо достаточно много времени, чтобы усвоить его значение. В этом случае преподавателю следует предложить им дополнительные задания для усвоения значений лексических единиц. Количество встреч с новым словом в тексте влияет не только на запоминание значения слова, но и его форм – орфографического написания (в процессе чтения) и произношения (в процессе аудирования). Дж. Рид справедливо отмечает, что комплексное усвоение лексики включает в себя не только знание семантических характеристик слова, но и его «орфографических, фонологических, морфологических, синтаксических, прагматических признаков, а также сочетаемости» [12, с. 201].

Практика показывает, что студентам с недостаточно развитым словарем иногда не удается усвоить лексику произвольно по нескольким причинам: они могут ошибочно полагать, что знают слово и игнорировать его; им не удается установить связь между формой слова и его контекстуальным значением; лексическая единица лишь однократно встречается учащимся в тексте. Принадлежность слова к той или иной части речи также влияет на успешность контекстуальной догадки. Как правило, существительные и прилагательные являются наиболее благоприятными для установления их значения по контексту [7]. Глаголы могут вызывать определенные трудности, так как обычно встречаются в тексте с окончаниями и в различных видовременных формах.

Хотелось бы отметить, что дополнительное использование словарей и глоссариев в мультимедийном формате может положительно влиять на закрепление произвольно усвоенной лексики. Работа с данными экстратекстуальными источниками дополняет использование студентами приемов контекстуальной догадки и опоры на словообразование для установления значения новых для них лексических единиц. Студенты могут неоднократно обратиться к толкованию иноязычного слова для того, чтобы проверить правильность контекстуальной догадки (прием верификации). Обращение к компьютеризированным словарям (как двуязычным, так и одноязычным) и глоссам (текстовым, графическим, текстово-графическим) помогает компенсировать недостатки произвольного усвоения лексики, поскольку тщательная работа с незнакомыми словами положительно влияет на их запоминание.

В заключение отметим, что произвольное усвоение лексики в процессе экстенсивного чтения и аудирования может положительно влиять на развитие профессионального тезауруса студентов, особенно если они владеют языком на высоком уровне. Для учащихся с начальным и средним уровнями языковой подготовки преподавателю желательно разработать четко структурированную лексическую программу, которая позволит найти оптимальное соотношение между целенаправленным обучением лексике и произвольным усвоением новых слов при чтении и аудировании в процессе самостоятельной работы.

Список литературы

1. Carter R. Vocabulary: Applied linguistic perspectives. – London and New York: Routledge, 1992.
2. Coady J. L2 Vocabulary acquisition through extensive reading // Second Language Vocabulary Acquisition. – Cambridge: CUP, 1997. – P. 225 – 237.
3. Ellis N. C. Consciousness in second language learning: Psychological perspectives on the role of conscious processes in vocabulary acquisition // AILA Review. – Zurich. – 1994. – № 11. – P. 37 - 56.
4. Ellis R. Learning a second language through interaction. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.
5. Harmer J. The practice of English language teaching. – Essex: Longman, 2007.

6. Hunt A., Beglar D. Current research and practice in teaching vocabulary // Methodology in Language Teaching: An Anthology of Current Practice. – New York: CUP, 2002. – P. 258 – 266.
7. Laufer B. What's in a word that makes it hard or easy: Some intralexical factors that affect learning of words // Vocabulary: Description, Acquisition and Pedagogy. – Cambridge: CUP, 1997. – P. 140 - 155.
8. McLaughlin B. "Intentional" and "incidental" learning in human subjects: The role of instructions to learn and motivation // Psychological Bulletin. – 1965. – Vol. 63. – P. 359 - 376.
9. Nation P. Learning vocabulary in another language. – Cambridge: CUP, 2001.
10. Nuttall C. Teaching reading skills in a foreign language. – Oxford: Heinemann, 1996.
11. Postman L. Short-term memory and incidental learning // Categories of Human. – New York: Academic Press, 1964. – P. 145 - 201.
12. Read J. Plumbing the depths: How should the construct of vocabulary knowledge be defined? // Vocabulary in a Second Language. – Amsterdam: John Benjamins, 2004. – P. 209 -227.
13. Richards J. C., Renandya W. A. Methodology in language teaching: An anthology of current practice. – New York: CUP, 2002.
14. Richards J. C., Schmidt R. Longman dictionary of language teaching and applied linguistics. – Malaysia: Pearson Education, 2002.
15. Schmitt N. Vocabulary in language teaching. – Cambridge: CUP, 2000.
16. Sternberg R. Most vocabulary is learned from context // The Nature of Vocabulary Acquisition. – New Jersey: Erlbaum, 1987. – P. 89 – 105.
17. Swanborn M., Gloppe K. Impact of learning purpose on incidental word learning from context // Language Learning. – Michigan. – 2002. – № 52. – P. 95 - 117.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 81+811.111

Т. В. Соколова

Языковая картина мира в английских эпиграммах, посвященных семейным отношениям

В статье описывается картина мира английских эпиграмм, посвященных семейным отношениям. Проведен анализ их концептосферы с позиций когнитивной лингвистики.

The paper describes English epigrams devoted to family relations. Their language world picture and conceptosphere have been analyzed from the point of view of cognitive linguistics.

Ключевые слова: ассоциация, коннотация, концепт, концептосфера, концептуальная картина мира, метафора, эпиграмма, языковая картина мира.

Key words: association, connotation, concept, conceptosphere, conceptual world picture, metaphor, epigram, language world picture.

Эпиграмма как жанр литературного творчества активно развивалась в Англии с конца средневековья. Тематический диапазон эпиграмм очень широк, он охватывает самые разные стороны жизни, от важнейших политических проблем до незначительных бытовых подробностей. В данной статье мы рассмотрим английские классические эпиграммы, посвященные семейным отношениям.

Языковая картина мира определяется как результат объективации концептуальной картины мира в языке [1, с. 24], поэтому в статье тексты эпиграмм рассматриваются с точки зрения концептосферы, то есть в понятиях когнитивной лингвистики. У каждого народа имеется своя специфика формирования поля концептов, и английская специфика восприятия окружающей действительности, английская специфика менталитета должна отразиться в текстах эпиграмм, равно как и в текстах любого другого жанра [2, с. 34].

Базовыми концептами эпиграмм, посвященным семейным отношениям, являются концепты *муж* и *жена* (их английские соответствия *husband* и *wife*). Интересно отметить, что в английском языке слово *husband* может являться как существительным, так и глаголом. Существительное *husband* в настоящее время имеет одно основное значение: a man who is married; a woman's spouse, то есть «женатый человек, супруг жены». Переходный глагол *husband* имеет значение to tend or take care of with an eye to conserving, то есть «заботиться о чем-либо с целью сохранения», причем заметим,

что в своей глагольной форме слово *husband* уже не имеет строгой связи именно с семейной жизнью, а подчеркиваются семы 'забота' и 'ответственность'.

Слово *wife* в английском языке, в отличие от слова *husband*, может быть только существительным. Глагольная форма этого слова отсутствует. Значение у этого слова только одно: a woman who is married to a man; spouse. Интересно заметить, что слово *woman* в качестве синонима слова *wife* в настоящее время не используется, хотя этимологически слово *wife* происходит именно от староанглийского *wif*, что означало именно женщина, это слово прослеживается до древнегерманского **wiban* в том же значении [8].

Для анализа концептосферы английских эпиграмм рассмотрим их оценочный компонент. Оценочность в большинстве случаев отражает не только авторскую интенцию, но, опосредованно, и сложившиеся в данной культуре концептуальные представления [6, с. 95]. Наиболее яркой и заметной характеристикой английской классической эпиграммы является в первую очередь то, что среди рассмотренного массива текстов почти нет эпиграмм, положительно описывающих семейную жизнь. Оценки семейной жизни преобладают резко отрицательные, образы в эпиграммах создаются живописные, но в большинстве своем негативные: семейная жизнь предстает как беспрестанные ссоры.

*Know we not all, the Scripture saith,
That man and wife are one till death?
But Peter and his scolding wife
Wage such an endless war of strife,
You 'd swear, on passing Peter's door,
That man and wife at least were four.*

On one Peter and his Wife. Anon. [7, с. 229].

Начало семейной жизни – свадьба – описывается как горе, которое выражается публично. Так, например, Джордж Байрон публично высказывает свое огорчение в годовщину своей свадьбы в посвященной этому событию эпиграмме:

*Here 's a happy new year! but with reason,
I beg you'll permit me to say
Wish me many returns of the season,
But as few as you please of the day.*

On his Wedding-Day. Lord Byron [7, с. 225].

Семейная жизнь и свадьба отождествляется со смертью, хотя это, конечно, крайний и не вполне типичный случай выражения отношения к семейной жизни. Однако постоянное упоминание смерти в свадебном контексте свидетельствует о непосредственных ассоциациях, которые порождает свадьба и семейная жизнь в языке и сознании авторов эпиграмм,

и, соответственно, в языковой картине мира носителей английского языка во времена сочинения рассматриваемых эпиграмм.

*"Lo! here 's the bride, and there's the tree,
Take which of these best liketh thee."*

*"The bargain 's bad on either part
But, hangman, come drive on the cart."*

On Marriage v. Hanging. Anon. [7, с. 220].

Оригинальный источник этого сюжета усматривается в анонимной сатире, опубликованной еще в 1542 году, то есть ассоциация не нова, она существовала в английской концептосфере, как минимум, с первой половины XVI века. Из этого можно сделать вывод, что представление о свадьбе как о смерти является в английской культуре устоявшимся и давним. Возможно, эти образы можно связать с традиционными для разных культур мифологическими представлениями о смерти и рождении как о разных сторонах одного и того же явления, навеянными сезонным умиранием и возрождением природы. Хотя явно отрицательное отношение к браку как к таковому противоречит архаическим мифологическим представлениям, связывающим брак и тем более рождение детей в браке с перерождением человека. Впрочем, тема детей в браке и само наличие детей у семейных пар в эпиграммах не встречаются.

Самой допустимой причиной для свадьбы эпиграмма считает практический, материальный интерес, охоту за приданым. О любви, как о возможной причине свадьбы, в эпиграммах не упоминается. Семейная жизнь, вероятно вследствие ее недостатков, рассматривается в эпиграммах нередко как состояние непостоянное. Развод, судя по текстам эпиграмм, представляет собой вполне допустимое, предвиденное и желанное событие.

*To a deep scholar said his wife:
"Would that I were a book, my life,
On me you then would sometimes look;
But I should wish to be the book
That you would mostly wish to see;
Then say what volume should I be? "
"An almanac," said he, " my dear;
You know we change them every year".*

On a Scholar and his Wife. Anon. [7, с. 218].

Примером отношения к разводу является семейная история Байрона, о чем он также оставил язвительную эпиграмму:

*A year ago, you swore, fond she!
"To love, to honour, " and so forth:
Such was the vow you pledged to me,
And here 's exactly what 't is worth.*

Endorsement to the Deed of Separation between Lord Byron and his Wife, April, 1816. Lord Byron [7, с. 225].

Избавление от семейных уз представляется освобождением, переходом из мира мрака к свету:

*My heart still hovering round about you,
I thought I could not live without you;
Now we 've lived three months asunder,
How I lived with you is the wonder.*

To a Lady. Anon. [7, с. 227].

Семейная жизнь ассоциируется не только со смертью, но и с тюрьмой. Соответственно состояние мужа в этой ситуации метафорически описывается не только как смерть, но и как заключение. Данный вариант несколько смягчен по сравнению со смертью, поскольку освобождение из заключения представляется не только желанным, но и вполне возможным событием. За избавление от жены благодарят обычно самого бога, воспринимая избавление от жены как божью благодать. Здесь наблюдается очевидная ассоциация с библейскими легендами о женщине (Еве) как об источнике грехопадения, о женщине как о проводнике сатанинских замыслов:

*God has to me sufficiently been kind,
To take my wife, and leave me here behind.*

On the Achievement of a Married Lady, Deceased. Anon. [7, с. 228].

В жанре эпиграммы смерть жены оказывается часто реализуемым сюжетом. Она воспринимается как избавление от гнета. Отмечаются единичные примеры варианта описания смерти не жены, а мужа. Восприятие этого события женой, согласно эпиграмме, не отличается от более типичного для эпиграммы восприятия мужем смерти жены. Пока жена жива, муж в семейных отношениях выступает, прежде всего, как жертва жены, как бесправный и подчиненный человек. Это противоречит традиционной схеме семейных отношений, при которых муж является или хотя бы считается главой семьи, однако эпиграмма свидетельствует именно о наличии в Англии в целом и в английской концептосфере в частности именно такой модели семьи. Вот типичный пример:

*A place under Government
Was all that Paddy wanted:
He married soon a scolding wife,
And thus his wish was granted.*

Under Government. Anon. [7, с. 233].

В английской классической эпиграмме присутствует большое количество единиц негативной оценки жен. В качестве основного отрицательного качества жены называется обыкновенно ее болтливость:

*"I wish thou hadst a little narrow mouth, wife,
Little and little to drop out words in strife!"
"And I wish you, sir, a wide mouth, for the nonce,
To speak all that you ever shall speak at once!"*

Two Wishes for Two Manners of Mouths. John Heywood [7, с. 216].

Соответственно, отсутствие у женщины языка, хотя бы и только на портрете, выглядит как безусловно положительная характеристика.

How like is this picture, you 'd think that it breathes!

What life! what expression! what spirit!

It wants but a tongue. " Oh no! " said the spouse,

"That want is its principal merit".

On his Wife's Picture. Anon. [7, с. 230].

Жена предстает в эпиграммах и как существо самовольное, не терпящее возражений, помыкающее мужем, способное обманывать и дурачить мужа, а то и поколотить. Подобное поведение характерно для женщин-жен из разных сословий:

"Come hither, Sir John, my picture is here:

What say you, my love, does it strike you? "

"I can't say it does just at present, my dear,

But I think it soon will, it 's so like you".

On a Lady who Beat her Husband. Anon. [7, с. 228].

Агрессивность и свирепость английских жен, если верить эпиграммам, выходит за всякие допустимые рамки.

As Thomas was cudgell'd one day by his wife,

He took to the street, and fled for his life:

Tom's three dearest friends came by in the squabble,

And saved him at once from the shrew and the rabble;

Then ventured to give him some sober advice

But Tom is a person of honour so nice,

Too wise to take counsel, too proud to take warning,

That he sent to all three a challenge next morning.

Three duels he fought, thrice ventured his life,

Went home and was cudgell'd again by his wife.

On Tom and his Wife. Jonathan Swift [7, с. 218].

Здесь Джонатан Свифт, безусловно, допустил некоторую гиперболу, но, тем не менее, тенденция очевидна.

Очень редки примеры ситуаций, когда не жена, а муж доминирует в семье и, тем более, позволяет себе использовать в отношении жены меры физического воздействия.

В целом можно сделать вывод, что жена в эпиграмме предстает как носитель зла:

"Wife, from all evil, when shalt thou delivered be?"

"Sir, when I" (said she)" shall be delivered from thee".

On Deliverance from .... John Heywood [7, с. 216].

Эпиграмм, содержащих положительную оценку жен, обнаруживается существенно меньшее количество. Даже в положительных характеристиках жены звучит настороженность и ожидание от нее неприятностей. По-

ложительные же примеры брачных отношений рассматриваются как редкая удача, доступная далеко не каждому:

*When Milton was blind, as all the world knows,
He married a wife, whom his friend call'd a rose;
"I am no judge of flowers, but indeed," cried the poet,
"If she be a rose, by the thorns I may know it".*

On Milton's Wife. Anon. [7, с. 216].

Таким образом, центральным концептом английской классической эпиграммы, описывающей семейные отношения, оказывается смерть. Свадьба, женитьба рассматривается метафорически как умирание, процесс семейной жизни представляется существованием в загробном мире, в аду. Дом с женой противопоставляется свободе, семейная жизнь ассоциируется с тюрьмой. Положительное отношение к браку или к свадьбе в эпиграммах практически не отмечается.

Список литературы

1. Адонина Л. В. Концепт «женщина» в русском языковом и когнитивном сознании. – Севастополь: Рибэст, 2007.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной лингвистики // Изв. РАН, 1997. – № 1. – С. 11-21.
3. Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. – М., 1989.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
5. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 2004. – №4. – С. 17 - 33.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999.
7. Adams W. Davenport. English epigrams. – London: Woodfall and Kinder. – [Электронный ресурс]: http://www.archive.org/stream/englishepigrams00adamrich/englishepigrams00adamrich_djvu.txt
8. Online Etymology Dictionary. – [Электронный ресурс]: <http://www.etymonline.com/index.php?search>

Неология современной медиаречи

В контексте актуальных проблем медиалингвистики исследуются особенности и причины использования интернациональной специальной лексики в современном русском языке. Одной из главных особенностей функционирования лексики считаются процессы десемантизации. Особое внимание уделяется анализу семантических несоответствий медиаречи, неологизмам, лексике и фонетике русского языка.

We research peculiar features and causes of using international special vocabulary in the modern Russian language in the context of topical problems of media linguistics. Desemantization is considered to be one of the key specific characteristics of vocabulary functioning. Special attention is paid to the analysis of semantic discrepancies in media text, neologisms, Russian vocabulary and phonetics.

Ключевые слова: неологизмы, медиатекст, частотность, заимствования, десемантизация, иноязычная лексика, лексико-семантические новации, семантические несоответствия.

Key words: neologisms, media text, frequency, borrowed words, desemantization, foreign words, lexical and semantic novations, semantic discrepancies.

Медиалингвистика – раздел современного языкознания, переживающий в течение последнего десятилетия эпоху интенсивного развития. Своеобразный медиалингвистический бум обусловлен прежде всего особой влиятельностью медиаречи, представляющей целую систему исследовательских тем и перспектив, ключевые из которых, безусловно, связаны с лексикой и семантикой. Активизация интереса, обращенного к медийному дискурсу, логично и естественно приводит к обострению внимания к лексико-семантическим новациям, в первую очередь, к речевой адаптации иноязычных слов и выражений как к наиболее значимым неологическим явлениям [1, с. 11].

Но несмотря на данные обстоятельства, до сих пор сохраняется актуальность высказывания одного из крупнейших современных специалистов по внешним лексическим заимствованиям Л. П. Крысина, почти тридцать лет назад заявившего, что «в современной лингвистической литературе вопросы заимствования иноязычных слов <...> не получили сколько-нибудь удовлетворительного разрешения» [3, с. 3]. С полной ответственностью можно утверждать, что только в последние годы изучение функционирования иноязычной лексики в медийном пространстве сдвинулось с мертвой точки. В результате, в отличие от 1990-х, сам процесс заимствования перестал осознаваться и оцениваться специалистами как необратимо трагический. Например, в 1994 году вышла монография А. В. Дуличенко, автор которой констатировал победу «интеррусского диалекта» над русским ли-

тературным языком [2]. Немного раньше, в 1990 году, писатель В. Распутин, предлагая метафорически выраженную резкую оценку тогдашней речевой ситуации, в одном из выступлений восклицал: «Во что превращается наш могучий, великий, «свободный» русский язык! Какой он, к дьяволу, «свободный», если мы позволили понатаскать в него столько всяких «консенсусов», что какой-нибудь Сидоров Иван Петрович из сибирской деревни, сидя перед телевизором и мучительно вслушиваясь, готов принять их за нечленоразделие иного органа звуков, ловко замаскированное шевелением губ под умную речь» [6, с. 494]. К 1997 году накал страстей уже угасает. Интонация высказываний того же Распутина меняется: «<...> по какой такой нужде вместо привычного «продления» взяли и приучили мы себя к «пролонгации», а вместо «состава» – к «контингенту», окопавшемуся до «контингентированного» и «контингентироваться»? Красивей они звучат, больше дают, глубже пашут?» [5, с. 221 - 222].

Сегодня данная проблема обсуждается более взвешенно и дифференцированно. Теперь мало кто оспаривает объективную необходимость использования новой для большинства носителей русского языка интернациональной специальной лексики в деловой прессе, присутствие экономической или научно-технической терминологии на страницах «нишевых» изданий или в Интернете. Например, так выглядят заголовки только в одном номере еженедельника «Коммерсантъ» (27.11.2010), который относится специалистами к «качественным» изданиям: «*Арбитраж* воздал должное главному по долгам», «*МФК* свернул «*Капитал тур*», «*Инфляция* добралась до ее творцов», «Рафаэль Надаль повторил *Wimbledon*», «В Москве покушались дважды на руководителей *автосалонов*» и т.д. (курсив здесь и далее наш. – К.П.).

Трагический пафос дискуссий о состоянии лексической системы современного русского языка снимается, как представляется, несколькими обстоятельствами. Важнейшее из них – сам язык не только продолжает, но и усиливает сопротивление чрезмерной интенсификации процесса внешних заимствований. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить список новых слов, приведенный А. М. Селищевым в недавно переизданной работе «Русский язык в революционную эпоху» (1928). Устаревших ныне революционных неологизмов достаточно количество: *дауэсизация, лаборизация, фордизация, лимитрофы, флуктуация* и т.д. Значения этих слов забыты напрочь, данные лексические единицы исключены из современных толковых словарей. Или еще один пример: в уже упоминавшейся работе Л.П. Крысина приводится словарь наиболее употребительных в конце 1960-х иноязычных слов – всего около 300. В этот список вошли такие существительные, как *бантустан, гарманже, кавас, клансмен, манганелло, мачетеро*, или глаголы вроде *брюскировать* и т.п. В новом десятилетии двадцать первого века практически невозможно найти

носителя русского языка, который бы без труда смог объяснить значение этих неологизмов, появившихся полвека назад. Время отбраковало около двадцати процентов слов из словника, созданного Л. П. Крысиным. В недавнем прошлом журналисты потратили немало сил на внедрение в сознание массового читателя таких существительных как *гэмблинг* (игровой бизнес), *киднэпинг* (похищение детей с целью получения выкупа). Но их усилия также оказались тщетными. Чуть более повезло только существительному *омбудсмен*, которое иногда все же употребляется в телеречи. Хотя и эта номинация уполномоченного по правам человека, несмотря на титанические усилия телекомментаторов и телерепортеров, так и не перешагнула пределов пассивного словарного запаса.

Можно предположить, что активно функционирующие в интернет-пространстве неологизмы *адвертайзинг*, *аутсорсинг*, *блюровать*, *интрузивный*, *лоджик лайн*, *саспенс*, *фраг*, *энтертеймент*, *эвент*, *экишн*, *франчайзинг* постигнет та же участь, в первую очередь, в силу несоответствия данных лексических единиц фонетической системе русского языка.

Наиболее интересный способ самозащиты лексической системы от неологических излишеств зафиксировал Л. П. Крысин в статье, опубликованной в коллективной монографии «Русский язык в конце двадцатого столетия» (1996), где он обратил внимание на разницу в значении иноязычных слов, заимствованных в относительно недавнее время, и их русских соответствий. С точки зрения авторитетного специалиста, эта разница достаточно очевидно проявляется в структуре стилистического значения или в ограничениях по сфере использования неологизмов, которые возникли в современном русском языке в результате заимствования и входят в активный словарный запас благодаря их активному использованию в медиаречи прежде всего. В современной речевой практике примеров, свидетельствующих о продолжении функционирования достаточно отлаженного механизма освоения заимствований, немало. Общеизвестно, что в «Толковом словаре современного русского языка», изданном в Оксфордском университете в 1994 году, некоторые современные неологизмы толкуются через уже вошедшие в словарный запас среднестатистического носителя русского языка синонимы: *канистра* – *жестяная коробка*; *кабинет* – *политический кабинет* или *застекленный книжный шкаф*; *вельвет* – *бархат*; *летальный* – *смертоносный*; *апробация* – *одобрение*; *иллюминация* – *освещение*; *грим* – *сажа, грязь*; *диван* – *тахта*; *дисплей* – *показ, демонстрация*; *диаграмма* – *чертеж, схема*; *деградация* – *унижение*; *слоган* – *лозунг*; *куратор* – *хранитель в музее*; *рефрен* – *припев*; *вена* – *жилка*; *регион* – *область* и т. д. (всего около 2000 примеров).

Но даже Интернет-сообщество иронизирует по поводу такого рода соответствий, потому что очевидно, что любой носитель языка объяснит семантические различия в данных синонимических парах. «Живая» медийная речь такого рода разницу не просто демонстрирует, но и исполь-

зует в коммуникативных целях. Так, 12.11.2010 на канале «СТО» в блоке культурных новостей прошел сюжет о ставшем традиционным смотроконкурсе отечественных балетных школ, организованном Михайловским театром в Санкт-Петербурге. В финальной части сюжета корреспондент заметил: «Таинственный *меценат* из Японии, в отличие от *спонсоров*, не требовал упоминания своего имени, процентов с будущих дивидендов балетных звезд, предпочел остаться в тени».

Еще один пример связан с номинацией популярного в последнее время особого формата публичной дискуссии специалистов на заданную тему, видимо, источником своим имеющий успешные стать привычными брифинги крупных государственных чиновников или политических деятелей в связи с какими-либо значительными событиями. Этот формат предполагает лидирующее положение выполняющего специфические функции и обладающего особым статусом ведущего, которого все чаще называют *модератором*: «Я как модератор этой дискуссии обещаю, что данные установки будут поддержаны...» (13.12.2010. Канал «24 часа», реплика А. Дворковича).

Очевидно, что ни одна из приведенных пар синонимов не представляет собой лексические дублиеты. Эти семантические синонимы не могут быть использованы в русских текстах в абсолютно идентичных контекстах. Следовательно, данные примеры показывают, как в современной речи происходит достаточно сложный процесс присвоения, освоения, адаптации чужого слова. О правомерности, позитивности, положительных последствиях данного процесса филологи, писатели, публицисты начали размышлять достаточно активно еще в начале прошлого века. И очень часто эти размышления не имели специального характера, как в случае с популярной документальной эпопеей С. Федорченко о Первой мировой войне «Народ на войне». В текст этого произведения был введен такой разговор автора с солдатами: «Надо новых слов не стыдиться. Пока они тепленькие, свежие, в дугу согнуть можно – себе на потребу». Классические способы самозащиты русского языка сохраняют значительность до сих пор, в первую очередь потому, что и сегодня сохраняется главное препятствие на пути превращения русского языка в интеръяз – отсутствие ситуации двуязычия.

Но все-таки серьезная опасность в доминировании неологии заимствований имеется. Это связано с теми экстралингвистическими факторами, которые превращаются в значительную преграду для бесперебойного функционирования защитных механизмов. Один из такого типа факторов – речевая мода. Усиление влияния языковой моды, которая с невероятной интенсивностью транслируется и активнейшим образом поддерживается масс-медиа, затрудняет взвешенный подход к проблеме заимствованных неологизмов. Сегодня могущество языковой моды угрожает традиционной иерархии причин включения иноязычных слов и варваризмов в русскую речь. Если раньше на первом месте были причины собственно языковые и

из экстралингвистических – социальные, то теперь первостепенными стали психологические и даже эстетические. Макароническая речь, как и в эпоху Д. И. Фонвизина (вспомним комедию классика «Бригадир», созданную во второй половине восемнадцатого века, и горький афоризм знаменитого комедиографа: «Славны бубны за горами – вот прямая истина»), воспринимается многими как знак приобщенности к престижным западным ценностям, как символ принадлежности к элитарной культуре.

Еще один, не менее значительный, фактор, определяющий интенсивность неологических тенденций в современной русской речи, – формирующаяся в последнее время в медийной сфере эффективная система внедрения в языковое сознание личности новых слов. Ряд массовых изданий уже в течение десятилетий прибегает к публикации колонок–словников для бизнесменов и компьютерщиков, содержание которых – толкование значений специальных неологизмов («Аргументы и факты», «Общая газета», «Биржевые ведомости» и др.). Большинство журналистов владеют традиционной системой речевых приемов, с помощью которых вводятся новые слова, чаще всего варваризмы (В. Коротич, «Огонек», № 45, 2009: «Выбор промоутера – человека, который будет вести переговоры, организовывать тренировки, бои, спарринги, – один из самых важных в боксе»).

В последнее время появились основания для того, чтобы надежды на нейтрализацию негативного влияния всех названных факторов, определяющих процессы неологизации в современной медиаречи, состояние языковой системы, реализовались. Во-первых, позитивные тенденции связаны с возникновением такой речеведческой дисциплины, как «лингвистическая экология», в основе которой положены идеи и исследования А. П. Сковородникова [6]. Во-вторых, внушает определенный оптимизм возвращение под давлением научно-педагогического сообщества общественного внимания к Закону о языке, призванному защитить русскую речь от засилья такого типа неологизации, как жаргонизация, легализация табуированной лексики, абсолютная либерализация внешних заимствований.

Список литературы

1. Алаторцева С. И. Русская неология и неография. (Современное состояние и перспективы). – СПб., 1998.
2. Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. – Munchen, 1994.
3. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М., 1968.
4. Распутин В. Г. Россия уходит у нас из-под ног. Выступление на VII съезде писателей России // Распутин В. Г. В поисках берега. – Иркутск, 2007. – С. 217-224.
5. Распутин В. Г. Вопросы, вопросы... // Распутин В. Г. В поисках берега. – Иркутск, 2007. – С. 477 - 500.
6. Сковородников А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Филологические науки. – 1996. – № 2. – С. 42 – 49.

Сведения об авторах

Байкова Светлана Алексеевна – аспирант, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск); baikovich@bk.ru

Байрамукова Аджуга Измаиловна – докторант, Ставропольский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Карачаевск); baiei@yandex.ru

Барляева Елена Александровна – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург); lena6417@yandex.ru

Бородина Лали Васильевна – старший преподаватель, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск); borodinalali@yandex.ru

Бубнова Нина Викторовна – аспирант, Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени маршала Советского Союза А. М. Василевского (г. Смоленск); 85ninocka67@mail.ru

Графкова Татьяна Станиславовна – старший преподаватель, Московский государственный педагогический университет (Москва); tgrafkova@mail.ru

Григоровская Анастасия Васильевна – аспирант, Институт филологии и журналистики Тюменского государственного университета (г. Тюмень); feministka86@mail.ru

Дубинина Татьяна Геннадьевна – аспирант, Московский городской педагогический университет (Москва); dubinina-tatyana@yandex.ru

Иванищева Ольга Николаевна – профессор, Мурманский государственный гуманитарный университет, доктор филологических наук, доцент (г. Мурманск); msru@msru.edu.ru

Кабанова Светлана Александровна – доцент, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, кандидат филологических наук, доцент (г. Саранск); kabanovas1@rambler.ru

Качалова Марина Павловна – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург); mkachalova@rambler.ru

Козловская Наталия Витальевна – докторант Института лингвистических исследований РАН, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); saga@kodeks.com

Кудашова Нина Николаевна – доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук (Москва); nkudaschova@mail.ru

Кузьмина Ирина Сергеевна – ассистент, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск); irakuzmina@pochta.ru

Лепёнышева Анна Александровна – ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); July15@mail.ru

Морозова Ольга Николаевна – доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); olfrost@gmail.com

Нагина Ксения Алексеевна – доцент, Воронежский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Воронеж); k-nagina@yandex.ru

Нестерова Наталья Георгиевна – доцент, Томский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Томск); nesterova-tomsk@rambler.ru

Осьмухина Ольга Юрьевна – профессор, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, доктор филологических наук, доцент (г. Саранск); osmuchina@inbox.ru

Паргина Кристина Викторовна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург); Kriskentiya@yandex.ru

Парфёнова Виктория Николаевна – аспирант, Московский педагогический государственный университет (Москва); wiktoria.kukuschkina@gmail.com

Петрова Елена Александровна – доцент, Уфимский юридический институт МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа); eleina.froloff@yandex.ru

Пирогова Надежда Геннадьевна – преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (Санкт-Петербург); nadezhda0408@rambler.ru

Соколова Татьяна Владимировна – аспирант, Санкт-Петербургский университет экономики и финансов (Санкт-Петербург); STVSP@yandex.ru

Таирова Мариза Оглановна – доцент, Дагестанский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук (г. Махачкала); mariza71@mail.ru

Филиппова Елена Вадимовна – преподаватель, Самарский государственный архитектурно-строительный университет (г. Самара); makua@rambler.ru

Цирулев Александр Федорович – докторант, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, кандидат филологических наук (г. Нижний Новгород); ciyu-olga@yandex.ru

Черепанова Нина Борисовна – аспирант, Пермский государственный педагогический университет (г. Пермь); Cherapanova01@yandex.ru;

Шарапенкова Наталья Геннадьевна – доцент, Петрозаводский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Петрозаводск); natshar@mail.ru

Эмирова Диана Мирзеевна – аспирант, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала); xtun05@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

**Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
ОБЪЯВЛЯЕТ:**

1. ВЫБОРЫ заведующего кафедрой логопедии (1,0 ст.)
2. КОНКУРС НА ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ ПРОФЕССОРСКО-
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА:

кафедра немецкой и французской филологии

- старший преподаватель – 1,5 ст.

Срок подачи документов – месяц со дня опубликования объявления

**АДРЕС: 196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10,
учёный секретарь**

Пн.-пт.: с 9.00 до 17.00; тел.: 451 – 91 – 73.

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 3

Том 1. Филология

Оригинал-макет *Н.П. Никитиной*

Подписано в печать 15.09.2011
Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 15,75
Тираж 500 экз.
Заказ 690